Сара Уотерс — автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову.

Daily Mail

Тонкая работа

18+

САРА УОТЕРС

Большой роман

Сара Уотерс

Тонкая работа

«Азбука-Аттикус»
2002

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уотерс С.

Тонкая работа / С. Уотерс — «Азбука-Аттикус», 2002 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-14497-2

Сара Уотерс – современный классик, «автор настолько блестящий, что читатели готовы верить каждому ее слову» (Daily Mail), – трижды попадала в шорт-лист Букеровской премии, в том числе и с романом, который предлагается вашему вниманию. «Тонкая работа» – это «викторианская мелодрама высшего класса, мастерски играющая на чувствах современного читателя» (The Lady); это «захватывающая история любви и обмана» (Cosmopolitan). Итак, познакомьтесь со Сью Триндер: сирота, выросшая среди воров и мошенников, она не знает, что судьба странными узами соединила ее жизнь с юной наследницей богатого, закрытого от посторонних имения. Но однажды порог дома переступает неотразимый Джентльмен… В 2016 году на Каннском кинофестивале состоялась премьера фильма «Служанка», основанного на «Тонкой работе» и номинированного на «Золотую пальмовую ветвь»; роман Уотерс был творчески переосмыслен культовым корейским режиссером Пак Хчан Уком, который прославился «трилогией о мести» («Сочувствие господину Месть», «Олдбой», «Сочувствие госпоже Месть»).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14497-2

© Уотерс С., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Часть первая 7
Глава первая 7
Глава вторая 26
Глава третья 45
Глава четвертая 62
Глава пятая 80
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Сара Уотерс
Тонкая работа

Sarah Waters
FINGERSMITH
Copyright © 2002 by Sarah Waters
All rights reserved

© Н. Усова, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Салли О.-Дж. посвящается

Автор выражает признательность:
Ленни Гудингсу, Джули Гроу, Джудит Марри, Маркусу Хоффману, Бриджет Иббз, Кэролайн Хэллидей, Лоре Гоуинг, Кейт Тейлор, Джоанне Калогерас, Джудит Беннетт, Синтии Херрап, Хирьяни Химоне и Веронике Раго.

Часть первая

Глава первая

Звали меня тогда Сьюзен Триндер, или просто Сью. Я точно знаю, в каком году родилась, но долгое время понятия не имела, в какой день, и потому привыкла считать днем своего рождения Рождество. Я сирота. Моя мать умерла. Я никогда не видела ее и совсем не помню. И если говорить о родственных чувствах, то матерью мне скорее была миссис Саксби, а вместо отца – мистер Иббз, державший слесарную мастерскую на Лэнт-стрит, в Боро[1], недалеко от Темзы.

Помню день, когда я впервые всерьез задумалась о том, что за мир меня окружает и какое место в нем отводится мне.

Была у нас девочка по имени Флора, она давала миссис Саксби пенни за то, чтобы я попрошайничала вместе с ней на представлении. Меня вообще часто брали с собой попрошайничать – в детстве у меня были очень светлые волосы, Флора и сама была белокурой, и я вполне могла сойти за ее сестрицу. Театр, куда она меня повела в тот вечер, о котором идет речь, назывался «Цирк Святого Георгия»[2]. Шла пьеса «Оливер Твист». Вспоминаю о ней как о кошмарном сне. Как сейчас вижу уступы галерки, обрывающиеся в пустоту. Пьяную тетку – она вдруг вцепилась сзади в тесемки моего платья. Помню мерцание огней, сцену, залитую зловещим тусклым светом, и завывания актеров, и визг публики. Был там один герой в рыжем парике и с рыжими усами, так я решила, что он переодетая обезьяна, до того он выделывался. Еще там была мерзкая рычащая псина с красными глазами, но хуже их всех, вместе взятых, был хозяин псины – Билл Сайкс, сутенер. Когда он стукнул бедняжку Нэнси дубинкой, все в нашем ряду повскакивали с мест. На сцену швырнули ботинок. Какая-то женщина рядом со мной не выдержала и заорала:

– Ах ты, зверюга! Гад ползучий! Да ты и мизинца ее не стоишь, подлец!

Не знаю отчего: оттого ли, что все разом поднялись, рискуя обрушить галерку, или оттого, что тетки подняли визг, а Нэнси, мертвенно-бледная, упала к ногам Билла Сайкса и больше не шевелилась, только я вдруг почему-то жутко испугалась. Мне показалось, что всех нас теперь убьют. Я зарыдала, и Флора никак не могла меня успокоить. А когда вопившая рядом женщина вдруг повернулась ко мне и растянула рот в улыбке, я зашлась пуще прежнего. Тут и Флора заревела – ей ведь было лет двенадцать-тринадцать, не больше. Она отвела меня домой, и миссис Саксби влепила ей пощечину.

– Ну и к чему ты потащила ее на такое непотребство? – возмутилась она. – Усадила бы по-тихому на лестнице. Не для того я отпускаю с вами моих деточек, чтобы потом их приводили ко мне в таком виде, – глянь, аж вся посинела от крика, бедная. Тоже мне, игрушку нашла!

Она усадила меня к себе на колени, и я снова расплакалась.

– Ну хватит, хватит, птичка моя, – сказала она.

Флора стояла перед ней молча и все наматывала на палец длинную прядь волос, прикрывала пунцовую щеку. Миссис Саксби была страшна в гневе. Она смотрела на Флору, топала по ковру ногой в домашней туфле, покачиваясь в кресле-качалке – это было допотоп-

---

[1] Квартал на южном берегу Темзы. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

[2] Известный в Лондоне театр с долгой историей; до середины XIX века назывался цирком. Примечателен тем, что в представлениях участвовали дети, а в кульминационные моменты на сцену выпускали дрессированных животных.

ное скрипучее деревянное кресло, в которое никто не смел садиться, кроме нее, – и гладила меня по спине своей большой грубой рукой. Меня же всю трясло от рыданий. И вдруг…

– Знаю я твои штучки, – тихо произнесла она. Она и впрямь про всех все знала. – Что там у тебя? Пара утиралок, так? Пара утиралок и дамский кошелек?

Флора закусила прядь волос.

– Кошелек, – призналась она после короткой заминки. – И склянка духов.

– Покажи! – Миссис Саксби требовательно протянула ладонь.

Флора насупилась, но послушно сунула руку в прореху у пояса юбки и порылась там. Можете представить мое удивление, когда прореха оказалась вовсе не прорехой – в этом месте к платью был пришит потайной шелковый кармашек. Она вынула из него черный матерчатый кошелек и склянку с пробкой на серебряной цепочке. В кошельке оказалось три пенса и еще половинка мускатного ореха. Видать, все это Флора стащила у той подвыпившей тетки, что хватала меня за платье.

Когда откупорили склянку, запахло розами. Миссис Саксби понюхала.

– Не густо, – сказала она. – Разве это улов?

– Я бы еще нашарила, – Флора покосилась на меня, – если бы она не верещала.

Миссис Саксби качнулась вперед и влепила ей новую пощечину.

– Если бы я знала, что у тебя на уме, ты бы вообще осталась ни с чем. Так вот, послушай внимательно: хочешь жулить – бери любого другого ребенка. Только не Сью. Поняла меня?

Флора набычилась, но кивнула: мол, поняла. Тогда миссис Саксби продолжала:

– Хорошо. А теперь бери и спрячь как следует, не то нажалуюсь твоей матери, что ты гуляла с джентльменами.

Потом она уложила меня в свою постель – потерла ладонями простыню, чтобы согреть ее, подула на мои пальцы, чтобы согреть меня. Из всех своих воспитанников только со мной она так возилась, больше ни с кем.

– Ну как, Сью, теперь не боишься?

Но я боялась и честно в этом призналась. Сказала, что боюсь дядьки из спектакля, что он меня отыщет и стукнет своей дубинкой. Она ответила, что знает этого дядьку: он только притворяется.

– Это был Билл Сайкс, да? Он же из Клеркенвелла[3], – добавила она. – Он в Боро и носа не кажет. Боится нашенских парней – еще накостыляют.

Я сказала на это:

– Но, миссис Саксби! Вы даже не представляете, что он сделал с бедняжкой Нэнси! Как стукнет дубинкой – и убил!

– Убил? – удивилась она. – Кого? Нэнси? Да я час назад ее видела. У нее только синяк под глазом. Она волосы зачесала на лицо, кудряшками прикрыла, со стороны можно подумать, он ее и пальцем не тронул.

– А вдруг он опять ее побьет? – спросила я.

Она ответила на это, что Нэнси в конце концов одумалась и навсегда ушла от Билла Сайкса, что она встретила симпатичного молодого человека из Уоппинга и тот устроил ее в лавочку торговать табаком и леденцами на палочке.

Она отвела ото лба мои длинные волосы и расправила их по подушке. Как я уже говорила, волосы у меня были тогда очень светлые (правда, когда я подросла, они потемнели до каштанового), и миссис Саксби мыла их с уксусом и расчесывала до блеска. Теперь же она пригладила их и, взяв одну прядь, поднесла к губам. И сказала:

– Если только Флора опять попытается сманить тебя на воровство – сразу говори мне, обещаешь?

---

[3] Лондонский квартал к северу от центральной части города.

Я пообещала.

– Вот и умница, – сказала она.

И ушла. Она унесла с собой свечу, но в двери оставила щелку, а занавеска на окне была из тюля, и в комнату проникал свет уличных фонарей. Так что было не очень темно, да и не сказать чтобы тихо. Этажом выше находилось несколько комнат, где время от времени собирались какие-то парни и девчонки: они смеялись и громко топали, бросали монеты, а то и вовсе плясали. В комнате рядом, за стенкой, жила сестра мистера Иббза. Она не вставала. Ей часто снились кошмары, и тогда она просыпалась и начинала пронзительно визжать. А по всему дому, уложенные в колыбельки валетом, как шпроты, лежали младенцы миссис Саксби. По ночам они в любую минуту могли поднять крик от малейшего шума. Тогда миссис Саксби обходила их с бутылкой джина и вливала каждому в ротик по капле, слышно было, как серебряная ложечка позвякивает о стекло.

Но в эту ночь комнаты наверху, похоже, были пусты, да и сестра мистера Иббза не вскрикивала, и, вероятно, оттого, что в доме было так тихо, младенцы спали спокойно. Привыкшая засыпать под шум и гвалт, теперь я никак не могла заснуть. Все представляла злющего Билла Сайкса и мертвую Нэнси, лежащую у его ног. Откуда-то из соседнего дома донеслась грубая мужицкая брань. Потом церковные часы отмерили час – и таким странным казался их перезвон, заглушаемый порывами ветра. Я вспомнила о Флоре: интересно, болит у нее щека или уже прошла? Потом подумала: а где находится этот Клеркенвелл, близко или далеко отсюда, и как скоро может добраться до нас дядька с дубинкой?

У меня всегда было богатое воображение, даже тогда. Когда на Лэнт-стрит послышались шаги, смолкшие прямо под моим окном, а вслед за этим заскулила собака, заскребла когтями, а потом дверное кольцо в мастерской стало тихонько поворачиваться, я подскочила как ужаленная, хотела закричать и непременно бы закричала, если бы собака не залаяла. Лай был знакомый, не как у того красноглазого чудища из театра: это подал голос наш пес Джек. Он был отличный сторож. Потом я услышала свист. Билл Сайкс не мог так нежно свистеть. Это свистел мистер Иббз. Он выходил за горячим мясным пудингом, чтобы поужинать с миссис Саксби.

– Все в порядке? – услышала я его голос. – Понюхай, какая подливка…

Что он сказал еще, я не расслышала и вновь улеглась. Должно быть, мне было тогда лет пять-шесть. Но я все это почему-то очень хорошо запомнила. Как лежала в постели, прислушиваясь к звукам из кухни: вот позвякивают вилки и ложки, вот брякает об стол тарелка, вот миссис Саксби вздыхает, снова и снова раскачивая скрипящее кресло да постукивая об пол ногой. И кажется, именно тогда я вдруг поняла – прежде мне это и в голову не приходило, – как устроен мир: что есть в нем злые Биллы Сайксы и добрые мистеры Иббзы, а также девушки Нэнси, которые могут оказаться с кем-то из них рядом. Как хорошо, подумалось мне, что я с теми, к кому в конце концов прибилась Нэнси. То есть на правильной стороне – там, где леденцы на палочке.

И только годы спустя, посмотрев «Оливера Твиста» еще раз, я поняла, что, конечно же, Нэнси погибла. Но к тому времени Флора уже стала заправской карманницей, цирк в Сарри был для нее тесен, она работала теперь в театрах и мюзик-холлах Вест-Энда и была в своем деле весьма проворна. Правда, меня она с собой больше не брала. Побаивалась миссис Саксби, как, впрочем, и все остальные.

В конце концов она, бедняжка, попалась на попытке украсть дамский браслет, и ее отправили на каторгу как воровку.

Все мы в той или иной степени были воры. Только не такие воры, которые крадут, а такие, которые помогают обстряпывать всякие темные делишки. Если в первый раз я тупо таращилась, когда Флора извлекала из прорези в юбке кошелек и духи, то в последующие

разы я этому уже не удивлялась, так как не припомню дня, чтобы кто-нибудь не заглядывал в мастерскую мистера Иббза со свертком или кульком – за пазухой, под шляпой, в рукаве или в чулке.

– Ну как, мистер Иббз? – бывало, спрашивал посетитель прямо с порога.

– Да так, сынок, – отвечал на это мистер Иббз (он слегка гнусавил). – Ну что, какие вести?

– Да нет вестей.

– Есть для меня что-нибудь?

Посетитель подмигивал:

– Есть, мистер Иббз, с пылу с жару, вас должно заинтересовать.

Разговор всегда начинался так или примерно так. Мистер Иббз кивал, потом опускал жалюзи на двери мастерской и поворачивал ключ в замке – он был предусмотрительным и никогда не рассматривал краденое перед окном. За его прилавком была занавесь из зеленого сукна, а за нею – коридорчик, ведущий прямо в кухню. Если вор был из знакомых, мистер Иббз подводил его к столу.

– Ну давай, сынок, выкладывай, – говорил он. – Я ведь не для всякого на такое иду. Но ты старый знакомый, можно сказать, член семьи…

Ободряемый подобными словами, пришелец выкладывал свое добро на обеденный стол рядом с чашками и чайными ложками.

Случалось, что все это происходило в присутствии миссис Саксби, которая кормила младенца протертой кашицей. При виде ее вор снимал шляпу.

– Как дела, миссис Саксби?

– Ничего, дорогой.

– Как дела, Сью? А ты подросла!

Все эти люди для меня были словно волшебники – куда там, даже больше чем волшебники! Потому что из-под полы куртки или из рукава у них вдруг выпархивали изящные бумажники, шелковые носовые платки, часы или украшения, а иногда на свет божий появлялись серебряные блюда, медные подсвечники, нижние юбки – порой даже целый ворох одежды.

– Добротные вещички, – говорили они, выкладывая добычу на стол для всеобщего обозрения.

Мистер Иббз потирал руки, всем видом своим выражая нетерпение. Но потом, рассмотрев вещи повнимательней, делал вдруг печальное лицо. А оно у него было очень приятное, такое честное-пречестное, щеки гладко выбритые, усики аккуратные. И когда такое лицо омрачалось, больно было видеть, просто сердце разрывалось.

– Ветошь, – заключал он и качал головой, щупая бумагу. – Очень трудно будет сбыть.

Или:

– Опять подсвечники. Как раз на прошлой неделе мне приносили дюжину превосходных подсвечников, после одной кражи в Уайтхолле. Ничего не смог с ними сделать. Никто не хотел брать.

И так стоял, понурясь, словно знает цену, но не решается назвать, чтобы не обидеть гостя. После некоторых колебаний все-таки называл – и вор вспыхивал от негодования.

– Но, мистер Иббз! – восклицал он. – Да к вам от Лондонского моста и то дороже было добраться. Давайте по-честному.

Но мистер Иббз в это время уже стоял у кассы и отсчитывал шиллинги, выкладывая их на стол: один, два, три… И бывало, замирал с четвертым в руке. Вор замечал блеск серебра: у мистера Иббза все монеты были всегда надраены, как раз на такой случай – и это было все равно что показать гончей зайца.

– А пять никак нельзя, мистер Иббз?

Мистер Иббз поднимал на него свои честные глаза и пожимал плечами:

– Я бы с радостью, сынок. С превеликой радостью. Если б ты и впрямь принес что-нибудь из ряда вон, я бы в долгу не остался. Но это, – и он указывал на россыпи шелка, ассигнаций или блестящей меди, – это все одна мишура. Этак я сам себя обворую. Или ты хочешь, чтобы я вырвал кусок хлеба у малюток миссис Саксби?

С этими словами он вручал вору его шиллинги, тот прятал их в карман, застегивал жилет и кашлял или утирал нос.

И тогда мистер Иббз, похоже, менял гнев на милость. Он вновь подходил к кассе:

– Ты не голоден, сынок? Небось сегодня ничего еще не ел? – спрашивал он по-отечески.

Вор, как правило, отвечал:

– С самого утра ни крошки.

Тогда мистер Иббз вручал ему шестипенсовик и строго-настрого наказывал потратить его на завтрак, а не ставить на лошадь, и вор отвечал что-нибудь вроде:

– Золотой вы человек, мистер Иббз, просто золотой.

Имея дело с такими людьми, мистер Иббз выручал по десять-двенадцать шиллингов чистой прибыли, и все из-за того, что казался честным и справедливым. Потому что, разумеется, все, что он говорил о тряпках или о подсвечниках, была чистая чепуха: на такие вещи у него глаз наметан, можете быть спокойны. Когда дверь за спиной вора закрывалась, мистер Иббз подмигивал мне. Потирал руки и вообще заметно оживлялся.

– А теперь, Сью, – говорил он, – не могла бы ты почистить все это, чтоб блестело? И еще можно тебя попросить – если, конечно, у тебя есть свободная минутка и если миссис Саксби не потребуется твоя помощь, – не могла бы ты взять эти утиралки и поработать над вышивкой? Только тихонечко, очень осторожно, маленькими ножничками или булавочкой: это ведь батист, видишь? Если сильно дернуть, будет дырка…

Думаю, так я и выучила весь алфавит: не записывая буквы, а спарывая их. Как выглядит мое собственное имя, я узнала, когда мне в руки попался платок с вышивкой «Сьюзен». Но что касается чтения, то у нас в обиходе этого не было. Миссис Саксби смогла бы прочесть что-нибудь в случае крайней необходимости, мистер Иббз умел читать и даже писать, но остальные обитатели нашего дома… Для нас это было все равно что… ну, скажем, говорить на иврите или делать сальто-мортале: может, это и нужно кому, например евреям или циркачам – они этим живут, а нам-то зачем?

Так мне тогда казалось. Хотя цифры я тоже выучила. Выучила, считая монеты. Хорошие монеты мы, разумеется, оставляли себе. Фальшивые слишком блестят, и их требуется натереть ваксой и жиром, прежде чем пускать дальше. Этому я тоже научилась. Шелк и лен нужно было умело постирать и погладить, чтобы вещи выглядели как новые. Драгоценности я оттирала до блеска обычным уксусом. На серебряной посуде мы ели, но лишь один-единственный раз, потому что на ней были вензеля и клейма, и после такого ужина мистер Иббз всегда собирал кубки и чаши и переплавлял их в слитки. То же он проделывал и с золотыми и оловянными вещами. Он не рисковал, в этом и было главное его достоинство. Вещи, попадавшие в нашу кухню в одном обличье, покидали ее преображенными до неузнаваемости. И хотя поступали они с парадного хода, со стороны Лэнт-стрит, – уходили от нас совсем другим путем: с черного хода. Улицы там никакой не было. Был лишь узкий крытый проход и тесный темный дворик. Когда попадаешь туда, кажется, что ты в западне. Однако выход был, надо только знать, где искать. Оттуда можно было выбраться в тесный проулок, а затем – на извилистую мрачную улочку на задворках, за которой виднелись арки железной дороги. Под одной из этих арок – сейчас уж не помню под какой – начиналась еще одна темная улочка, по ней, если вам нужно незаметно смыться, можно в два счета пробраться к реке. Несколько наших знакомых держали там лодки. На этих кривых улочках вообще жили сплошь свои люди – скажем, племянники мистера Иббза, которых я называла кузенами. С

ними мы и сплавляли дальше по всему Лондону покражу, попадавшую к нам в кухню. Мы вообще могли сплавить что угодно, причем вы и глазом бы не успели моргнуть, честно. Могли даже лед перепродать в августовскую теплынь – он бы и подтаять не успел. Даже солнечный свет в погожий день с легкостью бы перепродали – у мистера Иббза и на него нашлись бы покупатели.

Короче говоря, почти все, попадая в наш дом, выносилось с черного хода, причем молниеносно. И только одно застряло надолго, не примешавшись к общему потоку уплывающих с черного хода вещей, – то, чему мистер Иббз и миссис Саксби, похоже, не хотели давать цену.

Я говорю, разумеется, о себе.

И за это надо бы поблагодарить мою мать. С ней связана трагическая история. Она явилась на Лэнт-стрит под вечер, было это в 1844 году. Пришла она «тяжелая тобой, милая девочка», как говаривала миссис Саксби, – поначалу я это понимала так, будто моя мать принесла меня к ним то ли завернутую в тряпицу, то ли в потайном кармане под широкими юбками, то ли зашитую в подкладке пальто. Потому что я знала: она была воровка. «И какая воровка! – закатывала, бывало, глаза миссис Саксби. – Отчаянная! И притом красавица!»

«Правда, миссис Саксби? Блондинка?»

«Светлее тебя, худенькая, совсем как ты, лицо такое тонкое и бледное, как бумажка. Мы отвели ее наверх. Никто, кроме меня и мистера Иббза, не знал, что она здесь: так она сама хотела. Сказала, что за ней охотятся полицейские, аж четыре отряда, и если найдут, то повесят. За что? За воровство. Но я думаю, дело обстояло гораздо хуже. Она была тверда как кремень, потому что когда рожала тебя, то ни разу даже не пикнула, ни слезинки не выдавила. Только глянула на тебя, поцеловала в маковку, а потом дала мне шесть фунтов за то, чтобы я подержала тебя здесь, – все монетки золотые, и ни одна не фальшивая. Сказала, что ей нужно доделать одно дело – и тогда, мол, она разбогатеет. Собиралась вернуться за тобой, как только заметет следы…»

Так преподносила мою историю миссис Саксби, и каждый раз в конце рассказа голос ее становился глухим и в нем появлялись дрожащие нотки, а на глаза наворачивались слезы. Потому что она ждала мою мать, а та все не приходила. Зато вскоре кто-то принес плохую весть. Дело, сулившее матери обогащение, обернулось против нее. Какой-то мужчина, пытавшийся спасти свои ценности, был заколот. Ножом моей матери. Ее дружок донес на нее. И полиция ее поймала. Месяц мать просидела в тюрьме. А потом ее повесили.

Повесили как убийцу, на крыше городской тюрьмы. Миссис Саксби смотрела на казнь из окна той комнаты, где я появилась на свет.

Отсюда очень красивый вид – говорят, самый красивый во всем южном Лондоне. Люди даже платили нам, только чтобы поглядеть из этого оконца в день казни. Все другие девчонки визжали, когда дверца люка с треском падала, я же – никогда. Ни разу даже не вздрогнула и не зажмурилась.

– Это Сьюзен Триндер, – шептали, бывало, кивая на меня. – У нее мать повесили за убийство. Видите, какая храбрая!

Мне нравилось, когда так говорили. Кому бы не понравилось? Но дело в том – и теперь мне не стыдно в этом признаться, – что храброй я не была. Потому что храбрый человек в подобном случае должен побороть в себе скорбь. А как я могла скорбеть о ком-то, кого совсем не знала? Конечно, жаль, что моя мать кончила дни на виселице, но раз уж ей пришлось быть повешенной, то я была рада по крайней мере, что за такое стоящее дело, как убийство скряги, дрожащего над серебром, а не за что-то мерзкое, вроде задушенного младенца. А еще я думала: жаль, конечно, что она оставила меня сиротой, но ведь у многих девочек, с которыми я зналась, были матери пьяницы или полоумные: дочери с ними не ладили и говорили о них с ненавистью. По мне, лучше уж мертвая мать, чем такая!

По мне, лучше уж миссис Саксби! Гораздо лучше. Ей заплатили за то, чтобы я пожила у нее месяц, а она продержала меня аж семнадцать лет! Если это не любовь, то тогда уж и не знаю… Она ведь могла сплавить меня в приют. Могла оставить орать в колыбельке до посинения. Но ничего этого она не сделала, а, напротив, так мною дорожила, что не пускала на воровство – чтобы полицейские не сцапали. И спать укладывала в свою собственную постель. И мыла мне волосы уксусом. Обращалась со мной, словно я сокровище какое, ну, там, бриллианты.

А я вовсе не была ни бриллиантом, ни даже жемчужиной. Волосы мои в конце концов стали обычные, как у всех. Лицо тоже – ничего особенного. Я умела открыть нехитрый замок, выточить к нему ключ. Могла, бросив монетку, определить по звуку, настоящая она или нет. Но это каждый сумеет, если научить. Рядом со мной были и другие дети – они появлялись, какое-то время жили в нашем доме, потом за кем-то из них приходили родные мамаши, кому-то подыскивали новых родителей, а некоторые просто умирали. Разумеется, за мной никто не пришел, я не умерла, вместо этого все росла и наконец выросла и могла сама ходить между колыбельками с бутылкой джина и серебряной ложечкой. Мистер Иббз, я заметила, стал посматривать на меня как-то по-новому, с интересом (будто оценил наконец, что я за товар такой, и диву давался, как это я так надолго у них задержалась и кому бы теперь меня повыгоднее продать). Но когда кто-нибудь вдруг заводил разговор о дурной крови, что, мол, кровь людская не водица, миссис Саксби хмурилась.

– Иди ко мне, моя девочка, – говорила она тогда. – Дай-ка на тебя поглядеть.

И принималась гладить меня по головке, разворачивала к себе мое лицо и смотрела долгим задумчивым взглядом.

– Вылитая покойница, ну как живая, – принималась она вспоминать. – Вот такими же глазами смотрела она на меня в ту ночь. Думала, вернется за тобой – и будет тебе богатство. Но кто же знал, кто же знал?.. Так она и не вернулась, горемычная… Но богатство твое все еще ждет тебя… Твое богатство, Сью, ну и наше заодно…

Так говорила она, и не раз. Когда была не в духе и тяжко вздыхала, когда вставала от колыбельки, со стоном потирая поясницу, она находила взглядом меня, и морщины забот исчезали с ее лица, как будто мое присутствие служило ей утешением.

«Зато у нас есть Сью, – словно бы говорил ее взгляд. – *Пусть нам сейчас нелегко. Но вот – Сью. Она-то нас и выручит».*

Что ж, пусть себе думает что хочет, хотя у меня на этот счет были другие соображения. Я краем уха слышала, что у нее когда-то давным-давно был свой ребеночек – девочка, она родилась мертвой. И мне казалось, что именно это личико, личико умершей девочки, она видит, когда глядит на меня этим своим отрешенным взглядом. При мысли об этом мне порой становилось не по себе, потому что, согласитесь, довольно неприятно, что в тебе любят на самом деле не тебя, а кого-то совсем чужого, незнакомого…

Тогда мне казалось, я знаю о том, что такое любовь. И вообще про все на свете знаю. Если бы меня спросили, как я думаю жить дальше, я бы ответила, что хочу выхаживать детишек. Что, вероятно, выйду замуж – за вора или перекупщика. Когда мне было лет пятнадцать, один мальчишка подарил мне украденную пряжку и сказал, что мечтает меня поцеловать. Другой, чуть позже, повадился стоять перед дверью и насвистывать «Дочь лудильщика»[4], чем сильно меня смущал. Миссис Саксби быстро отвадила обоих. Она берегла меня пуще глаза, и в этом смысле тоже.

– И для кого, интересно, вы ее держите? – кричали мальчишки. – Для принца Эдди, что ли?

[4] Ирландская баллада «Sullivan's John» о несчастной судьбе паренька, который полюбил дочь лудильщика.

Думаю, люди, заглядывавшие на Лэнт-стрит, считали меня туповатой. В смысле не ушлой. Может, так оно и было, если мерить мерками, принятыми в Боро. Но мне самой казалось, что я достаточно пронырливая. Ведь невозможно вырасти в доме, где творятся такие дела, и не получить ни малейшего представления о том, что чего стоит – или может стоить со временем.

Вы меня понимаете?

Вы все ждете, когда же наконец начнется моя история. Да и я ждала – тогда. Но история моя уже началась – а я, как и вы, этого даже и не заметила.

Вот когда, кажется, она началась на самом деле.

Зимняя ночь. Несколько недель после Рождества, когда я отметила свой очередной день рождения. Мне семнадцать. Ночь выдалась темная, промозглая, с густым туманом и противной моросью – не то дождь, не то снег. Как раз для воров и перекупщиков: темными зимними ночами дела обделывать лучше всего, потому что простые люди сидят по домам, столичные щеголи отчаливают в загородные имения, а большие дома в Лондоне стоят запертые на замок, пустые, только и ждут грабителей. В такие ночи к нам всегда притекало много добра, а выручка мистера Иббза была больше обычного. Холод делал воров сговорчивее.

Нам же на Лэнт-стрит холод был не страшен, потому что помимо кухонного очага была у нас еще и жаровня мистера Иббза, он исправно поддерживал в ней огонь: в любой момент она могла понадобиться – что-нибудь перековать или вовсе расплавить. В ту ночь возле нее возились трое или четверо парнишек – они вытапливали золото из соверенов. Чуть поодаль восседала на своем кресле миссис Саксби, покачивая колыбель с парой малюток, и еще там были парень и девушка, жившие в нашем доме, – Джон Врум и Неженка Уоррен.

Джон был чернявый и худосочный парнишка лет четырнадцати. Он постоянно что-нибудь жевал. Думаю, это из-за глистов. В тот вечер он грыз арахис, разбрасывая по полу шелуху.

Миссис Саксби сделала ему замечание.

– Веди себя как полагается, – сказала она. – Мусоришь тут, а Сью убирать за тобой.

На что Джон ответил:

– Бедняга Сью, прямо сердце кровью обливается.

На самом деле ему плевать было на меня. Это он из ревности. Он, как и я, был сирота, мать его умерла, и к нам он попал еще младенцем. Но был таким страшненьким, что никто не захотел взять его к себе. Миссис Саксби нянчила его лет до четырех-пяти, а потом отдала в приход – но уже тогда он был сущий сорванец и все норовил сбежать из работного дома. В конце концов она упросила одного капитана взять его на корабль, он сплавал аж до Китая и вернулся в Боро при деньгах, чем и похвалялся. Денег хватило лишь на месяц. Теперь он жил на Лэнт-стрит и выполнял поручения мистера Иббза, а кроме того, обделывал кой-какие свои делишки, а Неженка ему помогала.

Это была рослая рыжая девица двадцати трех лет, довольно простоватая на вид. Руки у нее были гладкие, белые, а как она шила – любо-дорого глядеть! Джон задал ей работу – нашивать собачьи шкурки на ворованных собак, чтобы они казались попородистей.

Он был в деле с собачьим вором. Тот держал пару сук; когда у них начиналась течка, выводил на улицу, и породистые псы, забыв о своем хозяине, увязывались за ним. Потом делец возвращал собак хозяевам за десятифунтовую мзду. С охотничьими это получается лучше всего, ну и насчет дамских болонок тоже можно сговориться. Хотя попадаются такие хозяева, которые ни за что не заплатят – даже если отрежете собаке хвост и пошлете им его по почте, все равно не получите ни гроша, такие жестокосердые, – ну и вот, тех собак, которые остались невостребованными, этот Джонов приятель душил и продавал ему за бес-

ценок. Что Джон делал с мясом, не знаю, – наверно, продавал как крольчатину или съедал сам, – но шкуры, как я уже сказала, он оставлял себе, и Неженка нашивала мех на обычных дворняжек – их он потом продавал как породистых на Уайтчепелском рынке[5].

Из меховых обрезков она шила ему шубу. В тот вечер она как раз этим и занималась. Верх почти закончила: ворот и плечи были готовы и даже рукава, и шубейка уже получалась из сорока псин. Все это ее рукоделие издавало жуткий запах – она сидела у огня, – и наш домашний пес (не сторожевой, Джек, а другой, каштановый, которого назвали Чарли Хвост, как того вора в стишке[6]) весь извелся.

Время от времени Неженка показывала нам свою работу, чтобы мы оценили, как ладно у нее получается.

– Джон, правда, повезло Неженке, что ты не каланча? – заметила я, когда она в очередной раз продемонстрировала нам шубейку.

– Это тебе повезло, что ты еще не труп, – ответил Джон. Он был коротышкой и стеснялся этого. – Как это мы недоглядели? Надо нашить кусок твоей кожи на рукава, а еще лучше на манжеты, чтобы нос вытирать. Там тебе самое место, рядом с бульдогом или боксером.

Он достал нож, который всегда носил при себе, и провел пальцем по лезвию.

– Я вот все думаю, – проговорил он, – может, прокрасться к тебе ночью да и срезать кусок твоей шкуры, пока ты спишь? Как, Неженка, пришьешь такой кусочек?

Неженка, закрывшись ладошкой, пронзительно заверещала. На руке у нее было кольцо, правда великоватое, и, чтобы оно не спадало, она намотала на палец нитку – нитка вся почернела от грязи.

– Ну и шуточки у тебя! – сказала она.

Джон ухмыльнулся и стал постукивать кончиком ножа о сломанный зуб.

Миссис Саксби сказала:

– Хватит, или получишь по башке. Я не позволю тебе пугать нашу Сью.

Я вскинулась: да если бы я пугалась всякой малявки вроде Джона Врума, я бы давно перерезала себе горло. Джон ответил, что с удовольствием поможет мне в этом. Тогда миссис Саксби качнулась вперед вместе с креслом и влепила ему затрещину – точно так же она ударила когда-то бедняжку Флору, а случалось, бивала и других – и все из-за меня.

Джон на миг застыл – мы подумали, даст ей сдачи, но нет, он повернулся ко мне – верно, в отместку хотел стукнуть меня. А тут как раз Неженка вскочила со стула, так что он ударил ее.

– Ума не приложу, – оторопел он, – почему это все против меня.

Неженка расплакалась.

– Не обращай на них внимания, Джон, – сказала она, закрываясь рукавом, – они ругаются, но я-то всегда с тобой…

– Ты-то со мной, это верно. Как дерьмо с лопатой. – Он оттолкнул ее руку, и она снова села в углу – горбиться над собачьей шубейкой и поливать швы слезами.

– Ну-ну, Неженка, перестань, – сказала миссис Саксби. – Работу испортишь.

Неженка еще с минуту поплакала. Один из мальчишек, что возились у жаровни, обжегся горячей монеткой и выругался. Джон закинул в пасть очередной орех и выплюнул скорлупу на пол.

После этого все сидели тихо, и так продолжалось примерно с четверть часа. Чарли Хвост лежал у огня и подергивался – наверно, гонялся во сне за пролетками. Хвост у него

---

[5] *Уайтчепел* – один из беднейших районов лондонского Ист-Энда.

[6] Имеется в виду дразнилка из «Стихов Матушки Гусыни», но нельзя сказать, что речь там идет о воре, просто, наверное, Сью в детстве всех по привычке считала ворами. Стишок этот в переводе звучит так:Чарли Хвост сел на мост.Съел пирожок, потерял кошелек.

был сломан – однажды угодил в колесо кэба, прямо между спиц. Я достала карты и стала раскладывать пасьянс. Неженка шила. Миссис Саксби дремала. Джон сидел и с виду бездельничал, но время от времени поглядывал на мои карты и давал советы, куда какую положить.

– Вальта пик на сучку червей, – подсказывал он.

Или:

– Ты что делаешь? Ты что, совсем тупая?

– А ты не лезь! – огрызнулась я, продолжая раскладывать карты по-своему.

Колода была старая, карты замусоленные. Прежний владелец мухлевал с этой колодой, за что и был убит в драке. Я сделала раскладку в последний раз и чуть подвинула стул, чтобы Джону было не видно, как они легли.

В конце концов один из младенцев вдруг проснулся и запищал, а Чарли Хвост вскочил и залаял. От внезапного порыва ветра пламя в очаге взметнулось ввысь, а дождь ливанул по углям, и они зашипели.

Миссис Саксби открыла глаза.

– Что это? – спросила она.

– Что «что это»? – переспросил Джон.

И тут мы все это услышали: невнятный глухой стук где-то на заднем дворе. Потом отчетливо послышались шаги. У кухонной двери шаги стихли, с минуту была тишина, а потом в дверь постучали: сильно, требовательно, уверенно.

Бух-бух-бух. Вот так примерно. Как в театре, когда является призрак мертвеца. Вор так не стал бы колотить, вор стучится легонько, чуть слышно. Мы всегда могли по стуку определить, по какому делу к нам пожаловали. Но тут было что-то непонятное – думай что угодно. И даже самое нехорошее.

Мы переглянулись, и миссис Саксби вынула дитя из колыбели и прижала к груди, чтобы не слышно было плача. А Джон схватил Чарли Хвоста за пасть и крепко сжал. Ребята у жаровни сидели тихо как мышки.

Мистер Иббз шепотом сказал:

– Мы кого-нибудь ждем? Мальчики, спрячьте это добро. Ничего, что обожжете пальцы. Если это «синие»[7], мы пропали.

Они принялись собирать соверены и золотишко, какое удалось вытопить, и складывать все в носовые платки, а платки засовывали под шляпы и в карманы брюк. Один из мальчишек, Фил, самый старший из племянников мистера Иббза, быстро подошел к двери и встал за дверью, у косяка. Руку он держал за пазухой. Он два срока отсидел в тюрьме и божился, что третьего раза не будет.

Стук повторился.

Мистер Иббз сказал:

– Все чисто? А теперь спокойно, мальчики, спокойно. Сью, дорогая, как ты смотришь на то, что я попрошу тебя открыть дверь?

Я глянула на миссис Саксби и, когда та кивнула, подошла к двери и отодвинула засов. Дверь резко распахнулась мне навстречу, словно снаружи на нее навалились всем телом, – Фил так и подумал, потому что я заметила, как он, еще сильней вжавшись в стену, достает из-за пазухи нож. Но всему виной был ветер – ворвавшись в кухню, он задул половину свечей, взъерошил пламя в жаровне, разметал по полу карты. А в дверях стоял человек, весь в черном, мокрый с головы до пят, у ног его – кожаная дорожная сумка. В темноте трудно было его разглядеть – черная тень от полей шляпы падала на глаза, так что видны были лишь бледные впалые щеки да усы. И если бы он не заговорил, я бы ни за что его не узнала.

А сказал он следующее:

---

[7] «Синими мундирами» называли полицейских.

– Сью! Никак это Сью? Боже мой! Я сорок миль преодолел, только чтобы увидеть тебя. Может, не будешь держать меня на пороге? Промерз до костей.

И лишь после этих слов я его и узнала, хотя не видела больше года. Ни один из мужчин, появлявшихся на Лэнт-стрит, не говорил так, как он. Его звали Ричард Риверс, или Дик Риверс, а иногда Ричард Уэллс. Однако мы зовем его по-своему, и это домашнее имя я сейчас и произнесла, когда миссис Саксби, видя, что я стою и хлопаю глазами, вопросила:

– Кто же это, наконец?

– Это Джентльмен, – ответила я.

Конечно, произнесла я не совсем так, как сейчас говорю: не как богатые произносят, четко выговаривая все звуки, а так, как будто слово это было рыбкой, а мы ее разрезали: Дженмен.

– Это Джентльмен, – сказала я, и Фил тут же убрал нож, сплюнул и пошел назад к жаровне.

Миссис Саксби встрепенулась, при этом младенец отвернул красное личико от ее груди и снова открыл рот.

– Джентльмен! – вскричала она.

Младенец заверещал, а Чарли Хвост, которого Джон отпустил, с лаем метнулся к Джентльмену и стал наскакивать на него, пачкая лапами пальто.

– Ну ты нас и напугал! Неженка, зажги свечки-то. И поставь воду греть для чая.

– А мы решили, что вы – «синий», – сказала я, когда Джентльмен вошел в кухню.

– Я и правда чуть не посинел, – отвечал он.

Он поставил на пол свою сумку, передернул плечами, снял шляпу и перчатки, потом снял промокшее пальто – от ткани сразу повалил пар. Потом потер руки и пригладил волосы. Он носил длинные волосы и длинные усы, и теперь, побывав под дождем, они развились и казались еще длиннее, темнее и глаже. На пальцах его блестели кольца, а в кармане жилета – часы с драгоценным камнем, на длинной цепочке. Я могла и не приглядываясь сказать, что часы и кольца не из чистого золота, а камень – стекляшка, но, хоть и подделка, все равно это была очень тонкая работа.

После того как Неженка зажгла свечи, в комнате стало светлее, Джентльмен огляделся по сторонам, потирая ладони и одобрительно кивая.

– Добрый вечер, мистер Иббз, как поживаете? – произнес он весело. – Как дела, мальчики?

Мистер Иббз ответил:

– Спасибо, хорошо, золотой мой.

Мальчики ничего не ответили.

Только Фил сказал, обращаясь в пустоту:

– Он ведь вошел с заднего хода?

И другой парнишка ответил ему смешком.

Эти мальчишки всегда думают, что мужчины вроде Джентльмена – педики.

Джон тоже засмеялся, громче остальных.

Джентльмен посмотрел на него:

– Привет, блоха. Что, потерял свою мартышку?

Лицо у Джона было такое смуглое, что все принимали его за итальянца. Теперь же, после слов Джентльмена, он скорчил рожу.

– Поцелуй меня в зад, – сказал он.

– Разрешаешь? – улыбнулся в ответ Джентльмен.

Потом подмигнул Неженке:

– Привет, красавица!

И она потупилась.

Наклонился к Чарли Хвосту и потянул его за уши.

– Привет, Хвостяра. Где полиция? А? Где полиция? Ну-ка проводи их! – Чарли так и взвился. – Хороший мальчик. – Джентльмен погладил пса. – Хороший мальчик. Молодец.

Потом подошел к креслу миссис Саксби. Сказал:

– Приветствую вас, миссис С.

Младенец, проглотивший порцию джина, затих. Миссис Саксби подала гостю руку. Джентльмен взял ее руку и поцеловал – сначала суставы, потом самые кончики пальцев.

Миссис Саксби попросила Джона встать со стула:

– Пусть Джентльмен сядет.

Джон насупился, но встал и пересел на место Неженки. Джентльмен сел и вытянул ноги к огню. Он был высокий, и ноги у него были длинные. Рядом с ним Джон казался просто малявкой.

Миссис Саксби не сводила с него глаз, а он, зевая, все потирал руки. Поймав ее взгляд, улыбнулся.

– Ну вот и славно, – сказал он. – Как идут дела?

– Да помаленьку, – отвечала она.

Младенец лежал тихо, а она поглаживала его, как когда-то меня.

Джентльмен кивнул:

– А этот малютка, он приемыш или свой?

– Приемыш, разумеется, – отвечала она.

– Это он или она?

– Он, слава те господи! Еще один бедный сиротка, которого мне приходится собственноручно выхаживать.

Джентльмен наклонился к ней ближе.

– Хорошо ему! – сказал он и подмигнул.

– Ох! – воскликнула миссис Саксби и зарделась, как роза. – Не шутите так!

Да, педик не педик, а вогнать женщину в краску он умел.

…Мы называли его Джентльменом, потому что он был действительно из благородных – с его слов, когда-то ходил в настоящую школу для благородных, и у него были отец, и мать, и сестра, чье сердце он, можно сказать, разбил. У него когда-то водились деньги, но он все проиграл, и папаша его заявил, что больше он от семьи не получит ни цента, поэтому ему пришлось добывать деньги старым проверенным способом – воровством и мошенничеством. И этот образ жизни так к нему пристал, что мы думали, должно быть, у них в роду – ну, когда-нибудь давным-давно – была дурная кровь, вот ее-то он и унаследовал.

Он умел рисовать и даже одно время подделывал картины, когда жил в Париже. Потом это дело накрылось, и он, кажется, целый год переводил французские книги с французского на английский или английские на французский – не имеет значения, и при этом каждый раз слегка их переделывал и придумывал для них разные названия, так что из одной и той же истории получалось у него до двух десятков новых. Но вообще-то, по большей части он занимался чистым мошенничеством, был шулером в больших игорных домах, потому что все-таки был вхож в высшее общество и производил впечатление честного человека. Дамы – те просто были без ума от него. Три раза он чуть не женился на богатой наследнице, но каждый раз отец чуял неладное, и дело проваливалось. Многих людей он разорил, продавая им акции несуществующих банков. Он был красавчик, и миссис Саксби его просто обожала. Он появлялся на Лэнт-стрит примерно раз в год, приносил мистеру Иббзу товар, забирал фальшивые монеты, выслушивал советы и предостережения.

Я подумала, что и на этот раз он принес краденое, так же, кажется, решила и миссис Саксби, потому что, погревшись у огня и выпив принесенную Неженкой чашку чая с ромом, она уложила спящего младенца в колыбель, разгладила на коленях юбку и сказала:

– Ну что же, Джентльмен, я очень вам рада. Мы не видели вас месяц или даже два. Есть у вас что-нибудь, на что мистеру Иббзу стоит посмотреть?

Джентльмен покачал головой:

– Боюсь, для мистера Иббза у меня ничего нет.

– Как же так – ничего нет? Вы слышали, мистер Иббз?

– Очень жаль, – отозвался мистер Иббз, сидевший у жаровни.

– Тогда, может, для меня? – осторожно спросила миссис Саксби.

Но Джентльмен опять покачал головой.

– Не для вас, миссис С., – сказал он. – Не для вас, и не для этого Гарибальди, – (он имел в виду Джона), – и не для Неженки, и не для Фила и мальчиков, и даже не для Чарли Хвоста.

Говоря так, он обводил взглядом всех поочередно, остановился на мне и замолчал. Я успела собрать разбросанные карты и теперь раскладывала их по мастям. Почувствовав, что на меня смотрят – и не только он, еще и Джон с Неженкой, и раскрасневшаяся миссис Саксби, – я отложила карты. Он быстро схватил их и принялся тасовать. Таким людям всегда нужно чем-нибудь занять руки.

– Итак, Сью, – сказал он, по-прежнему не сводя с меня глаз. Глаза у него были голубые, ясные.

– Что «итак»? – переспросила я.

– Итак, что ты на это скажешь? Я ведь за тобой пришел.

– За ней! – фыркнул Джон.

Джентльмен кивнул:

– У меня есть кое-что для тебя. Предложение.

– Предложение! – ахнул Фил. Он подслушивал. – Глянь-ка, Сью, он хочет на тебе жениться!

Неженка взвизгнула, мальчишки захихикали. Джентльмен скривился, отвел наконец от меня взгляд и обратился к миссис Саксби:

– Попросите наших друзей у жаровни удалиться, хорошо? А Джон с Неженкой пусть останутся: мне понадобится их помощь.

Миссис Саксби помедлила, глянула на мистера Иббза, и тот сказал:

– Ладно, ребятки, эти кругляши хорошо пропотели, королевы почти не видать. Еще немного – и нас обвинят в измене. – Он взял ведро и одну за другой стал бросать горячие монеты в воду. – Слышите, как желтые ребятки шикают! – заметил он. – Золото все знает. Так что же золото знает?

– Ладно, дядя Хамфри, – сказал Фил.

Он надел пальто и поднял воротник. Остальные сделали то же самое.

– Пока! – И они кивнули по очереди мне, Джону, Неженке и миссис Саксби. С Джентльменом они прощаться не стали.

Он проводил их взглядом.

– Берегите спины, парни! – крикнул он, когда за ними закрывали дверь.

Слышно было, как Фил сплюнул в сердцах.

Мистер Иббз повернул ключ в замке. Потом пошел и налил себе чашку чаю, плеснув в него рома, как сделала только что Неженка, когда подавала чай Джентльмену. Запах рома, витавший над чашкой, смешивался с запахом горящих углей, топленого золота, собачьих шкур и непросохшего пальто. Капли дождя тихонько стучали по каминной решетке. Джон жевал арахис, сплевывая шелуху в кулак. Мистер Иббз переставил лампы. Высветилась поверхность стола, наши руки и лица, остальная часть кухни погрузилась во тьму.

С минуту все молчали. Джентльмен все тасовал карты, а мы сидели и смотрели на него. Мистер Иббз смотрел пристальнее всех, даже глаз сощурил – словно целился из ружья.

– Так в чем дело, сынок? – спросил он. – О чем речь?

Джентльмен поднял глаза от карт.

– О чем речь… – повторил он. – Речь вот о чем. – Он вынул из колоды одну карту и открыл ее. Это был бубновый король. – Представьте себе, живет на свете такой человечек, – проговорил он, выкладывая карту на стол, – этакий старичок, так сказать, мудрый старец или, говоря по-нашему, ученый джентльмен, что правильнее. Но со странностями. Он живет в некоем заброшенном доме возле некой заброшенной деревни, в нескольких милях от Лондона – сейчас не важно, где именно. У него есть огромная зала, доверху набитая книгами и гравюрами, и ни о чем он не думает, кроме как об этих книгах и о своем труде, который он пишет, – назовем его для простоты словарем. Это словарь всех его книг. Но и картинками он тоже не брезгует – и вот ему пришло в голову собрать их в красивые альбомы и переплести. Но сам он сделать это не в состоянии. Он помещает в газете объявление, что ему требуются услуги… – С этими словами он вынул другую карту и положил ее рядом с первой. Это был валет пик. – Смышленого молодого человека, который бы помог ему оформить коллекцию. И один такой смышленый молодой человек, к тому времени хорошо известный в лондонских игорных домах и подумывающий о легком и необременительном заработке, с питанием и проживанием, откликнулся на это объявление, с ним побеседовали и сочли годным.

– И этот молодой человек – вы, – сказал мистер Иббз.

– Смышленый молодой человек – это я. Угадали!

– А деревенская халупа, – оживился вдруг Джон, который все это время сидел надувшись, – небось, битком набита сокровищами. Надо только забраться туда и пошарить как следует. И вы пришли одолжить у мистера Иббза клещи и ушлую девчонку. А у Сью глаза как у невинной овечки, старого перца ей провести ништяк.

Джентльмен покачал указательным пальцем.

– Холодно! – сказал он. – Эта деревенская халупа, того и гляди, развалится, ей лет двести, не меньше, к тому же мрачная, сырая и заложена-перезаложена от подвала до крыши, которая, кстати, протекает. Ни ковров, ни ваз, ни серебра – ничего такого, боюсь, там не найдется. Старичок ест на обычном фарфоре, как мы.

– Вот козел! – сказал Джон. – Небось, такие скупердяи хранят свои денежки в банке? И вы уговорили его написать бумагу, где он вам все завещает, и теперь вам нужна бутылочка яда…

Джентльмен покачал головой.

– Ни унции яда? – спросил Джон, не терявший надежду.

– Ни унции. Ни капли. И никаких денег в банке – по крайней мере, у старика. Он живет анахоретом, и такой чудак, что вряд ли знает, для чего нужны деньги. Но он живет там не один. И вот кого он держит у себя за компанию…

На стол легла дама червей.

– Э-хе, – сказал Джон, улыбнувшись лукаво. – Жену, кого же еще.

Но Джентльмен снова покачал головой.

– Ну, дочь…

– Не жену и не дочь, – отвечал Джентльмен, прижимая пальцами карту и вглядываясь в печальное лицо дамы. – Племянницу. Возраста… – Он посмотрел на меня. – Примерно как Сью. Внешне довольно симпатичную. И по характеру она, – он улыбнулся, – святая простота.

– А-а, дурочка! – воскликнул Джон. – Так, может, хоть она богата?

– Да, она богата, – кивнул Джентльмен. – Так же, как гусеница богата крыльями, а клевер – медом. Она наследница, Джонни: наследство ее велико, и дядя не вправе к нему прикасаться, но достанется оно ей на определенных условиях. Она не увидит ни пенни, пока не выйдет замуж. Если она умрет старой девой, деньги перейдут к ее двоюродному брату. Если выйдет замуж, – он погладил карту белым холеным пальцем, – то будет богата, как королева.

– Насколько богата? – поинтересовался мистер Иббз, который все это время молчал.

Джентльмен посмотрел ему прямо в глаза.

– Десять тысяч наличными, – тихо сказал он. – Пять тысяч в ценных бумагах.

В камине щелкнул уголек: п-пух! Джон присвистнул, Чарли Хвост тявкнул. Я посмотрела на миссис Саксби, но та сидела, опустив голову, и не радовалась. Мистер Иббз задумчиво поднес чашку ко рту.

– Готов поспорить, старик ее ни на шаг от себя не отпускает, – промолвил он, сделав глоток.

– Вы близки к истине, – кивнул Джентльмен и откинулся на стуле. – Все это время она была при нем чем-то вроде секретаря: читает ему вслух часами. Думаю, он и не догадывается, что она подросла и превратилась в настоящую леди. – Он хитро улыбнулся. – Хотя, мне кажется, сама она догадалась. Не успел я начать работу над рисунками, как в ней обнаружилась страсть к живописи. Она пожелала брать уроки – у меня. Ну уж в этом-то деле я умею пустить пыль в глаза. А она, невинное дитя, не отличит пастели от коростеля. Но видели бы вы, как старательно она выполняет задания! С неделю мы учились проводить линии, потом растушевывать тени. Пошла вторая неделя: переходим к композиции. Третья неделя: пишем акварелью. Следующая – смешиваем масляные краски. На пятой неделе…

– На пятой вы ее дрючите! – не вытерпел Джон.

Джентльмен выдержал паузу.

– На пятой неделе уроки отменяются, – сказал он. – Или ты думаешь, что такой девушке позволят долго оставаться наедине с преподавателем? Все это время с нами сидела ее горничная, ирландка, – то и дело покашливала, едва руки мои оказывались слишком близко от ручек ее госпожи или когда я слишком низко нагибался к ее ушку, чтобы объяснить правило. «Вот ханжа!» – думал я. Но случилось так, что она заболела скарлатиной – и сейчас умирает, бедняжка. Так что в настоящее время у моей дамы нет другой компаньонки, если не считать экономки – а у экономки и без того забот хватает, чтобы еще и на уроках сидеть. По этой причине уроки отменены, краски на палитре сохнут. Я теперь встречаюсь с госпожой лишь за ужином, но она всегда сидит рядом с дядей. А когда случайно прохожу мимо ее комнаты, слышу за дверью тяжкие вздохи…

– Сдается мне, – сказал мистер Иббз, – она думает о вас и тоскует.

– Именно так, – сказал Джентльмен, – именно так.

– Бедная леди! – сказала Неженка. В глазах ее блеснули слезы. Она вообще пускала слезу по любому поводу. – Так вы говорите, она хорошенькая? На фигуру и на лицо?

Джентльмен пожал плечами:

– Заметная. С мужской точки зрения.

Джон засмеялся:

– Вот бы она меня заметила!

– Давай лучше я замечу, – сказал Джентльмен и прищурился. – И по шее накостыляю.

Джон, весь пунцовый, вскочил со стула:

– Да я вам сам!..

Мистер Иббз замахал руками:

– Мальчики! Мальчики! Довольно! Перестаньте. Я этого в своем доме не потерплю, тут женщины, дети. Джон, сядь и угомонись. Джентльмен, вы обещали рассказать нам что-то интересное. Пока что мы выслушали лишь присказку. Где же суть? И, возвращаясь с небес на землю, где в вашей истории место для нашей Сью?

Джон лягнул стул, но все-таки сел. Джентльмен достал коробку сигарет. Мы подождали, пока он зажжет спичку. Огоньки серного пламени заплясали в его зрачках. Потом он снова склонился над столом, где лежали три карты, и принялся разглаживать их углы.

– Где суть, хотите знать? – сказал он. – Ну хорошо, сейчас узнаете. – Он постучал по даме червей. – Я намерен жениться на этой девушке и забрать ее деньги. Намерен выкрасть ее, – он отодвинул карту в сторону, – из-под носа у дяди. И я уже был на верном пути, как вы могли догадаться, но она со странностями, и полностью полагаться на нее нельзя: вдруг наймет в служанки женщину сурового нрава – тогда я пропал. Я отпросился в Лондон за переплетным материалом для альбомов. И хочу, чтобы Сью оказалась там раньше меня. Чтобы устроилась горничной к юной особе и помогала мне в моих ухаживаниях, чтобы я мог медленно, но верно подвести дело к побегу.

Он посмотрел на меня. Бледные пальцы его все еще поглаживали карты.

– И есть еще одно дельце, – сказал он, понизив голос, – в котором мне понадобится помощь Сью. Женившись на этой девице, я не хотел бы вечно держать ее при себе. Я знаю одного человека, который заберет ее у меня. У него есть дом, там мы ее и поселим. Сумасшедший дом. Место надежное. Может, даже…

Не договорив, он перевернул карту вниз лицом и хлопнул по ней кончиками пальцев.

– Мне нужно лишь жениться на ней, – сказал он, – пользуясь выражением Джонни, отдрючить ради денег. Потом я беру ее, ничего не подозревающую, под белы ручки и подвожу прямо к воротам психушки. Что в этом плохого? Я уже говорил вам, что она странная. Но я должен действовать наверняка. Вот мне и нужна Сью, она подыграет мне и поможет до самого конца держать дамочку в блаженном неведении.

Он снова потянулся за сигаретой, а все, как и прежде, посмотрели на меня. Все, кроме миссис Саксби. Та слушала Джентльмена молча, не проронив ни слова. Пока Джентльмен рассказывал, я видела, как она наливает чай из чашки в блюдце, слегка покачивает блюдце, остужая, подносит к губам. Она не пила горячий чай, говорила, от него черствеют губы. И действительно, я не встречала ни одной женщины, у которой были бы такие мягкие и нежные губы.

И вот, все так же молча, она поставила чашку и блюдце на стол, достала носовой платок и отерла рот. Потом посмотрела на Джентльмена и наконец заговорила:

– Почему именно Сью? Что, во всей Англии не нашлось другой девушки?

– Потому что она – ваша, миссис С. Потому что ей я доверяю. Потому что она приличная девушка, то есть я хочу сказать – порочная девушка, которая не привыкла держаться буквы закона.

Миссис Саксби кивнула:

– А каков ее интерес?

И снова он посмотрел на меня, но ответ его предназначался не мне, а ей.

– Она получит две тысячи фунтов, – сказал он, приглаживая усы, – и пусть возьмет себе любой из нарядов юной дамы, а также драгоценности, какие ей приглянутся.

Вот что это было за дело.

Мы все задумались.

– Что скажешь? – спросил Джентльмен, обращаясь на этот раз ко мне и больше ни к кому.

Я ничего не ответила, и, подождав немного, он продолжил:

– Прости, что взваливаю все это на тебя, но, видишь ли, у меня мало времени. Дело не терпит отлагательств. Я должен как можно скорее найти служанку. Мне бы хотелось, чтобы это была ты, Сью. Именно ты. Но если это невозможно, тогда ответь мне скорее, ладно? Тогда я попытаюсь найти другую.

– Неженку возьмите, – встрепенулся Джон, услыхав последнюю фразу. – Она ведь у нас служила горничной, правда, Неженка? У одной дамы в Пекхэме.

– Помнится мне, – сказал мистер Иббз, прихлебывая из чашки, – что Неженка потеряла это место из-за того, что ткнула госпожу в руку шляпной булавкой.

– Она сама виновата, – пискнула Неженка. – Нечего было обзываться. Вот я и завелась. А ваша девушка, похоже, не из таких. Она недотепа, вы же сами сказали. С такой-то я управлюсь.

– Между прочим, не тебя спрашивали, а Сью, – тихо сказала миссис Саксби. – А мы еще не слышали ее ответа.

Тогда все снова уставились на меня, и от этих взглядов мне стало не по себе. Я потупилась.

– Не знаю, – сказала я. – Непривычно как-то. Какая из меня горничная? Ведь я же ничего не умею!

– Мы тебя научим, – сказал Джентльмен. – Неженка научит, у нее есть опыт. Наука нехитрая. Сиди себе, улыбайся и держи наготове флакончик с нюхательной солью.

– А если леди не захочет брать меня в горничные? С какой стати ей меня брать?

Но он и это обдумал. Он все заранее обдумал, все предусмотрел. Я буду не я, а племянница его старой няни, так он меня представит. Как тихую порядочную девушку, оказавшуюся в стесненных обстоятельствах. Леди непременно меня возьмет, если он за меня попросит.

– Мы напишем тебе рекомендательное письмо, – сказал он, – и подпишемся: «Леди Попа с Зад-стрит» или что-нибудь вроде того. Она все равно не станет наводить справки. Она никогда не бывала в свете, Лондона от Иерусалима и то не отличит. Ей и спросить-то не у кого.

– Не знаю, – повторила я. – Но вдруг окажется, что она к вам не так трепетно относится, как вы предполагаете?

Он притворно потупился, такой скромник.

– Верно, – сказал он. – Но, может, мне самому позволено будет судить о глубине сердечных чувств юной девы?

– Но если предположить, – сказала миссис Саксби, – что она недостаточно вас любит? Представьте, что она окажется новой мисс Бамбер или мисс Финч?

Мисс Бамбер и мисс Финч – так звали двух других наследниц, которых он неудачно обхаживал. Услышав эти имена, он лишь фыркнул:

– Она совсем не такая – в чем в чем, а в этом я уверен. У тех девиц были отцы – честолюбцы, обвешанные адвокатами. А дядя этой девицы не видит дальше книжного корешка. Ну а что касается того, что, как вы говорите, девчонка недостаточно меня любит, на это я могу вам сказать одно: полюбит, куда денется.

– Настолько, чтобы бежать с вами из родного дома?

– Это очень скучный дом, – отвечал он, – для девушки ее возраста.

– Но ее возраст как раз против вас, – заметил мистер Иббз (при нашем образе жизни просто необходимо досконально знать все тонкости закона). – До совершеннолетия она не имеет права поступить против воли дяди. Вы ее тайно увозите, а он приходит и требует ее назад. И то, что вы будете ее мужем, ровно ничего не значит.

– Но то, что она будет моей женой, значит многое. Вы меня понимаете. – И хитро улыбнулся.

У Неженки в глазах мелькнуло недоумение. И Джон радостно пояснил:

– Я же говорил – отдрючит.

– Тогда на ней можно ставить крест, – сказала миссис Саксби. – После этого ни один приличный человек на нее не позарится.

Неженка охнула.

– Это не наше дело, – отрезал мистер Иббз и продолжал, обращаясь к Джентльмену: – Трудно. Весьма трудно осуществить.

– Не спорю. Но надо рискнуть. Что мы теряем? По крайней мере, Сью отдохнет на природе.

Джон хохотнул:

– Отдохнет она, как же, в четырех стенах. И хрен знает сколько еще отдыхать придется, если вас поймают.

Я прикусила губу. Он был прав. Но не рискованность будущего предприятия пугала меня. Вор не может все время думать об опасности, иначе сойдешь с ума. Я просто не знала, хочется ли мне так отдыхать. Жизни вне Боро я себе не представляла. Однажды мы вместе с миссис Саксби ездили погостить к ее кузине в Бромли, так я вернулась домой вся красная от крапивницы. Жизнь на природе показалась мне однообразной и нелепой, да и живут там, похоже, одни придурки да цыгане.

И что я буду делать рядом с придурочной? Она ведь не Неженка, которая только слегка чокнутая и лишь иногда ни с того ни с сего свирепеет. Может, эта девица совсем психованная. Может, она попытается меня задушить. Я буду звать на помощь, и никто не услышит – ведь вокруг на много миль ни живой души. Цыгане не в счет, им ни до кого, кроме себя, дела нет. У нас каждый знает, если на тебе платье загорится, цыган даже плюнуть на пламя и то поленится.

Я спросила:

– А эта девушка – какая она? Вы говорили, она не в своем уме.

– Не совсем так, – ответил Джентльмен. – Странная она. Наивная такая, дикая. Ее всю жизнь держали вдали от общества. Она сирота, как и ты, но тебя воспитывала миссис Саксби, а ее никто не воспитывал.

Неженка снова уставилась на него во все глаза. Мать ее была пьянчужкой и утонула в реке. Отец бил дочку нещадно. Сестру ее забил аж до смерти.

Неженка прошептала:

– Не кажется ли вам, Джентльмен, что это грех – то, что вы собираетесь сделать?

Похоже, до сих пор никому из нас подобная мысль просто не приходила в голову. Но теперь, после того как Неженка произнесла это вслух, я огляделась вокруг – все прятали глаза. И тогда Джентльмен рассмеялся.

– Грех? – повторил он. – Конечно, милая Неженка, конечно грех! Но грех этот стоит пятнадцати тысяч фунтов, и эта цена меня устраивает, что бы ты ни говорила. И опять же, если посмотреть, как были нажиты эти денежки? Думаешь, честным трудом? Конечно же нет. Это богатство добыто слезами и потом бедняков – за каждый шиллинг два десятка смердов спины горбатили. Слышала, небось, о Робин Гуде?

– Еще бы! – сказала она.

– Так вот, мы будем как он: отберем золото у богачей и раздадим тем, кому оно принадлежит по праву.

Джон скривил губы:

– Ты, барчук! Робин Гуд был герой, и гнев его был праведный. Раздашь деньги народу? Да какой у тебя народ! Хочешь ограбить леди – иди и грабь свою мамашу.

– Мою мамашу? – Джентльмен покраснел. – При чем тут моя мать? К черту мою мать!

Но, уловив взгляд миссис Саксби, обернулся ко мне.

– Ох, Сью, – сказал он, – прошу прощения.

– Ничего-ничего, – быстро ответила я. И опустила голову, и все вокруг притихли. Подумали, наверно, как всегда в дни казни: «Какая она храбрая!» То есть мне хотелось, чтобы они так думали. А потом почему-то захотелось, чтобы не думали: потому что, как я уже говорила, храбростью я никогда не отличалась, но за семнадцать лет смирилась с тем, что окружающие так про меня думают. А теперь явился Джентльмен, и ему нужна храбрая девчонка – он ведь долгий путь проделал, сорок миль по холоду и слякоти, только чтобы найти меня.

Я посмотрела ему в глаза.

– Две тысячи фунтов, Сью, – тихо сказал он.

– Звучит заманчиво, – сказал мистер Иббз.

– И вдобавок всякие платья и драгоценности! – вздохнула Неженка. – О Сью! Ты в них будешь красавица!

– Вылитая леди, – добавила миссис Саксби.

Я обернулась к ней: она опять смотрела на меня странным таким взглядом, словно видела во мне мою мать. *«…Богатство твое все еще ждет тебя… Твое богатство, Сью, ну и наше заодно…»*

В общем, она оказалась права. Вот оно наконец, мое богатство, свалившееся как снег на голову. Что же делать? Я снова посмотрела на Джентльмена. Сердце у меня в груди стучало как бешеное. И я сказала:

– Ладно. Я согласна. Но за три тысячи фунтов, не за две. И если юная леди меня не примет и отправит восвояси, я все равно потребую свою сотню за труды.

Он помолчал, обдумывая. Конечно же, думать тут было нечего, и помолчал он так, для пущей важности, потому что буквально через миг он просиял улыбкой и протянул мне руку. Я подала ему свою. Он сжал мне пальцы и засмеялся.

Джон состроил рожу:

– Ставлю десять к одному, что через неделю она приползет обратно вся зареванная.

– Я вернусь в бархатном платье. И в перчатках вот посюда, – и показала на локоть, – и в шляпке с вуалью, и с полной сумкой серебряных звонких монет. А ты будешь называть меня «мисс». Правда ведь, миссис Саксби?

Он сплюнул на пол:

– Да я скорее отрежу себе язык, чем выговорю такое.

– Я раньше сама тебе его вырву! – ответила я.

Я вела себя как ребенок. Да я и была ребенком! Наверное, миссис Саксби тоже это почувствовала, потому что ничего не сказала, а только молча смотрела на меня, прикрывая рукой мягкие пухлые губы. Она улыбалась, но лицо у нее при этом было встревоженное. Я бы даже сказала, испуганное.

Может, так оно и было.

А может, мне только теперь так кажется, теперь, когда я знаю, какие страшные события за этим последовали.

Глава вторая

Старичка-книгочея, как выяснилось, звали Кристофер Лилли. А племянницу звали Мод. Они жили к западу от Лондона, за Мейденхедом, и дом их, что стоял у деревни под названием Марлоу, назывался красивым именем «Терновник». План Джентльмена заключался в том, чтобы отправить меня туда одну, на поезде, через два дня. Сам он задержится в Лондоне еще по крайней мере на неделю, ему нужно выполнить поручение старика – повозиться с книжными переплетами.

Меня мало заботило то, как я доберусь до этого загородного дома, одна, без провожатых. Я никогда не бывала нигде западнее Креморн-Гарденс – мы с племянниками мистера Иббза иногда ходили туда по воскресеньям смотреть на танцы. Там я однажды видела, как француженка-акробатка шла через речку по канату и чуть не упала, – это, доложу я вам, было нечто… Говорят, на ней были чулки, но, по-моему, ноги у нее были голые. Помнится, пока она шла по веревке, я стояла на мосту Баттерси и смотрела вдаль, за реку, – там, за Хаммерсмитом, бугрились леса, и ничегошеньки не было видно: ни печной трубы, ни церковного шпиля – и знаете, прямо озноб пробирал, до чего это было непривычно и странно. Если бы мне тогда сказали, что в один прекрасный день я выйду из дома в Боро, где все мои друзья, и миссис Саксби, и мистер Иббз, и поеду куда-то одна-одинешенька наниматься горничной в какой-то непонятный дом в этой чаще, за лесами, я бы только расхохоталась.

Но Джентльмен сказал, что надо поскорее собираться: как бы эта леди, мисс Лилли, все не испортила, возьмет случайно в услужение другую девушку – и все. На следующий день после того, как он заявился к нам на Лэнт-стрит, он сел писать ей письмо. В письме он выражал надежду, что она простит ему такую вольность – писать ей лично, но, будучи в Лондоне, он навестил свою старую нянюшку – когда он был ребенком, она, можно сказать, заменяла ему мать – и нашел ее весьма опечаленной, ибо она всерьез обеспокоена судьбой своей юной племянницы, оставшейся после смерти матери сиротой. Конечно же, под сироткой-племянницей подразумевалась я. Далее он поведал в письме, что я прежде была в услужении у некой дамы, которая вышла замуж и отбыла в Индию, так что я осталась без места, и что я в настоящее время подыскиваю место горничной, однако жизнь такова, что со всех сторон меня подстерегают искушения и я могу пойти по скользкой дорожке, если только какая-нибудь сердобольная леди не даст мне возможность скрыться подальше от городских соблазнов, ну и далее в том же духе.

Я сказала:

– Если она поверит такому наглому вранью, Джентльмен, значит она еще глупее, чем вы говорили.

Но он ответил, что между Стрэндом и Пиккадилли найдется не меньше сотни девиц, которые прекрасно зарабатывают подобными историями, и что если уж им удается заставить раскошелиться лондонских шишек, то что говорить о мисс Лилли, которая сидит себе одна-одинешенька и жизни совсем не знает?

– Сами увидите, – сказал он. Потом запечатал письмо, надписал адрес и велел соседскому мальчишке сбегать с этим письмом на почту.

Довольный тем, что все идет по плану, он заявил, что теперь из меня будут делать настоящую горничную.

Для начала мне вымыли голову. В то время я причесывалась так, как и все девушки у нас в Боро: волосы разделялись пробором на три части, на затылке гребень, а по бокам тугие локоны. Если прогладить локоны горячим утюгом, сперва смочив их сахарной водой, они становились жесткие, как не знаю что, и так держались с неделю или больше. Джентльмен, однако, сказал, что для сельской местности это будет чересчур смело, и заставил меня смыть

все с волос – в результате они стали совсем прямыми и гладкими. Потом велел разделить их одним, только одним, пробором и скрутить на затылке в тугой пучок, заколов шпилькой. Неженке он тоже велел вымыть голову, и когда я наконец научилась делать пучок – сразу у меня не получилось, и я повторяла до тех пор, пока он не кивнул одобрительно, – после этого он велел мне и ее причесать на такой же манер, как будто она – леди, мисс Лилли. Он возился с нами как настоящая девчонка. Когда прически были готовы, мы с Неженкой стали с виду такие скромницы – хоть сейчас в монастырь. Джон сказал, что если теперь наши рожи зарисовать и повесить в молочной лавке, так все молоко сразу скиснет.

Услышав такие слова, Неженка вырвала из волос шпильки и швырнула в камин. Несколько прилипших волосков, попав в огонь, с треском воспламенились.

– Ну что у тебя за девчонка такая, – сказал мистер Иббз Джону, – чуть что – сразу в слезы?

Джон рассмеялся.

– А мне-то что, пусть ревет, – ответил Джон. – Меньше потеть будет.

Он ведь был злой мальчишка, я уже говорила.

Но даже и его, помимо воли, план Джентльмена захватил необычайно. Нас всех захватил. В первый раз при мне мистер Иббз опустил шторку на двери своей мастерской и притушил жаровню. Когда снаружи стучались и просили выточить ключ, он отсылал посетителей прочь. Пару раз заглядывали воры с добром, но он лишь качал головой:

– Никак не могу, сынок. Не сегодня. У нас тут, понимаешь, готовка…

Только Фила он впустил – рано утром. Усадил его и пробежался с ним по списку, который накануне вечером составил Джентльмен. Фил надвинул на глаза кепку и вышел, а через два часа принес мешок и обшитый полотном сундук – он взял его у одного своего знакомого, у которого был склад на берегу.

Сундук мне предстояло взять с собой в дорогу. В мешке же оказалось коричневое платье, более или менее моего размера, а также плащ, ботинки и черные шелковые чулки, и в довершение всего там была куча настоящего дамского белья.

Мистер Иббз развязал мешок, глянул внутрь и увидел белье, после этого отошел и сел в дальнем углу кухни, где у него лежал старый индийский замок, который он любил разбирать, чистить и собирать на досуге. Джона он подозвал к себе и велел ему держать винты. Джентльмен же, напротив, смело вынул из мешка одну вещицу, потом другую и все аккуратно разложил на столе. Придвинул поближе кухонный стул.

– А теперь, Сью, – сказал он, – представим, что этот стул – мисс Лилли. Как ты ее будешь одевать? Для начала – чулки и панталоны.

– Панталоны? – переспросила я. – Уж не хотите ли вы сказать, что она голая?

Неженка прыснула в ладошку. Она сидела у ног миссис Саксби, которая заново завивала ей волосы.

– Голая? – промолвил Джентльмен. – Конечно. Как рыба. А чего ты хотела? Ведь она должна снять с себя одежду, когда та станет несвежей или когда идет купаться. А твое дело – забирать у нее грязное белье. А также подавать ей чистое.

Мне это раньше и в голову не приходило. И я представила, что вот я стою и протягиваю панталоны какой-то незнакомой голой девушке. Одна такая голая девушка как-то пробегала по Лэнт-стрит, визжа как резаная, а за ней – полицейский и сестра-сиделка. Что, если мисс Лилли так же заверещит, и что мне тогда – ловить ее? Я покраснела, и Джентльмен это заметил.

– Да ладно, – сказал он, еле сдерживая улыбку, – неужто ты такая брезгливая?

Я покачала головой: нет-нет. Он взял со стола пару чулок и панталоны и повесил их на спинку стула.

– Что теперь? – спросил он, обращаясь ко мне.

Я пожала плечами:

– Ну, наверно, рубаху.

– Не рубаху, а сорочку, – поправил он. – И не забудь, перед тем как подать, ее нужно сначала согреть.

Он поднял сорочку и поднес к очагу. Потом аккуратно повесил на спинку стула поверх панталон – как будто стул надел ее на себя.

– А теперь – корсет, – сказал он. – Она ждет, чтобы ты затянула на ней корсет. Давай посмотрим, как у тебя получится.

Он обернул корсет вокруг сорочки, шнуровкой назад, и, надавив коленом, придерживал стул, пока я стягивала шнурки и завязывала бантик. От натуги на пальцах у меня появились красные полосы – точно ожгли хлыстом.

– Почему она не носит корсет с завязками спереди, как нормальные девушки? – полюбопытствовала Неженка.

– Потому что тогда, – отвечал Джентльмен, – ей не понадобится горничная. А если ей не понадобится горничная, как еще она узнает, что она леди? Ясно? – И подмигнул.

За корсетом последовал лиф, потом манишка. Потом кринолин из девяти обручей, потом нижние юбки, на этот раз из шелка. Джентльмен и Неженка сбегали наверх за флаконочиком духов, которые берегла миссис Саксби, и он велел мне побрызгать духами там, где из оборок сорочки торчала деревяшка стула, – там, сказал он, будет шея мисс Лилли.

И все это время я должна была говорить:

– Не соблаговолите ли вы поднять руки, мисс, я поправлю эту оборочку?

Или:

– Как вы желаете, мисс, распушить или оставить в складочку?

Или еще:

– Я начинаю, мисс? Как, потуже? Не желаете ли еще потуже? Ой, простите, пожалуйста, я вас, кажется, случайно щипнула.

В конце концов после всей этой жуткой возни я вся взмокла. А перед нами сидела мисс Лилли, в туго затянутом корсете, нижние юбки пышной волной ниспадали до пола, и пахла она что твоя роза, только на шее и на плечах было пустовато.

Джон сказал:

– Неразговорчивая она у вас.

Все это время он украдкой поглядывал на нас из дальнего угла, пока мистер Иббз смазывал свой хитроумный замок.

– Она истинная леди, – сказал Джентльмен, поглаживая бороду, – потому и застенчива. Но ничего, мы с помощью Сью ее расшевелим. Правда, дорогая?

Он присел на корточки рядом со стулом и огладил пышные складки юбки, потом запустил руку под шелк, подбираясь к нижним слоям. Рука его двигалась так ловко, что мне показалось, он демонстрирует отработанный прием, и по мере того как рука его забирала все выше, лицо его розовело, шелк сухо потрескивал, кринолин колыхался… стул слегка покачнулся, и ножки его тихонько скрипнули. Потом наступила тишина.

– Ах ты, стервочка, – пропел он нежным голосом.

И вынул руку из-под вороха одежды – в пальцах его зажат был чулок. Добычу он протянул мне и сказал, зевая:

– А теперь можно и на боковую.

Джон все так же молча поглядывал на нас, лишь время от времени щурился и покачивал ногой, как будто его все происходящее нимало не интересовало. Неженка сонно потянулась, новая прическа была почти готова, от свежезакрученных кудряшек приятно пахло леденцами.

Я развязала ленты на манишках, потом ослабила шнурки на корсете и сделала его посвободнее.

– Не соблаговолите ли поднять ножку, госпожа, чтобы я могла это с вас снять?.. Не могли бы вы на минуточку задержать дыхание, госпожа? Тогда легче снимется.

…Он заставил меня работать еще час-полтора. Потом нагрел докрасна утюг и подошел с ним к Неженке.

– Плюнь-ка на утюг, – попросил он.

Так она и сделала, плевок зашипел, и тогда он взял сигарету и зажег ее, прижав к раскаленному металлу. Потом, пока он стоял и курил, миссис Саксби, которая когда-то давным-давно, еще до того, как начала выхаживать младенцев, работала в прачечной, показала мне, как правильно утюжить и складывать дамское белье, ну и, само собой, на это ушел еще час.

Джентльмен послал меня наверх – примерить платье, которое раздобыл для меня Фил. Платье было довольно простое, коричневое, почти под цвет моих волос, а надо сказать, стены у нас в кухне тоже были коричневые, так что, когда я снова сошла вниз, меня было почти не видно на фоне стены – хорошо замаскировалась. По мне, куда лучше бы синее платье или, на худой конец, фиолетовое, но Джентльмен сказал, что в коричневом обычно ходят или шпионки, или служанки, а раз я еду в «Терновник» попробовать себя сразу в обеих ролях, то, стало быть, это платье как раз для меня.

Мы посмеялись над этими его словами, а потом, после того как я походила по комнате, чтобы привыкнуть к новой юбке (она была узкая), а также чтобы Неженка посмотрела, не нужно ли где чуточку обузить или расставить, он стал учить меня делать реверанс. Это оказалось гораздо труднее, чем я думала. Можно, конечно, много чего сказать о том образе жизни, что я вела прежде, но это была жизнь без хозяев. Я никогда никому не делала реверансов. А теперь Джентльмен заставлял меня приседать сто раз подряд – под конец меня аж замутило. Он сказал, что для горничной присесть в реверансе – раз чихнуть, так что если я освою эту науку, то разучиться уже не смогу, и тут он, как ни странно, оказался прав: я действительно не разучилась и даже сейчас могу сделать правильный реверанс. Или могла бы, при желании.

Ну да ладно. Покончив с реверансами, он стал разучивать со мной мою роль. Потом, чтобы проверить, хорошо ли я затвердила урок, он поставил меня перед собой и велел повторять все слово в слово, как на катехизации.

– Итак, начнем, – сказал он. – Как тебя зовут?

– Сьюзен, – ответила я.

– Сьюзен – и все?

– Ну Сьюзен Триндер.

– Сьюзен Триндер, *сэр*. Запомни: в «Терновнике» я тебе больше не Джентльмен. Там я буду мистер Ричард Риверс. И называй меня там «сэр». И мистера Лилли тоже называй «сэр», а юную госпожу можешь звать мисс Лилли или мисс Мод – как она сама тебе прикажет. А мы все будем звать тебя Сьюзен. – Он нахмурился. – Но нет, Сьюзен Триндер не годится. Это может навести их на след, если вдруг не сложится. Надо подобрать тебе другую фамилию…

– Валентино, – выпалила я. Ну что вам на это сказать? Мне же было семнадцать лет. И я обожала Валентинов день.

Джентльмен презрительно скривил губы.

– Лучше не придумаешь, – сказал он, – если собираешься на сцену.

– Но я знаю настоящих девушек с фамилией Валентино!

– Правда-правда, – сказала Неженка. – Флой Валентино и две ее сестрицы. Терпеть их не могу. Неужели, Сью, ты хочешь быть как они?

Я задумалась.

– Вообще-то, нет.

– Конечно же нет, – сказал Джентльмен. – Чересчур звучное имя может нам навредить. Риск слишком велик, решается вопрос жизни и смерти. Нам нужно такое имя, которое бы ничем особым не выделялось, самое незаметное. Такое… – подумал он, – незаметное, но в то же время запоминающееся. Глинз? Под цвет твоего платья… Или нет: назовем тебя Смит. Сьюзен Смит[8]. – Он улыбнулся. – Ведь ты у нас будешь кузнец своего счастья – и не только своего… Накуешь нам денежек…

И он сложил пальцы так, как у нас в Боро делали, когда не хотели произносить вслух слово «вор», и все засмеялись.

Отсмеявшись, он кашлянул и промокнул глаза.

– Да, забавно, – сказал он. – Так на чем мы остановились? Ах да. Давай скажи еще раз. Как тебя зовут?

Я сказала, не забыв добавить «сэр».

– Отлично. А где ты живешь?

– В Лондоне, сэр, – отвечала я. – Когда мама померла, я осталась жить у тетушки – то бишь у леди, которая нянчила вас в детстве, сэр.

Он кивнул.

– Что касается фактов – все хорошо. Но по стилю – ужасно. Ну же, постарайся: я уверен, воспитание миссис Саксби не могло пройти даром. Ты же не фиалки продаешь. Скажи еще раз.

Я хотела обидеться, но все-таки собралась и повторила, тщательно выговаривая каждое слово:

– Леди, которая нянчила вас, когда вы были ребенком, сэр.

– Так-так, уже лучше. А до того что с тобой было?

– Я жила у доброй госпожи, сэр, в Мейфэре[9]; не так давно она вышла замуж и собирается в Индию, там у нее будет новая горничная, из местных, а я ей больше не нужна.

– Бедняжка. Твоей судьбе не позавидуешь, Сью.

– Вы правы, сэр.

– И ты благодарна мисс Лилли за то, что у тебя появилась возможность пожить в «Терновнике»?

– Конечно, сэр! Уж так благодарна – просто нет слов!

– Опять фиалки пошли! – Он замахал рукой. – Ну да ничего, и так сойдет. Но все-таки не надо в упор на меня смотреть, ладно? Смотри лучше на мои сапоги. Вот так. А теперь отвечай, это очень важно, каковы будут твои обязанности на службе у новой хозяйки?

– Я должна будить ее по утрам, – ответила я, – и наливать ей чаю. Потом умывать ее, одевать и причесывать. Еще должна чистить ее украшения и не красть их. Гулять с ней, если ей захочется погулять, или сидеть, если ей захочется посидеть. Должна носить с собой веер, на случай, если ей станет жарко, потом накидку, на случай, если она закоченеет, одеколон, если у нее вдруг заболит голова, и нюхательную соль, на случай, если ей станет дурно. Я должна неотлучно быть при ней на уроках рисования и не замечать, когда она краснеет.

– Отлично! А что ты можешь сказать о себе?

– Я наивна и чиста как стеклышко.

– А чего ты добиваешься – но это только между нами?

– Чтобы она полюбила вас и бежала с вами от своего дяди. Чтобы вы, мистер Риверс, в результате стали богачом, ну и меня чтоб не забыли.

---

[8] *Smith* по-английски означает «кузнец».

[9] Фешенебельный район лондонского Вест-Энда.

Я прихватила юбки и присела перед ним в плавном реверансе, смиренно глядя при этом вниз, на его сапог.

Неженка захлопала в ладоши.

Миссис Саксби потерла руки и сказала:

– Три тысячи фунтов, Сью. Ох ты мать честная! Неженка, подай мне ребенка, просто не могу, так хочется кого-то обнять!

Джентльмен отступил на шаг и зажег сигарету.

– Неплохо, – сказал он, – совсем неплохо. Еще немного подшлифовать – и, думаю, можно ставить точку. Но мы потом потренируемся.

– Как это потом? Сколько же можно меня испытывать? Если мисс Лилли возьмет меня к себе только ради вас, то разве ей не все равно, как я справляюсь?

– Ей-то, может, и все равно, – отвечал Джентльмен. – Если бы мы думали только о ней, то достаточно надеть передник на Чарли Хвоста – и вперед, пусть думает что хочет. Но мы ведь хотим обмануть не только ее. Есть еще старик, дядя, и кроме него – вся домашняя прислуга.

– Прислуга? – воскликнула я. Мысль о том, что в доме будут и другие слуги, мне не приходила в голову.

– Разумеется, – отвечал он. – Неужели ты думаешь, что такой большой дом может обходиться без прислуги? Во-первых, там есть управляющий, мистер Пей…

– И зовут его небось Пей-до-дна! – воскликнул Джон.

– Нет, – отрезал Джентльмен и вновь обернулся ко мне. – Мистер Пей, – повторил он. – Не думаю, что он может что-нибудь сделать тебе во вред. Но есть там и миссис Стайлз, экономка, – не исключено, что она будет к тебе приглядываться, так что будь настороже. И еще там есть мальчик, подручный мистера Пея Чарльз, и, полагаю, пара девушек для работы на кухне и еще парочка горничных при доме, потом конюхи и садовники – но ты их всех и не увидишь, так что в расчет их не берем.

Я в ужасе посмотрела на него и сказала:

– Раньше вы ничего о них не говорили. Миссис Саксби, разве он о них говорил? Разве говорил, что там будет до сотни слуг, перед которыми я должна притворяться горничной?

Миссис Саксби крутила и мяла в руках младенца, как будто это ком теста.

– Если честно, Джентльмен, – сказала она, не поднимая глаз, – вы ведь давеча темнили насчет слуг-то.

Он пожал плечами.

– Ну, это все мелочи, – сказал он.

Ничего себе мелочь! Вот такой он был. Часть расскажет, часть утаит, а сделает вид, что рассказал все.

Но взять свои слова назад и отказаться я уже не могла – слишком поздно. На следующий день Джентльмен снова изводил меня ученьем, а еще через день он получил письмо от мисс Лилли.

Он забрал его на почте в Сити. Наши соседи переполошились бы, если бы нам принесли почту. Он сам забрал его, принес в дом и при всех распечатал. Потом мы расселись вокруг, смолкли и стали слушать, один лишь мистер Иббз барабанил пальцами по краю стола – я заметила, что он волнуется, да я и сама волновалась.

Письмо оказалось коротким. Мисс Лилли сообщала, во-первых, как ей было приятно получить весточку от мистера Риверса и какой же он чуткий и внимательный, что решил позаботиться о своей старой няне. Если бы все джентльмены были такими чуткими и внимательными!

Дядя ее в отсутствие помощника совсем не справляется с делами, сообщала она далее. Да и сам дом, похоже, изменился: теперь в нем тихо, скучно и уныло. Может быть, всему

виной переменчивая погода. А что касается горничной… (Джентльмен повернул письмо к свету, чтобы лучше читалось.) Что касается горничной, бедняжки Агнес, то она рада сообщить ему, что Агнес теперь, скорее всего, поправится, хотя находилась при смерти…

Мы выслушали эту новость затаив дыхание. Миссис Саксби закрыла глаза, и я заметила, как мистер Иббз покосился на остывшую жаровню, прикидывая потери, понесенные за последние два дня. Но Джентльмен, продолжая читать, улыбнулся. Горничная не при смерти, однако здоровье ее сильно подорвано, она так плохо себя чувствует, что ее решено отправить назад в Корк.

– Слава богу, что на свете есть Ирландия! – выпалил мистер Иббз, отирая платком испарину со лба.

Джентльмен продолжил чтение.

> *«Я буду рада увидеться с девушкой, о которой Вы говорили*, – писала мисс Лилли. – *Я буду рада, если Вы сразу же пришлете ее ко мне. Для меня важнее всего, что меня не забывают. Я не избалована чрезмерным вниманием, и ухода за мной особого не требуется. Если она окажется доброй и исполнительной, то мне она наверняка понравится. При одной мысли о том, что она явится ко мне из Лондона, где находитесь Вы, мистер Риверс, она уже делается мне дорога».*

Он снова улыбнулся, поднес письмо к губам и сделал вид, что целует. Его поддельное кольцо сверкнуло при свете ламп.

Все в конце концов случилось именно так, как этот хитрый змей и предсказывал.

В ту ночь – для меня это оказалась последняя ночь на Лэнт-стрит и первая из ночей, призванных приблизить Джентльмена к сокровищам мисс Лилли, – в ту ночь мистер Иббз послал за жареным мясом, а сам положил на жаровню железяки, чтобы приготовить праздничный флип[10].

На ужин у нас была фаршированная свиная голова – мое любимое кушанье, заказанное к тому же в мою честь. Мистер Иббз пошел с тесаком к задней двери, засучил рукава и, нагнувшись, стал точить лезвие о каменную ступень. Одной рукой он опирался о дверной косяк, и я вдруг обратила внимание на одну вещь (у меня слезы подступили к глазам): косяк был весь в зарубках – это, когда я была маленькая, каждый год на Рождество он ставил меня у двери и отмечал, насколько я выросла с прошлого года. Теперь же он возил лезвием взад-вперед по камню, пока металл не запел, после этого вручил нож миссис Саксби, и она разрезала мясо на порции. Так было принято у нас в доме. Одно свиное ухо досталось мистеру Иббзу, другое – Джентльмену, рыло – Джону и Неженке, а щеки, где самое нежное мясо, – ей и мне.

Все это, как я уже говорила, было устроено в мою честь. Но я не знаю почему – может, оттого, что увидела зарубки на двери, а может, оттого, что подумала о супе, который миссис Саксби будет готовить из обглоданных свиных костей, а я уже его не попробую, или от самого вида свиной головы, которая, как мне почудилось, корчит рожу – ресницы узких глазок и щетинки пятачка слиплись от притворных запекшихся слез, – но только, когда все уселись за стол, мне вдруг сделалось грустно. Джон и Неженка жадно накинулись на еду, то прыская со смеху, то препираясь, то взвиваясь вдруг на ехидные замечания Джентльмена, который не переставал их поддразнивать. Мистер Иббз аккуратно подчищал все, что было у него на тарелке, миссис Саксби последовала его примеру, и только я смотрела на свой кусок свинины, и есть мне совсем не хотелось.

[10] Коктейль с яйцом.

Я отдала половину своей порции Неженке. Она переложила ее на тарелку Джону. Тот взвыл, как собака, вгрызаясь в мясо.

А потом, когда на тарелках ничего не осталось, мистер Иббз стал сбивать яйца с сахаром и ромом – готовил флип. Потом наполнил семь стаканов, вынул из жаровни раскаленные железки, помахал ими в воздухе, чтобы чуть-чуть остудить, и опустил каждую в стакан. Готовить флип так же интересно, как поджигать бренди на сливовом пудинге, – такое идет приятное шипение.

Джон сказал:

– Можно, я сам себе сделаю, мистер Иббз?

Лицо его после обильного ужина раскраснелось и залоснилось – точь-в-точь мальчик с витрины игрушечной лавки.

Так все болтали, ели, пили и посмеивались, представляя, как будет здорово, если Джентльмен разбогатеет и я вернусь с тремя тысячами, только я одна почему-то сидела притихшая, и никто, казалось, этого не замечал.

Наконец миссис Саксби похлопала себя по животу и сказала:

– Не сыграете ли нам, мистер Иббз, колыбельную?

Мистер Иббз умел свистеть что твой чайник – мог час свистеть не переставая. Он отодвинул стакан, отер усы и засвистал «Брезентовую куртку». Миссис Саксби тихонько подпевала, но вскоре глаза ее затуманились от слез и голос пресекся. У нее был муж-моряк, и он пропал в море. Пропал для нее, хочу я сказать. А так-то он жив-здоров, осел на Бермудах.

– Как красиво, – сказала она, когда песня закончилась. – А давайте теперь другую, повеселее, а то я что-то совсем раскисла. А молодые пусть попляшут.

И мистер Иббз засвистал плясовую, миссис Саксби хлопала в такт, а Джон с Неженкой тем временем отодвинули стулья к стене.

– Не подержите мои сережки, миссис Саксби? – попросила Неженка.

И они стали танцевать польку, да так лихо, что фарфоровые фигурки на каминной доске запрыгали, звеня, а пыль поднялась такая, что пола под ногами не было видно. Джентльмен стоял у стенки и смотрел на них, покуривая сигарету и приговаривая: «Оп!» или «Давай, Джонни!» – словно подзадоривал терьера в драке, где ни на кого не сделал ставку.

Когда они пригласили и меня потанцевать, я отказалась. От пыли я расчихалась, к тому же железка, вскипятившая мой флип, оказалась слишком горячей, и яйцо свернулось. Миссис Иббз приготовила стакан флипа и тарелку с остатками мяса для сестры мистера Иббза, и я вызвалась отнести угощение наверх.

– Вот и хорошо, моя девочка, – сказала она, все еще прихлопывая в такт песне.

Я взяла тарелку, стакан и свечу и пошла наверх.

Уходить из кухни в зимние вечера – так мне всегда почему-то казалось – все равно что спускаться с небес на землю. Но почему-то теперь, когда я оставила еду рядом с кроватью спящей сестры мистера Иббза и успокоила пару младенцев, проснувшихся от топота и свиста, я не спешила вернуться назад. Прошла чуть дальше по площадке – до комнаты, которая была нашей с миссис Саксби спальней, а потом поднялась по ступенькам еще на один пролет – к чердачной каморке, где, говорят, я появилась на свет.

Эта комната всегда была выстуженной. И сегодня в ней гулял ветер, окно не закрывалось, и холодно здесь было неимоверно. Дощатый пол покрыт половиками. Стены голые, и лишь в одном месте, за умывальником, чтобы не забрызгать стену, прибит кусок синей клеенки. В настоящий момент на умывальном столике висели два предмета мужского туалета: жилет и рубашка. И то и другое, а также лежащие поверх воротнички принадлежали Джентльмену. Он всегда, когда бывал у нас, спал в этой комнате, хотя мог бы спать там же, где и мистер Иббз, – в кухне. Я-то знаю, какое место я бы выбрала. В углу притулилась пара кожаных сапог, очищенных от грязи и натертых до блеска. Рядом стояла сумка,

под завязку, это было видно, набитая другим каким-то бельем. На стуле валялись несколько монет, выпавших из кармана, пачка сигарет и палочка сургуча. Монеты были легкими, а сургуч – хрупким, как жженый сахар.

Кровать была застелена кое-как. Покрывалом служила пунцовая бархатная портьера, с которой срезали кольца. Ее вынесли из горящего дома, от нее до сих пор пахло паленым. Я подняла ее и накинула на плечи, как плащ. Потом притушила свечу, подошла к окну и, дрожа от холода, обвела взглядом знакомые крыши с печными трубами, а дальше за ними была тюрьма, где повесили мою мать.

На оконном стекле распустился первый морозный цветок, и я, прижав к нему палец, вытопила мутную каплю. Отсюда было хорошо слышно, как свистит мистер Иббз, как топает Неженка, но улицы Боро подо мной лежали во тьме. Лишь кое-где в окошках теплился слабый свет, взблескивал фонарь на проезжавшем экипаже да быстрой тенью проносился озябший пешеход. Я думала обо всех ворах, живущих за этими стенами, и о детях этих воров, и обо всех прочих людях, обычных, живущих в других домах, на других улицах, в других, не таких угрюмых районах Лондона. Я подумала о Мод Лилли: каково ей там, в огромном загородном доме? Еще три дня назад она не знала моего имени, а я не знала о ней. Она и не подозревает, что я стою здесь сейчас и готовлю ей ловушку, а Неженка Уоррен и Джон Врум в это время отплясывают в кухне как ни в чем не бывало.

Как, интересно, она выглядит? Когда-то я знала девочку по имени Мод, у нее было только полгубы. Она говорила всем, что другую половину оторвали в драке, но я точно знала, что это у нее с рождения, а драться она совсем не умела. В конце концов она умерла – и не оттого, что подралась, а просто съела протухшего мяса. Всего лишь один кусочек мяса – а убил ее. Так-то.

Но у нее были черные волосы. А Джентльмен сказал, что у другой Мод, у его Мод, волосы светлые и она довольно симпатичная. Но как только я начала думать о ней, я уже не могла представить ее иначе как черноволосой и поджарой, вроде как кухонный стул, на который я надевала корсет.

Я попыталась сделать реверанс. В бархатной портьере это оказалось неудобно. Я попыталась еще раз. От внезапного страха меня прошиб пот.

Потом в кухне подо мной со скрипом открылась дверь, кто-то стал подниматься по лестнице, и я услышала голос миссис Саксби – она звала меня. Я не откликалась. Было слышно, как она заглядывает в спальни этажом ниже, ищет меня. Потом настала тишина, потом снова – ее шаги, на этот раз вверх по лестнице, ведущей на чердак, и наконец мелькнул свет свечи. Ей тяжело давался подъем, она запыхалась, но только слегка, потому что при всей своей полноте была она довольно живой и проворной.

– Сью, ты здесь? – тихо окликнула она. – Сидишь тут одна, в темноте?

Она огляделась по сторонам и увидела все то, что раньше видела я: монетки, сургучную палочку, сапоги Джентльмена и кожаную сумку. Потом подошла ко мне и коснулась своей теплой, сухой ладонью моей щеки, и я сказала – так, словно она пощекотала или ущипнула меня, а я не могла сдержаться и вскрикнула, – я сказала:

– А что, если я не гожусь для этого, а, миссис Саксби? Что, если у меня не получится? Если я вдруг не выдержу и всех вас подведу? Может, лучше Неженку послать, в конце-то концов?

Она лишь покачала головой и улыбнулась.

– Ну перестань, – сказала она.

Потом взяла меня за руку и подвела к постели, мы с ней сели, она чуть не силком уложила мою голову к себе на колени, потом отвела бархатный край портьеры от моего лица и стала гладить меня по голове.

– Ну-ну…

– А это далеко? – спросила я, заглядывая ей в глаза.

– Не очень, – ответила она.

– А вы будете вспоминать обо мне, пока я буду там?

Она принялась поправлять прядь моих волос, выбившуюся из прически.

– Каждую минуту, – тихо сказала она. – Ты же ведь моя девочка! Как же мне не волноваться? Но рядом с тобой будет Джентльмен. С простым бы разбойником я бы тебя ни за что не отпустила.

По крайней мере, честно. Но все же сердце мое билось тревожно. Я снова подумала о Мод Лилли, как она сидит в своей комнате одна и вздыхает, ждет, когда я приду и развяжу ее корсет и согрею у огня ее ночную рубашку. «Бедная леди», – сказала о ней Неженка.

Я закусила губу. А потом спросила:

– Я обязательно должна это сделать, да, миссис Саксби? Разве это не подло, разве не гадко?

Она посмотрела мне в глаза, потом кивнула на пейзаж за окном. И сказала:

– Я знаю, что она бы пошла на это не задумываясь. И если бы она видела тебя сейчас, я скажу тебе, что бы она чувствовала: страх и одновременно гордость, причем гордость была бы на первом месте.

После этих слов я задумалась. Примерно с минуту мы сидели и молчали. А потом я спросила ее о том, о чем никогда не спрашивала, – о том, о чем у нас на Лэнт-стрит, где были сплошь воры да мошенники, никто и никогда не заговаривал. Я спросила шепотом:

– Миссис Саксби, как вы думаете, это очень больно, когда вешают?

Ее рука, которой она гладила меня по голове, замерла. Потом снова задвигалась, плавно и успокаивающе.

– Мне кажется, ты чувствуешь только веревку на шее, а больше ничего. Это, должно быть, щекотно, мне так кажется.

– Щекотно?

– Ну, покалывает.

Рука все так же скользила по моим волосам.

– Но когда открывают люк? – спросила я. – Что чувствуют тогда – вы знаете?

Она вздрогнула:

– Наверно, когда люк открывают, бывают судороги.

Я подумала о тех людях, которых повесили в нашей тюрьме и казнь которых я видела. Они и вправду дергались. Лягались и брыкались, как деревянные мартышки на палочке.

– Но это происходит очень быстро, – продолжала она, – так что я даже думаю, что из-за быстроты боли не чувствуешь. А если вешают леди – тогда, знаешь, Сью, они специально так завязывают узел, чтобы все произошло как можно быстрее…

Я снова взглянула на нее. Она поставила свечу на пол, и свет, освещавший ее лицо снизу, изменил его до неузнаваемости: щеки раздулись, глазницы провалились, как у старухи. Я невольно вздрогнула, а она тронула меня за плечо и погладила – даже сквозь тяжелый бархат я почувствовала властное тепло ее руки.

Потом она склонила голову.

– Там сестра мистера Иббза опять не в себе, – сказала она, – опять маму свою зовет. Пятнадцать лет уж, бедняжка, мается. Я бы, Сью, не хотела дожить до такого. Что я хочу сказать: из всех возможных какой конец быстрее, тот и лучше. Я так думаю.

Так она сказала и подмигнула.

Так она сказала, и непохоже было, что она шутит.

Я иногда думаю: может, она так сказала, чтобы успокоить меня?

Но тогда я так не думала. Я встала, поцеловала ее и пригладила волосы там, где она теребила прядь, а потом снова послышался стук кухонной двери, и снова шаги на лестнице, на этот раз громкий топот, и – голос Неженки:

– Где ты, Сью? Ты не пойдешь танцевать? Мистер Иббз так раскочегарился, у нас там такое веселье!

От громкого ее голоса добрая половина малюток проснулась и криком своим разбудила остальных. Но миссис Саксби сказала, что приглядит за ними, и я сошла вниз и на этот раз потанцевала – с Джентльменом на пару. Он вел меня в вальсе. Он был пьян и крепко сжимал меня. Джон снова танцевал с Неженкой, и мы потолкались по кухне с полчаса, причем Джентльмен все время покрикивал: «Давай, Джонни!» или «Так держать, мальчик!» – а мистер Иббз только один раз сделал передышку и смазал маслом губы, чтобы легче было свистеть.

Ровно в полдень мне предстояло их покинуть. Я упаковала все свои пожитки в покрытый холстиной сундук, надела простое коричневое платье, еще на мне будет плащ и шляпка. Я запомнила все, чему за три дня дрессировки научил меня Джентльмен. Я крепко затвердила историю своей жизни и свое новое имя – Сьюзен Смит. Нам оставалось сделать только одно, и когда я в последний раз села есть в этой кухне – мне подали хлеб и вяленое мясо, пересушенное так, что зубы вязли, – только тогда Джентльмен сделал это последнее дело. Он достал из своей сумки листок бумаги, перо и чернила и написал мне рекомендательное письмо.

Он сочинил его в один момент. Конечно, ему не впервой подделывать документы. Дав чернилам просохнуть, он вслух зачитал написанное.

И вот что там было сказано:

«Всем заинтересованным лицам. Леди Алиса Данрейвен, проживающая на Бамстрит, Мейфэр, рекомендует мисс Сьюзен Смит…» – ну и далее в том же духе. Что там было дальше, я точно не помню, но, по-моему, звучало вполне убедительно.

Дочитав до конца, он снова положил листок на стол и расписался кружевным женским росчерком. Потом протянул письмо миссис Саксби.

– Что скажете, миссис С.? – с улыбкой спросил он. – Это поможет Сью?

Но миссис Саксби сказала на это, что не берется судить.

– Тебе лучше знать, мальчик мой, – сказала она, отводя взгляд.

Конечно, если мы на Лэнт-стрит и допускали к работе посторонних, то скорее поверили бы не рекомендации, а отсутствию всяческих рекомендаций. К нам приходила порой маленькая, похожая на гномика, девушка – кипятить детские пеленки и мыть пол. Но то была воровка. Порядочных девушек мы не принимали. Они бы тотчас смекнули, что за дела проворачиваются в нашем доме, и выдали бы нас с головой. К чему нам неприятности?

Так что миссис Саксби отвела протянутое письмо, и Джентльмен прочел нам его по новой, потом подмигнул мне, сложил, запечатал и упрятал в мой сундук. Я поспешно дожевала последний кусок мяса, подобрала крошки и застегнула плащ. Прощаться предстояло с одной лишь миссис Саксби. Джон Врум и Неженка никогда раньше часа не вставали. Мистер Иббз ушел вскрывать сейф где-то в Боу; полчаса назад он поцеловал меня в щеку и вручил мне на прощание шиллинг. Я надела шляпку. Она была тускло-коричневая, как и платье на мне. Миссис Саксби поправила ее. Потом взяла мое лицо в ладони и улыбнулась.

– Благослови тебя Бог, Сью! – сказала она. – В тебе – все наше богатство!

Но улыбка у нее получилась какая-то кривая. Мы с ней раньше никогда не расставались надолго, разве что на день. Она отвернулась, чтобы скрыть набежавшую слезу.

– Забирай ее скорее, – сказала она Джентльмену. – Забирай скорее, сил нет смотреть!

И, слегка приобняв меня за плечи, он повел меня прочь. За дверью он свистнул мальчишку – нести за нами сундук. Мы пошли к стоянке кэбов, нам нужно было попасть на Паддингтонский вокзал, где он посадит меня на поезд.

День выдался пасмурный. Но не так уж часто я перебиралась на другой берег, и я сказала, что хотела бы пройти пешком до Саутуоркского моста и поглядеть на реку. Я надеялась, что оттуда будет виден весь Лондон как на ладони, но туман густел чуть не с каждым нашим шагом. А на мосту оказалось и того хуже. Виднелся лишь черный купол собора Святого Павла да еще баржи на воде: почему-то из всего городского пейзажа осталось на виду все только черное, а светлое – светлое исчезло, растворилось в тумане.

– Странно, как подумаешь, что под ногами – вода, – произнес Джентльмен, глядя с моста вниз.

Он подошел к перилам, наклонился и сплюнул.

Туман застал нас врасплох. Уличное движение замедлилось, временами почти застопоривалось, и даже если мы находили кэб, через двадцать минут приходилось расплачиваться с извозчиком и снова идти пешком. Предполагалось, что я успею на поезд, который отходит ровно в час дня, однако теперь, шагая по какой-то площади, мы услышали, как часы отбивают назначенный час, потом еще четверть часа, потом полчаса – причем звон этот был таким зыбким и слабым, словно кто-то обернул колокола фланелью.

– Может, вернемся назад и попытаемся завтра? – спросила я.

Но Джентльмен сказал, что к моему поезду в Марлоу вышлют двуколку с извозчиком и что ничего, если я опоздаю, – все лучше, чем вовсе не приеду.

Но когда мы наконец добрались до Паддингтона, выяснилось, что все поезда в этот день запаздывают, так же как и уличный транспорт, и нам пришлось ждать еще с полчаса, пока не дали сигнал, что бристольский поезд – на этом поезде я должна была доехать до Мейденхеда, а там пересесть на другой – наконец подан. Мы стояли под тикающими часами, переминались с ноги на ногу и дули на окоченевшие пальцы. Над головой зажгли большие фонари, но туман проник и сюда и, смешиваясь с паром, клубился под сводами вокзала, так что проку от фонарей было мало. Стены, по смерти принца Альберта, были завешены черным, траурный креп засижен птицами. Мне вокзал показался слишком уж мрачным – совсем не то я ожидала увидеть! Ну да ладно. Вокруг сплошное мельтешение: кто-то кого-то ждал, кто-то встречал, люди чертыхались, проталкивались вперед – под ноги нам то и дело кидались то малые детки, то собачки.

– Фу ты черт! – ругнулся Джентльмен: ему чуть не отдавило ногу кресло на колесиках.

Он наклонился, отер грязь с сапога, потом выпрямился и закурил сигарету. Закашлялся. Воротник его был высоко поднят, поля шляпы низко свисали. Глаза у него сегодня были какие-то тусклые, словно запачканы желтком. Да, сейчас он меньше всего походил на мужчину, от которого девицы сходят с ума.

Он снова кашлянул.

– К черту дешевый табак, – сказал он, обирая с языка сухую былинку. Потом перехватил мой взгляд и попытался улыбнуться. – К черту нищую жизнь во всех ее проявлениях – да, Сьюки? Для нас с тобой она очень скоро кончится, правда?

Я отвернулась и ничего не ответила. Еще вчера я чуть не до утра вальсировала с ним в кухне, теперь же, вдали от Лэнт-стрит, от миссис Саксби и мистера Иббза, среди этой гомонящей толпы, этот человек вдруг показался мне совсем чужим, и мне стало неловко. Я подумала: «Вы мне – никто». И вновь еле удержалась, чтобы не попроситься домой, но я понимала, что, если еще раз заговорю об этом, он, чего доброго, разозлится, так что промолчала.

Он докурил одну сигарету и зажег другую. Потом пошел по нужде, и я чуть позже пошла тоже. Подбирая юбки, я услышала свисток, и, когда вернулась, оказалось, что посадку уже объявили и половина людей кинулись сломя голову к только что поданному поезду. Мы

поспешили вместе с толпой. Джентльмен подвел меня к вагону второго класса, потом передал мой сундук человеку, размещавшему багаж на крыше вагона. Я села рядом с женщиной, на руках у нее был ребенок, и лицо у нее было измученное, напротив нее сидели два коренастых фермера – сразу видно, деревенщина. Мне показалось, она мне обрадовалась, ведь я была так одета, что по виду – ха-ха! – ни за что не подумаешь, что это всего-навсего вороватая девчонка из Боро. Следом за мной вошли мальчишка и его старичок-родитель, они несли клетку с канарейкой. Мальчик сел рядом с деревенскими мужиками. Папаша его сел рядом со мной. Вагон качнулся и заскрипел, и все мы, запрокинув голову, смотрели, как с потолка, где ворочали тяжелые тюки и другой багаж, на нас сыплется пыль вперемешку с ошметками лакировки.

В следующую минуту дверь рывком распахнули и захлопнули. За всей этой предотъездной суетой я чуть не забыла про Джентльмена. Подсадив меня в вагон, он отвлекся, видать, и завязал беседу с проводником. Теперь же подошел к открытому окну и сказал:

– Я боюсь, ты приедешь поздно, Сью. Но, думаю, кучер в Марлоу тебя дождется. Уверен, что дождется. Надо надеяться.

Я сразу поняла, что нет, не дождется, и мне вдруг стало жаль себя и захотелось плакать. И выпалила вдруг:

– Поедете со мной? Проводите меня до дома?

Но разве он мог? Он покачал головой и виновато скривился. Два мужичка, женщина, мальчик и старичок-папаша смотрели на нас – удивлялись, наверно, о каком доме идет речь и вообще, с чего это мужчина в модной широкополой шляпе, да еще с таким голосом, завел разговор с такой девушкой, как я.

Потом носильщик слез с крыши, раздался второй свисток, поезд жутко накренился и тронулся. Джентльмен приподнял шляпу и, пока поезд набирал ход, шел за нами следом, потом отстал – я видела, как он развернулся, надел шляпу, поднял воротник. Потом он исчез из виду. Вагон еще сильнее заскрипел и стал покачиваться с боку на бок. Взрослые ухватились за кожаные ремни, мальчик же прижался носом к стеклу. Канарейка просунула клюв меж прутьев клетки. Младенец заплакал. И плакал примерно полчаса.

– У вас есть джин? – не выдержав, спросила я у женщины.

– Джин? – переспросила та, как будто речь шла о яде. Потом поджала губы и демонстративно отвернулась – ишь, фитюлька какая, неприятно ей, видите ли, сидеть рядом со мной.

…Из-за нее, а также из-за младенца, и из-за птицы, не умолкавшей ни на минуту, и из-за пожилого господина, который уснул и храпел всю дорогу, и из-за мальчика, который пулялся бумажными шариками, и из-за деревенских увальней, которые всю дорогу дымили и бранились по пустякам, и из-за тумана, который не давал поезду как следует разогнаться, и тот приехал в Мейденхед на два часа позже расписания, так что я пропустила один поезд на Марлоу и вынуждена была дожидаться следующего, – из-за всего этого поездку мою едва ли можно назвать приятной. Я не захватила с собой еды, ведь предполагалось, что я прибуду в «Терновник» к тому времени, когда слуги пьют чай. Я с самого утра ничего не ела – мне, правда, дали на завтрак ломоть хлеба с вяленым мясом, и я еще досадовала, что оно застревает в зубах, но семь часов спустя, сидя в Мейденхеде, я вспоминала о нем, и у меня слюнки текли. Вокзал здесь был совсем не похож на Паддингтон, где с лотков торговали кофе, молоком и плюшками. Здесь на перроне стояла всего одна продовольственная будка, да и та была наглухо закрыта. Я уселась на свой сундук. Глаза щипало – наверно, от тумана. Я высморкалась, и платок почернел. Какой-то мужчина увидел меня за этим занятием.

– Не плачьте, – сказал он с улыбкой.

– А я и не плачу! – огрызнулась я.

Он подмигнул, а затем спросил, как меня зовут.

Да, одно дело, когда с тобой заигрывают в городе. Но я-то не в городе. И сделала вид, что ничего не заметила. Когда пришел поезд на Марлоу, я села на заднее сиденье в конце вагона, а он уселся в самом начале, лицом ко мне, и добрых полчаса буравил меня взглядом. Мне вспомнилось, как Неженка рассказывала, что вот так же однажды села в поезд, а рядом сидел некий джентльмен, так он расстегнул брюки, и показал ей петушка, и попросил потрогать. И она потрогала, а он дал ей за это фунт. Я подумала: что же мне делать, если этот мужчина попросит меня потрогать петушка, – закричать, отвернуться, потрогать или что?..

Но если подумать: к чему мне фунт, если вспомнить, куда я направляюсь!

И, опять-таки если подумать, такие шальные деньги непонятно куда девать. Неженка, к примеру, так и не осмелилась потратить свое богатство, опасаясь, что отец, как только увидит денежку, сразу догадается, что она наблудила. Она спрятала свой фунт в стене прачечной – там, где кирпич выпадал и его при желании можно было вынуть и впихнуть обратно. Для памяти она пометила кирпич особой меткой, но какой – никому не сказала. Она обещала открыть нам эту тайну на смертном одре, чтобы мы могли на этот фунт похоронить ее по всем правилам.

Итак, мой попутчик буравил меня взглядом, но расстегивал ли он брюки, сказать не могу, не видала. Наконец он попрощался со мной, приподняв шляпу, и сошел с поезда. После этого были еще остановки, и на каждой кто-то сходил, но никто больше не подсаживался. Станции пошли какие-то мелкие, одна неинтереснее другой, на последних уже ничего примечательного и не было, да и в окно совсем не на что стало смотреть, одни деревья да кусты, а за ними – туман, серый туман, выше которого лишь черное ночное небо. А когда деревья и кусты слились в одну сплошную полосу, а небо стало черным-пречерным, я даже подумала: настоящее небо таким не бывает, тут поезд и встал. Приехали в Марлоу.

Никто не сошел здесь, кроме меня. Я оказалась самым распоследним пассажиром. Проводник прокричал остановку и подошел снять мой сундук.

Он сказал:

– Одна вы не донесете. Вас кто-нибудь встречает?

Я ответила, что, вообще-то, меня должна встречать двуколка из «Терновника».

Проводник сказал: уж не та ли это телега, что приезжает забирать почту? Она уж три часа как уехала. И оглядел меня с ног до головы.

– Из Лондона прибыли? – поинтересовался он.

Потом крикнул машинисту, который высунулся из окна:

– Она из Лондона, едет в «Терновник»! Я сказал ей, что двуколка оттуда была и ушла.

– Ага, конечно, была и ушла! – крикнул в ответ машинист. – Была и ушла, часа три тому.

Я поежилась. Здесь было холоднее, чем дома. Холоднее и темнее, и в воздухе пахло как-то странно, да, и еще – говорила я или нет? – народ тут был до невозможности дремучий.

Я спросила:

– А кэбмен не может меня отвезти?

– Кэбмен? – удивился проводник. И, повернувшись к машинисту, крикнул: – Желает кэбмена!

– Кэбмена!

И они принялись ржать и под конец аж закашлялись. Проводник вытащил носовой платок и стал утираться, бормоча:

– Вот смех-то, прости господи… Кэбмена ей, это в Марлоу-то!

– Да заткнитесь вы, – сказала я. – Заткнитесь вы, оба.

Схватила сундук за ручку и поплелась с ним туда, где брезжили вдали два огонька, – я решила, что это, наверное, огни деревни.

Проводник сказал:

– Ишь какая, язык распустила! Вот возьму и расскажу все мистеру Пею. Посмотришь, что он сделает, – ишь нахваталась лондонских словечек!

Не знаю, на что я рассчитывала. Я понятия не имела, сколько шагать до «Терновника». Я даже не знала, по какой дороге идти. Лондон был за сорок миль отсюда, а я жутко боялась коров и быков.

Но в конце концов, сельские дороги не то что городские. Их бывает всего четыре, и все они в конце концов сходятся. Я прибавила шагу и прошагала примерно с минуту, как вдруг позади послышался топот копыт и поскрипывание колес. А затем со мной поравнялась повозка, и сидевший на ней мужчина потянул вожжи и поднял фонарь, чтобы лучше разглядеть мое лицо.

– Вы Сьюзен Смит? – спросил он. – Вы приехали из Лондона. Мисс Мод весь день из-за вас места себе не находит, волнуется.

Человек он был пожилой, и звали его Уильям Инкер. Он служил конюхом у мистера Лилли. Он взял мой сундук, усадил меня рядом с собой и стал понукать лошадь. А когда понял, что я вся дрожу – от встречного ветра, с непривычки к такой езде, – он вытащил откуда-то клетчатый плед и укутал мне ноги.

До «Терновника» было шесть или семь миль, и весь этот долгий путь мы проделали как-то на удивление легко и незаметно: он пустил лошадь рысью, а сам сидел и покуривал трубочку. Я рассказала ему про туман – даже здесь кое-где висели его белесые клочья, – что это из-за него поезда задержались.

Он ответил:

– Знамо дело, Лондон. Там, говорят, всегда туманы. Приходилось бывать за городом-то?

– Не часто, – ответила я.

– Прислуживали у городских господ? Хорошее было место – последнее-то?

– Хорошее, – кивнула я.

– Как чудно-то вы говорите, а еще горничная, – сказал он затем. – Во Франции бывали?

На секунду я помедлила с ответом, подтыкая плед с обеих сторон.

– Раза два, кажись, – ответила я.

– А правду говорят, они коротышки, французы-то? Я о ногах.

Вообще-то, я знала только одного француза: он был взломщик и звали его почему-то Джек Немец. Он как раз был длинный, но, чтобы не огорчать Уильяма Инкера, я сказала:

– Коротышки? Наверное…

– Так я и думал, – сказал он.

Дорога была пустынной и темной, и в тишине над полями слышны были лишь цокот копыт, лошадиное фырканье, скрип колес и наши с конюхом голоса. Потом где-то совсем близко зазвонил колокол, звук был жалобный, унылый, не то что радостный лондонский трезвон. Я насчитала девять ударов.

– Это в «Терновнике» часы бьют, – сказал Уильям Инкер.

После этого мы ехали молча и через некоторое время оказались возле высокой каменной стены и поехали вдоль нее. Вскоре я увидела впереди огромную арку и за ней – крышу и стрельчатые окна серого дома, сплошь увитого плющом. Я подумала, что лачуга, конечно, ничего себе, но не такая уж величественная и мрачная, как выходило по словам Джентльмена. Но когда Уильям Инкер натянул вожжи, а я отвернула плед и нагнулась за сундуком, то услышала:

– Погоди, деточка, нам еще полторы мили ехать!

А потом он крикнул человеку с фонарем, стоявшему на пороге дома:

– Добрый вечер, мистер Мак. Можете закрыть за нами ворота. Это вот мисс Смит – видите? – живая и невредимая.

Здание, которое я приняла за господский дом, оказалось всего-навсего будкой привратника!

Я ничего не сказала, лишь смотрела во все глаза – и мы проехали мимо сторожки и дальше, справа и слева мелькали темные стволы облетевших деревьев, их ряды повторяли каждый изгиб дороги, пока не завели нас в какую-то низину, где даже воздух – на сельских просторах он, похоже, совсем было очистился – снова стал густым и влажным. Таким густым и влажным, что я прямо почувствовала его прикосновение – он словно облепил прохладной тканью мое лицо, ресницы, губы. Я закрыла глаза. Потом это прошло. Я открыла глаза и посмотрела вперед. Дорога шла на подъем, мы выбрались из древесного коридора на гравийную поляну, и на ней, вздымаясь из густошерстяного тумана, как скала, щербатясь черными закрытыми окнами, пугая черным неопрятным плющом, пуская в небо хлипкие струйки сизого дыма из двух своих труб, стоял «Терновник» – лесной дворец, в котором живет Мод Лилли и который отныне я должна буду называть своим домом.

Прямо к парадному крыльцу мы не поехали, а свернули на дорожку, уводившую куда-то за дом – в какие-то темные и тесные дворы, беспорядочно застроенные пристройками с множеством крылечек и переходов; кирпичные стены здесь были почти черны, окна наглухо закрыты, из глубины дворов доносился собачий лай. На одном из строений, очень высоко, на закопченной стене белым пятном маячили башенные часы с черными стрелками – это их звон слышала я далеко в полях. Как раз под часами Уильям Инкер и остановил лошадь, потом помог мне сойти. В одной из пристроек дверь была не заперта – там на крыльце, переминаясь с ноги на ногу от холода, стояла женщина и смотрела прямо на нас.

– Это миссис Стайлз – услыхала, как мы подъехали, – сказал мне Уильям.

И мы пошли к ней через весь двор. Прямо над нами, в маленьком оконце, мелькнул слабый огонек – вспыхнул, затрепетал, потом исчез.

За дверью был коридорчик, который выводил прямо в большую, светлую кухню – раз в пять больше нашей на Лэнт-стрит: посуда расставлена ровными рядами вдоль побеленных стен, с потолочных балок аккуратно свисали несколько кроличьих тушек. Сидевшие за большим струганым столом мальчик, взрослая женщина и несколько девочек встретили меня настороженно. Этого и следовало ожидать. Девочек сразу заинтересовали мой капор и покрой моего плаща. На них была одежда прислуги – передники и все такое, потому я не стала к ним особенно присматриваться.

Миссис Стайлз сказала:

– Ну вы и припозднились. Еще немного – и вам пришлось бы ночевать в деревне. Мы здесь рано ложимся.

Это была женщина лет пятидесяти, в белом чепце с оборками, у нее была привычка: когда она разговаривала с вами, она никогда не смотрела вам в глаза, а всегда косила куда-то в сторону. У нее на поясе, на цепочке, висели ключи от дома. Очень простые ключи, сейчас уж таких не делают, я бы любой в два счета выточила.

Я присела перед ней в полупоклоне. И не сказала ей – хотя очень хотелось, – что пусть еще скажет мне спасибо, что я не повернула назад с Паддингтонского вокзала, а ведь могла бы, и чего ради было тащиться в такую даль, чтобы лишний раз убедиться, что зря это сделала и лучше бы мне остаться в Лондоне, – конечно, я могла бы ей все это высказать, но сдержалась. Вместо этого сказала другое:

– Ну да, я ужасно рада, что за мной вообще прислали лошадь.

Девчонки за столом захихикали. Женщина, сидевшая с ними рядом – кухарка, как выяснилось, – поднялась и, взяв поднос, стала собирать мне ужин.

Уильям Инкер сказал:

– Мисс Смит жила в Лондоне в очень приличном доме, миссис Стайлз. И несколько раз бывала во Франции.

– Неужели? – откликнулась миссис Стайлз.

– Всего пару раз, – поправила я. Ну вот, теперь все решат, что я хвастаюсь.

– Она говорит, у тамошних парней ноги коротки.

Миссис Стайлз кивнула. Девчонки снова захихикали, а одна из них произнесла вполголоса что-то такое, отчего парнишка, сидевший рядом, покраснел. Тем временем мой поднос с ужином был готов, и миссис Стайлз сказала:

– Маргарет, отнеси это ко мне в кладовую. Мисс Смит, хотите, я покажу вам, где можно умыться?

Я подумала, что она имеет в виду туалет, и согласно кивнула:

– Конечно, будьте так добры.

Она вручила мне свечу и вывела по другому недлинному коридорчику во двор, но не в тот, где мы были раньше. Там стоял простой дощатый нужник с бумагой на гвоздике.

Потом она отвела меня к себе. Комнатушка у нее была крохотная, на каминной полке – белые восковые цветы, картинка в рамке: портрет моряка. Наверное, это мистер Стайлз, ушедший в плаванье, подумала я. Рядом другая картинка: фигура ангела, выложенная по контуру из черных волос, – это мистер Стайлз, ушедший в мир иной, решила я. Она села и стала смотреть, как я ем. На ужин была мелко порубленная баранина и хлеб с маслом. Можете себе представить, как быстро я с этим управилась, с голодухи-то. Пока я ела, часы за окном прозвонили полдесятого – я узнала этот протяжный звон.

Я сказала:

– Часы что, всю ночь звонят?

Миссис Стайлз кивнула:

– Всю ночь, а также весь день, каждые полчаса. Мистер Лилли любит порядок, и день его расписан по часам. Сами увидите.

– А мисс Лилли? – спросила я, вытирая уголки рта, чтобы не оставлять крошек. – А она что любит?

Миссис Стайлз разгладила передник.

– Мисс Мод любит то же, что и ее дядя, – ответила она. Потом, пожевав губами, добавила: – Вы сами увидите, мисс Смит, мисс Мод еще очень молода, хотя и считается хозяйкой такого большого дома. Слуги ее не касаются, слуги – в моем ведении. Видите ли, я уже довольно долго служу экономкой и кому, как не мне, знать, как подобрать порядочную горничную для моей госпожи, – но, вы меня понимаете, даже экономке приходится делать то, что ей велят, и в этом вопросе мисс Мод со мной считаться не стала. Не стала считаться. Думаю, не очень-то мудро с ее стороны, в ее-то возрасте, но подождем, посмотрим, что из этого выйдет…

Я сказала, что уверена: как бы мисс Лилли ни поступила, все будет хорошо.

Она заметила:

– У меня огромный штат слуг, потому я и не сомневаюсь, что все будет хорошо. В этом доме слуги знают свое дело, мисс Смит, и я надеюсь, вы будете справляться не хуже. Вот только к чему вы привыкли на своем последнем месте? Я не знакома с обязанностями горничных в Лондоне. Я никогда там не была… – («Как, ни разу не была в Лондоне?!» – пронеслось у меня в голове.) – Так что не берусь судить. Но если вы не будете забывать о других моих девушках, уверяю вас, и они будут к вам относиться подобным же образом. Что касается слуг и дворовых, надеюсь, я не застану вас беседующей с ними, разве что в случае крайней необходимости…

Наставления продолжались еще с четверть часа – и за все это время, как я уже обратила ваше внимание, она ни разу не заглянула мне в глаза. Она рассказала, куда я могу ходить,

а куда ходить запрещено, где я должна есть, сколько сахара мне полагается, сколько пива, и если мне надо постирать свое нижнее белье, куда мне его относить. Чай, который заваривается в чайнике мисс Мод, сообщила она, по традиции, предыдущая горничная имела обыкновение передавать девочкам на кухню. То же касательно огарков свечей мисс Мод: их следует отдавать мистеру Пею. Мистер Пей знает, сколько примерно огарков останется, поскольку именно он выдает свечи. Пробки идут Чарльзу, это мальчик при кухне. Кости и кожа – повару.

– Ну а те обмылки, что мисс Мод оставляет на умывальнике, – сказала она, – можете оставить себе. Все равно они сухие и пены от них никакой.

Вот вам слуги: только и думают, где бы хоть чуточку да урвать свое. Больно мне нужны эти огарки да обмылки. Если раньше я как-то не очень понимала, каково это – ждать, когда на тебя свалится три тысячи фунтов, то теперь прониклась этим чувством в полной мере.

Потом она сказала, что, если я поужинала, она с удовольствием проводит меня в мою комнату. И когда мы пойдем, она попросила бы меня не шуметь, потому что мистер Лилли любит, когда в доме тихо, и, если его потревожить, может вспылить, а у мисс Мод тоже слабые нервы, поэтому ее нельзя будить или сердить.

Так она сказала, а потом взяла свою лампу, а я – свечу, и она повела меня по коридору, а потом наверх – по темной лестнице.

– Это черный ход, для слуг, – сказала она, когда мы поднимались по ступенькам, – им вы и должны пользоваться, за исключением тех случаев, когда мисс Мод прикажет вам идти другим путем.

Чем дальше мы шли, тем тише становился ее голос, тем мягче и осторожнее шаги. Наконец, когда мы поднялись на три пролета, она подвела меня к двери, за которой, как она пояснила шепотом, находилась моя комната. Прижав палец к губам, она медленно повернула ручку.

У меня никогда не было собственной комнаты. Да не очень-то и хотелось. Но раз уж мне положено, пусть будет. Комната оказалась маленькой и неуютной – на мой вкус, несколько бумажных гирлянд, привешенных к потолку, явно бы не помешали, или там пара гипсовых собачек на каминной полке. Сейчас там стояло лишь зеркало да внизу, у очага, лежал коврик.

Рядом с кроватью я увидела свой дорожный сундук, – должно быть, Уильям Инкер принес его сюда и оставил.

У изголовья кровати была еще одна дверь, плотно закрытая, но без ключа.

– Куда она ведет? – поинтересовалась я, и миссис Стайлз ответила:

– Это дверь в комнату мисс Мод.

– Мисс Мод спит за этой дверью? – переспросила я.

Может, я действительно произнесла эти слова слишком громко, потому что миссис Стайлз вздрогнула – как если бы я вдруг завизжала или громыхнула чем-то тяжелым.

– У мисс Мод плохой сон, – тихо пояснила она. – Если она проснется среди ночи, от служанки требуется посидеть с ней. Вас она не позовет, поскольку не знает о вашем приезде, так что сегодня ночью Маргарет посидит на стуле у ее двери, она же утром принесет ей завтрак и поможет одеться. После этого будьте готовы к тому, что вас позовут и проведут с вами беседу.

Она выразила надежду на то, что я понравлюсь мисс Мод. Я сказала, что тоже на это надеюсь.

После этого она удалилась. Она уходила очень тихо, а у двери вдруг замедлила шаг и потянулась рукой к связке ключей на поясе. Заметив этот жест, я похолодела: ну точь-в-точь тюремная надзирательница. И у меня невольно вырвалось:

– Вы меня здесь не запрете?

– Запру? – Она удивленно вскинула брови. – С какой стати?

Я ответила, что не знаю. Она оглядела меня с головы до ног, вздернула подбородок, закрыла за собой дверь и оставила одну.

Я мысленно послала ее к черту.

Потом села на кровать. Жестко. Я подумала: интересно, меняли здесь постельное белье с тех пор, как уехала последняя горничная, та, что заболела скарлатиной. Но было слишком темно, чтобы это проверить. Миссис Стайлз унесла с собой лампу, а я, похоже, поставила свечу на сквозняке – пламя ее трепыхалось, и вокруг колыхались гигантские черные тени. Я развязала плащ, но с плеч его не снимала. От холода и от усталости я вся дрожала, а запоздалый ужин колом стоял в желудке, внутри болело. Было десять часов вечера. Мы дома обычно смеялись над теми, кто ложился спать раньше полуночи.

С тем же успехом меня могли посадить в темницу, подумала я. В тюрьме и то небось веселей. Здесь же повсюду какая-то гнетущая, жуткая тишина: прислушиваешься – и ничего не слышно, только зря слух напрягаешь. А если подойти к окну и посмотреть, что делается снаружи, – голова закружится, до чего высоко, а внизу лишь темный двор и конюшня, и все тихо-претихо…

Я подумала: «А как же свеча, которая мелькнула за окном, когда мы с Уильямом Инкером только приехали? Интересно, где эта комната, откуда шел свет?..»

Я открыла сундук – посмотреть на вещи, которые захватила с собой с Лэнт-стрит, – по правде говоря, вещички-то были не мои, все эти нижние юбки и сорочки, которые Джентльмен заставил меня взять. Сняла платье и минуты две тупо на него глядела. Платье тоже было не мое, но я нашла швы, прошитые рукой Неженки, и понюхала ткань. Мне казалось, ее иголка должна оставить знакомый запах, на худой конец, запах псины от шубейки Джона Врума.

Я представила, как миссис Саксби сварит суп из свиных костей, оставшихся после прощального пира, и это было так странно: я вдруг представила их всех, как они сидят, едят суп и вспоминают обо мне, а может, о чем другом, не важно.

Если бы я была девицей плаксивой, я бы, конечно, разрыдалась от таких мыслей.

Но я сроду не была плаксой. Я переоделась в ночную сорочку, накинула на плечи плащ и, до конца не разувшись и не сняв чулок, встала в раздумье посреди комнаты. Глянула на закрытую дверь у изголовья кровати, на замочную скважину и подумала: может, мисс Мод заперлась с другой стороны и повернула ключ? Интересно, если нагнуться и поглядеть одним глазком, видно будет хоть что-нибудь? Ну а раз такое пришло в голову, трудно бывает удержаться… Но когда я подошла на цыпочках, стараясь не шуметь, и нагнулась к замочной скважине, то увидела лишь сумрачный свет и ничего более, ничего похожего на фигуру спящей – или не спящей – капризной девицы, – словом, ничего интересного.

Тогда я подумала, что, может, хоть послушаю, как она дышит. Прижалась ухом к двери. Но услышала лишь биение собственного сердца да шум крови в висках. И еще тихое-тихое поскрипывание – это, наверное, какой-нибудь жучок или червячок точил в дереве ход.

И больше ничего, хотя я прислушивалась целую минуту, а может, и больше. Потом бросила это дело. Сняла ботинки и подвязки и улеглась в постель. Простыни были холодные и сырые на ощупь, как раскатанное тесто. Я накинула поверх одеяла плащ – для тепла, а также чтобы быстро схватить его, если кто-нибудь набросится на меня среди ночи и придется спасаться бегством. Ничего ведь нельзя знать наверняка. Свечу я гасить не стала. Если мистер Пей будет печалиться, что одним огарком меньше, ему же хуже.

Даже у воров бывают свои слабости. Тени все еще плясали по стенам. Волглые простыни никак не согревались. Большие часы пробили пол-одиннадцатого… одиннадцать… полдвенадцатого… двенадцать. Я лежала под одеялом и дрожала от холода, и, знаете, больше всего на свете мне хотелось быть сейчас рядом с миссис Саксби, на Лэнт-стрит, там, где мой дом.

Глава третья

Меня разбудили в шесть утра. А я думала, еще глубокая ночь, потому что свеча моя, конечно же, успела догореть, а занавески на окне были тяжелые и плотные и совсем не пропускали света. Когда Маргарет постучала в мою дверь, мне показалось, что я в своей прежней комнате на Лэнт-стрит. Я почему-то решила, что это воровка, которая сбежала из тюрьмы и хочет, чтобы мистер Иббз помог ей снять кандалы. Такое не часто, но случалось, иногда заглядывали добрые воры, даже наши знакомые, но попадались и отъявленные злодеи. Один такой гад даже приставил нож к горлу мистера Иббза, потому что тот сказал, что железо плохо пилится и по-быстрому не получится. Итак, теперь, когда Маргарет постучалась, я вскочила с кровати и закричала: «Держи, держи!» – хотя кого надо было держать и зачем, я понятия не имела, а Маргарет и подавно.

Она высунула из-за двери голову:

– Вы звали, мисс? – и протянула мне кувшин с водой для умывания.

Войдя в комнату, первым делом развела в камине огонь. Потом заглянула под кровать, достала ночной горшок, опорожнила его в помойное ведро и насухо вытерла влажной тряпкой, один конец которой был заткнут за пояс ее передника.

Я сама привыкла чистить горшки – дома. Теперь же, видя, как Маргарет выливает за мной ночной горшок, я смутилась. Тем не менее сказала:

– Спасибо, Маргарет.

И тут же пожалела об этом. Потому что Маргарет после этих слов поджала губы: мол, кто ты такая, чтобы благодарить меня? Что о себе возомнила? Прислуга. Она сказала, что завтрак мне подадут в кладовке миссис Стайлз. Потом отвернулась и вышла, попутно, как я успела заметить, бросив взгляд на мое платье, ботинки и на открытый сундук.

Я дождалась, когда огонь разгорится посильнее, потом встала с постели и оделась. Умываться не хотелось: слишком холодно. Платье казалось липким. Отодвинув занавеску, при свете дня я увидела то, чего накануне, при свете свечи, не заметила: что потолок весь в пятнах от сырости, на обшитых деревом стенах – белесые разводы плесени.

Тем временем в соседней комнате послышались приглушенные голоса. Я различила голос Маргарет:

– Да, мисс. – И скрипнула, закрываясь, дверь.

После этого все стихло. Я пошла вниз завтракать – с первого раза, правда, заплутала в неосвещенных коридорах под черной лестницей и вышла во двор, где стояла туалетная будка. Будку, как я могла теперь убедиться, окружали густые заросли крапивы, сквозь щели мощенного кирпичом двора пробивалась сорная трава. С каменных стен свисали плети сухого плюща, в некоторых окнах не хватало стекол. В конце концов, Джентльмен был прав, когда говорил, что взломщику в таком доме делать нечего. И насчет слуг он тоже правду сказал. Когда я наконец добралась до кладовки миссис Стайлз, там уже сидел пожилой дядька, в панталонах и шелковых чулках, с пудреным париком на голове, – мистер Пей. Он уже сорок пять лет служит у мистера Лилли управляющим – так он сам сказал. Да примерно так он и выглядел. Когда девушка принесла завтрак, его обслужили первым. На завтрак давали окорок, яйцо и чашку пива. Они тут пили пиво с чем угодно, была даже специальная комната, где его варили. А еще говорят, что в Лондоне алкаши!

Меня мистер Пей разговором почти не удостоил, зато с большим оживлением беседовал с миссис Стайлз о хозяйстве. Поинтересовался лишь, у кого я прежде служила, и, когда я ответила: у Данрейвенов, с Бамс-стрит, что в Мейфэре, – он понимающе кивнул, словно давая понять, что знаком с их слугой. Сами видите, что это был за человек – хвастун.

В семь часов он ушел. И лишь после его ухода миссис Стайлз встала из-за стола. И тогда сказала:

– Сообщу вам приятную новость, мисс Смит: мисс Лилли почивала хорошо.

Я не знала, что ей на это ответить. А она тем временем продолжала:

– Мисс Мод рано встает. Она просила передать вам, чтобы вы к ней зашли. Не желаете ли вымыть руки перед тем, как пойдете наверх? Мисс Мод, как и ее дядюшка, очень чистоплотна.

Мне казалось, руки у меня и так чистые, но я на всякий случай их вымыла – в маленькой мраморной раковине, стоявшей в углу кладовки.

Выпитое пиво давало о себе знать. Лучше бы я его не пила, подумала я. И еще подумала, что зря я не зашла в уборную, когда случайно наткнулась на нее во дворе. Мне казалось, что в другой раз я ее не найду.

Я нервничала.

Меня повели наверх. Как и прежде, мы шли по черной лестнице, для слуг, но, поднявшись, свернули в другой коридор, покрасивее, там было две двери. Мы подошли к одной из них и постучали. Я не слышала, что ответили, но, думаю, моя провожатая услышала. Она вытянулась в струнку, повернула железную ручку двери и впустила меня внутрь.

Эта комната, как и все здешние помещения, была полутемной. Стены обиты панелями черного дерева, и пол, почти совсем голый, если не считать пары турецких ковров, затертых почти до дыр, тоже был черный. Были там еще массивные столы и пара жестких диванов. Потом картина, написанная маслом, изображающая какой-то бурый холм, и ваза с сухими листьями, и еще, под стеклянным колпаком, – мертвая змея, держащая в зубах белоснежное яйцо. В окнах – серое небо да мокрые ветви деревьев. Стекла, маленькие, в свинцовых переплетах, дрожали от ветра.

В чреве старинного громадного камина потрескивал огонь, а перед камином, глядя на слабо разгоравшийся, зато изрядно чадивший огонь, вполоборота ко мне стояла мисс Мод Лилли, хозяйка этого дома, та, на кого был нацелен наш заговор.

Вообще-то, наслушавшись рассказов Джентльмена, я ожидала увидеть перед собой красавицу. Но не увидела – по крайней мере, глядя на нее тогда, я бы не назвала ее красивой, наоборот, я бы сказала, что внешность у нее самая заурядная. Она была выше меня на дюйм или на два – то есть роста среднего, поскольку я считалась маленькой. Светло-русые волосы, чуть светлее моих, глаза карие, но какие-то прозрачные. Губы и щеки – пухлые и гладкие, тут она меня обскакала, признаю, потому что у меня была привычка кусать губы и на щеках всегда веснушки, и вообще у меня, как говорили, «острая мордочка». Я знала, что выгляжу моложе своего возраста, но если речь о ней – интересно, что сказали бы эти люди, если бы увидели Мод Лилли! Потому что, если уж я кажусь им юной, так она и вовсе дитя – цыпленок, едва вылупившийся из яйца, птенчик неоперившийся. Когда я вошла, она вздрогнула, обернулась и пошла мне навстречу, бледные щеки ее зарделись. Потом остановилась и аккуратно сложила руки перед собой, поверх пышной юбки. Юбка – девушки ее возраста обычно таких не носят – была пышной и короткой, так что оставались открытыми лодыжки, а вокруг талии, очень тонкой, обвивался шелковый пояс. Волосы убраны бархатной сеткой. На ногах – туфли из красной прюнели. На руках – длинные белые перчатки, застегнутые на запястьях.

Она сказала:

– Мисс Смит. Вы ведь мисс Смит, не так ли? И вы прибыли из Лондона, чтобы служить у меня горничной! Можно, я буду звать вас Сьюзен? Надеюсь, вам понравится в «Терновнике», Сьюзен. Надеюсь, я вам тоже понравлюсь. На сильные эмоции и в том и в другом случае трудно рассчитывать. Но думаю, это все же произойдет, и довольно скоро.

Голос у нее был нежный, приятный, говорила она, слегка запинаясь, покачивая головой в такт словам, но смотрела мимо меня, и щеки ее все еще пылали.

Я сказала:

– Уверена, вы мне понравитесь, мисс.

Потом я вспомнила, чему меня учили на Лэнт-стрит, схватила обеими руками юбку и склонилась в глубоком поклоне. А когда я встала, она улыбалась, затем подошла ко мне и взяла мои руки в свои.

И только потом обратилась к миссис Стайлз, все это время стоявшей у двери.

– Можете идти, миссис Стайлз, – вежливо попросила она. – Но вы ведь будете добры к мисс Смит, я знаю.

И посмотрела мне в глаза.

– Вы слышали, наверное, что я тоже сирота, Сьюзен. Меня привезли в «Терновник» в раннем детстве, я была еще очень мала, очень, и не было никого, кто бы позаботился обо мне. Не могу выразить словами, как миссис Стайлз отнеслась ко мне, только благодаря ей я узнала, какова бывает материнская любовь.

Она улыбнулась. Миссис Стайлз не смела поднять глаз, но краска залила ее лицо, а ресницы дрогнули. Мне лично было бы трудно представить ее в роли матери, но случается, что слуги порой питают нежные чувства к своим работодателям, собаки ведь привязываются к своим хозяевам. Это я вам точно говорю.

В общем, она захлопала ресницами и сделала смущенное лицо, а потом покинула нас. Мод снова улыбнулась и повела меня к одному из диванов, с высокой жесткой спинкой, стоявшему рядом с камином. Села рядом со мной. Стала расспрашивать о том, как я добралась.

– Мы уж думали, вы заблудились! – сказала она.

И о комнате: понравилась ли мне постель, понравился ли завтрак. И потом:

– Неужели вы и впрямь приехали из Лондона?

С тех пор как я покинула Лэнт-стрит, все только и задают этот вопрос, как сговорились. Да откуда еще я могла взяться! И теперь вот опять, только на этот раз знакомые слова прозвучали чуть по-другому: не по-деревенски, с придыханием, а с жадным девичьим любопытством – как будто Лондон был ей очень дорог и ей не терпелось о нем услышать.

Разумеется, я думала, что знаю причину такого любопытства.

Потом она рассказала мне, каковы будут мои обязанности в качестве горничной: главное, как я и предполагала, – сидеть с ней и скрашивать ее одиночество, а также гулять с ней по парку и заботиться о ее гардеробе.

Она потупилась:

– Вы скоро заметите, что мы здесь, в «Терновнике», мало следим за модой. Думаю, это не столь важно, поскольку гости у нас редки. Мой дядя требует лишь, чтобы я была аккуратной. Но вы, конечно, в Лондоне привыкли к роскоши.

Я вспомнила о кудряшках Неженки, о Джоновой собачьей шубейке.

– Как не привыкнуть, – сказала я.

– А ваша прежняя госпожа, – продолжала она, – она, наверное, была модной дамой? Думаю, ей было бы смешно глядеть на меня!

При этих словах она покраснела пуще прежнего и снова отвела взгляд. И снова я подумала: «И впрямь дитя!» Но сказала лишь, что леди Алиса – так звали хозяйку, которую мне придумал Джентльмен, – была слишком добра, чтобы смеяться над кем бы то ни было, и, кроме того, прекрасно знала, что роскошная одежда ровно ничего не значит, поскольку судят не по ней, а по человеку, который ее носит. В общем и целом мне показалось, что я правильно сделала, что так ответила, потому что она посмотрела на меня каким-то новым взглядом, перестала краснеть и снова взяла меня за руку:

– Мне кажется, вы добрая девушка, Сьюзен.

– Леди Алиса тоже так говорила, мисс, – ответила я.

Тут я вспомнила про рекомендательное письмо, которое написал для меня Джентльмен, и решила, что сейчас самое время его показать. Я достала письмо из кармана и вручила ей. Она сломала печать и пошла к окну, где посветлее. Долго стояла, вчитываясь в витиеватый почерк, один раз искоса посмотрела на меня, и сердце мое часто забилось: а вдруг она заметила какую-нибудь несообразность? Но нет, все в порядке: рука ее, сжимавшая письмо, дрогнула – значит в рекомендательных письмах она разбирается не лучше меня и только обдумывает, что бы такое сказать подобающее.

И вдруг я устыдилась собственных мыслей: она же сирота.

– Хорошо, – сказала она, складывая бумажку в несколько раз и засовывая себе в карман. – Леди Алиса действительно весьма лестно о вас отзывается. Должно быть, вы жалеете, что пришлось оставить такой дом….

– Очень жалею, мисс, – поспешила я заверить. – Но, понимаете ли, леди Алиса теперь в Индии. И там слишком жаркое солнце, я бы сразу обгорела.

Улыбка тронула ее губы.

– Вы не любите солнца? К нам в «Терновник» оно почти не заглядывает. Дядя говорит, от яркого света печать выцветает.

Она широко улыбнулась, показав ряд очень маленьких и удивительно белых зубов. Я тоже улыбнулась из приличия, но рта не открывала – потому что зубы мои, теперь пожелтевшие, даже и в то время белизной не отличались, и я ей тогда позавидовала черной завистью.

Она спросила:

– Вы знаете, Сьюзен, что дядя у меня – ученый?

– Я слышала, мисс, – ответила я.

– Он собрал большую библиотеку. В своем роде самую большую библиотеку в Англии. Надеюсь, скоро вы сами ее увидите.

– Думаю, мисс, это будет потрясно.

Она снова улыбнулась:

– Вы, конечно, любите читать?

Я поперхнулась.

– Вы сказали «читать», мисс?

Она кивнула и стала ждать ответа.

– Очень даже, – выдавила я из себя наконец. – То есть я хочу сказать, очень даже любила бы, если бы была приучена иметь дело с бумагами. То есть я хочу сказать, – я кашлянула, – если бы мне показали как.

Она уставилась на меня во все глаза.

– Ну, то есть научили бы, – пояснила я.

Она все не сводила с меня изумленных глаз, а потом вдруг произнесла: «Ха!», будто не веря своим ушам.

– Вы шутите, – сказала она. – Неужели вы и правда не умеете читать? Совсем не умеете? Ни строчки, ни буковки? – И непонятно стало, то ли она смеется надо мной, то ли сердится. Рядом с ней на маленьком столике лежала книга. Все с той же странной кривой улыбкой она взяла со стола книгу и протянула мне.

– Ну же, – она почти умоляла, – мне кажется, вы стесняетесь. Прочтите вслух с любого места, не важно, если будете запинаться.

Я молча взяла у нее книгу. Меня прошиб холодный пот. Открыла книгу и глянула на страницу: сплошь черные буковки. Перелистнула. Еще того хуже. Почувствовала на себе испытующий взгляд Мод – лицо мое пылало, словно на меня светили жарким фонарем. Повисло молчание. «Ну, будь что будет», – подумала я.

– «Отче наш, – начала я, – иже еси на небесех…»

А что дальше говорить, забыла.

Тогда я закрыла книгу и, закусив губу, уставилась в пол. Подумала с досадой: «Ну вот, теперь все пропало. Ей не нужна горничная, которая не может почитать ей книгу или красивыми закорючками написать письмо!»

Потом посмотрела ей прямо в глаза и сказала:

– Но я могу научиться, мисс. Я способная. Я научусь, и очень быстро – в два счета…

Но она покачала головой, и видели бы вы в тот момент ее лицо!

– Учиться читать? – повторила за мной она, подходя ко мне ближе и бережно забирая у меня книгу. – О нет. Этого я не допущу. Только не читать! Ах, Сьюзен, если бы вы пожили тут с моим дядей, вы бы поняли, что это такое. Тогда бы вы поняли!..

Она улыбнулась. И пока она смотрела на меня, улыбаясь, раздался бой часов – я насчитала восемь ударов, – и улыбка исчезла.

– А сейчас, – сказала она, отворачиваясь, – мне надо идти к мистеру Лилли. Но когда пробьет час дня, я буду свободна.

Она произнесла это так, будто она – девушка из сказки. Знаете, есть такие сказки, где у бедной девушки дядя – колдун или там чудище какое, ну, вы понимаете.

– Зайдите за мной, Сьюзен, в дядину комнату, ровно в час.

– Зайду, мисс.

Она огляделась вокруг, скорее по привычке. Над камином было зеркало, она подошла к нему и прижала руки в перчатках к щекам, потом тронула воротник. Нагнулась ближе. Короткое платье ее приподнялось сзади, и я увидела ее икры.

Она перехватила в зеркале мой взгляд. Я сделала реверанс.

– Я могу идти, мисс? – спросила я.

Она отступила от зеркала на шаг.

– Останьтесь здесь, – сказала она и повела рукой, – и приберитесь пока в моих комнатах.

И направилась к выходу, но у самой двери остановилась.

– Надеюсь, вам здесь будет хорошо, Сьюзен. – И ее щеки, уже во второй раз, вспыхнули. Я же от этих слов побледнела. – Я надеюсь, ваша тетушка в Лондоне не будет очень по вас скучать. Ведь это, если не ошибаюсь, та тетушка, о которой говорил мистер Риверс? – Она опустила глаза. – Надеюсь, мистер Риверс был в добром здравии, когда вы его в последний раз видели?

Она задала свой вопрос как бы между прочим – встречала я мошенников, которые проделывали тот же фокус, подбрасывая один хороший шиллинг к куче фальшака, чтобы со стороны все монеты казались настоящими. Очень мы были ей нужны с моей старой тетушкой!

– Он был в добром здравии, мисс, – подтвердила я. – И шлет вам приветы.

Она уже вышла в коридор и стояла теперь вполоборота ко мне, наполовину скрытая массивной дверью.

– Правда? – спросила она.

– Так он сказал, мисс.

Она прижалась лбом к двери.

– У него доброе сердце, – тихо и мечтательно произнесла она.

Мне вспомнилось, как он сидел перед кухонным стулом, шарил рукой под ворохом кружев и шипел: «Ах ты, стервочка…»

– Да, мисс, очень доброе, – подтвердила я.

Потом откуда-то из глубин дома послышалось нетерпеливое треньканье колокольчика.

Она глянула через плечо:

– Дядя!

И, подхватившись, убежала, не прикрыв за собой дверь.

Слышно было, как шлепают по скрипучим ступенькам ее туфельки.

Подождав немного, я подошла к двери и закрыла ее, как следует лягнув ногой. Потом пошла погреть руки у камина. Казалось, я все никак не могу согреться с тех самых пор, как вышла из нашего дома на Лэнт-стрит, – а как давно это было… Подняв голову, я заметила на полке зеркало, в которое гляделась мисс Мод, выпрямилась во весь рост и посмотрела на свое отражение: лицо все в веснушках, и зубы тоже не блеск. Сама себе показала язык. Потом, потирая руки, усмехнулась: да, все так, как и обещал Джентльмен: она влюблена в него по уши, и можно считать, три тысячи фунтов почти что мои – я живо представила, как их отсчитывают, обертывают бумажкой и надписывают сверху мое имя, а врач из сумасшедшего дома уже стоит наготове со смирительной рубашкой…

Так я тогда подумала, глядя на ее поведение.

Но подумала как-то отстраненно, и смешок, надо признать, получился какой-то вымученный. Сама не знаю почему. Наверное, из-за тишины – ибо с ее уходом дом почему-то стал еще угрюмее и тише, чем прежде. Лишь изредка щелкнет уголек в камине да звякнет оконное стекло. Я подошла к окну. От него ужасно дуло! На подоконнике лежали красные мешочки с песком, чтобы ветер не задувал в щели, но это не помогало, к тому же они все промокли и покрылись плесенью. Я дотронулась до одного из них, и на пальце остался зеленый след. Меня передернуло. Я выглянула посмотреть, каков вид из окна – если вообще слово «вид» тут уместно, потому что подо мной были одни деревья да зеленая трава. По траве бродили черные птицы, клевали дождевых червей. «Интересно, в какой стороне Лондон?» – подумалось мне.

Вот бы сейчас услышать, как верещит младенец или кричит сестра мистера Иббза. Я бы пять фунтов выложила не глядя за сверток с покражей или за кучку фальшивых монет!

А потом я задумалась вот о чем. «Приберитесь пока в моих комнатах», – сказала Мод, а их тут всего одна – что-то вроде гостиной, а значит, где-то есть еще и спальня, с кроватью. Стены в доме обшиты черными панелями, не очень-то красиво, на мой взгляд, и к тому же сбивают с толку, потому что двери так ловко подогнаны, что сразу их и не найдешь. Но я посмотрела внимательнее и почти сразу же заметила в одной из стен зазор, а также дверную ручку. А потом и сама дверь обрисовалась на фоне стены – четко и ясно.

Как я и предполагала, эта дверь вела в спальню и, конечно же, в спальне была еще одна дверь – уже в мою собственную комнату, ту, в которой я провела сегодняшнюю ночь, прислушиваясь к дыханию госпожи. И как выяснилось, зря прислушивалась – это я поняла сразу, как только увидела, что же находится по эту сторону закрытой двери. Потому что это была обычная девичья горница – не очень большая, но все же просторная, и пахло в ней довольно приятно, там стояла высокая кровать под балдахином на четырех подпорках, с занавесями из потертой ткани. Если бы мне пришлось спать на такой кровати, я бы, наверное, всю ночь чихала, подумалось мне: я представила, сколько там, в этом балдахине, должно быть, набралось пыли, дохлых мух и пауков… Похоже, его не выколачивали лет сто. Кровать была застелена, но поверх лежала ночная сорочка – я сложила ее и сунула под подушку, а заметив на покрывале пару светлых волосинок, подобрала их и бросила в камин. А больше убирать было нечего. На каминной полке стояло большое старинное зеркало, все в черно-серебристых разводах. Рядом – низенький платяной шкаф, тоже старинной работы, щедро изукрашенный резными цветами и виноградными гроздьями, покрытый черным лаком, местами облупившимся. Наверное, его сколотили еще в те времена, когда дамы не носили ничего, кроме фигового листа, потому что теперь в нем еле помещались шесть-семь платьев из легкой ткани – полки аж трещали – и кринолин, так что дверца не закрывалась. При виде такого беспорядка я снова подумала: сразу видно, что мисс Мод растет без матери – та бы мигом распорядилась выбросить этакую рухлядь и подыскала бы для дочки что-нибудь более современное и элегантное.

В нашей жизни на Лэнт-стрит, помимо всего прочего, есть и еще одно преимущество: мы знаем, как правильно обращаться с хорошими вещами. Я вынула платья из шкафа – все они были немодные, короткие и какие-то не дамские, а девчачьи – и вытряхнула их, потом аккуратненько сложила и убрала обратно на полку. Потом, придавив ногой кринолин, сплющила его – и дверцы стали легко закрываться, как им и положено. Шкаф этот стоял в одном из альковов. В другом находился туалетный столик. Он был буквально завален щеточками, скляночками и шпильками-булавками (я их, конечно, тоже прибрала), а ниже были выдвижные ящички. Я стала их открывать. И что же я там увидела? Одни перчатки. Куча перчаток – у перчаточника и то, небось, столько нет. Белые перчатки – это в верхнем ящике, черные шелковые – в среднем и желтоватые кожаные – в нижнем.

Каждая перчатка была помечена внутри у запястья красивыми пунцовыми стежками, должно быть обозначавшими имя владелицы – Мод. У меня прямо руки зачесались: взять бы ножницы да булавку – и за дело…

Но, разумеется, ничего такого я не сделала, а оставила перчатки лежать где лежали и принялась ходить по комнате и трогать вещи – пока все не перещупала и не пересмотрела. Больше глядеть было не на что. Правда, оставалась неизученной одна загадочная вещица – маленькая деревянная шкатулка с инкрустацией из слоновой кости, она лежала на столике у хозяйской кровати.

Шкатулка была заперта, и, когда я взяла ее в руки, внутри у нее что-то тихо тренькнуло. Ключа под рукой не оказалось: я решила, что хозяйка, наверное, носит его с собой на веревочке. Замок-то был нехитрый, такому замку только покажи проволочку – и он сам откроется, это все равно что плеснуть морской водой на устрицу. Я воспользовалась шпилькой.

Шкатулка изнутри оказалась обита плюшем. Петли были серебряные, хорошо смазанные, так что открылась она беззвучно. Не знаю, что я надеялась там увидеть – может, письмо от Джентльмена или что другое… Но внутри, прицепленный к выцветшей ленточке, лежал миниатюрный портрет в золотой рамке, изображавший красивую белокурую даму с очень добрыми глазами. Одета она была так, как одевались лет двадцать назад, да и сам медальон был старый. Внешне дама была не очень-то похожа на Мод, но я готова была поспорить, что это и есть ее мать. Хотя, конечно, мне показалось странным, что Мод держит портрет под замком, а не носит, например, на шее.

Размышляя над этим, я так долго вертела медальон в руках, выискивая надпись, поворачивая и так и сяк, что металл – который поначалу, когда я только к нему прикоснулась, был холодным, как и все в этом доме, – постепенно нагрелся. И внезапно где-то в дальних комнатах послышалось оживление, и я подумала, что будет, если мисс Мод – или Маргарет, или миссис Стайлз – войдет в эту комнату и застукает меня над открытой шкатулкой, с портретом в руке. Я быстро убрала вещицу на место и захлопнула крышку.

Погнутую шпильку, которой я отпирала замок, я спрятала у себя в платье. А то мисс Мод обнаружит ее и еще, чего доброго, решит, что я воровка.

Больше мне в спальне делать было нечего, и я пошла в гостиную глядеть в окно. В одиннадцать часов вошла служанка с подносом.

– Мисс Мод здесь нет, – сказала я, увидев серебряный чайничек.

Но оказалось, чай принесли мне. Я пила маленькими глоточками, чтобы продлить удовольствие. Потом взяла поднос и понесла вниз, чтобы служанке лишний раз не подниматься. Но когда я с подносом в руках вошла в кухню, девицы аж рты пораскрывали от удивления, а кухарка сказала:

– Ну и ну! Если вам кажется, что Маргарет не слишком проворна, следует сообщить об этом миссис Стайлз. Но хочу заметить, мисс Фи ни разу никого не назвала бездельником.

Мисс Фи – это горничная-ирландка, которая слегла со скарлатиной. Какая досада: меня сравнили с ней и сочли зазнайкой, тогда как на самом деле я хотела оказать им любезность.

Но я в ответ промолчала. Я подумала: «Не хотите меня любить – ну и не надо, зато мисс Мод любит!»

Потому что, кроме нее, никто здесь не сказал мне ласкового слова, и мне вдруг захотелось вернуться на пару часов назад, когда она была рядом.

Надо отметить, что в «Терновнике» все всегда знали, который час. Вскоре пробило двенадцать, потом половину первого, и я направилась к черной лестнице. Некоторое время я стояла в нерешительности, не зная, куда идти дальше, но, по счастью, проходившая мимо служанка показала мне, где библиотека. Это была такая комната на втором этаже – вход с галереи, нависавшей над холлом и широкой парадной лестницей. Но и тут все было мрачное и ветхое, как и повсюду в доме: даже с трудом верилось, что здесь живет большой ученый… У двери в библиотеку, на деревянном щите, торчала голова какого-то зверя – глаз у чучела был всего один, да и тот стеклянный. Час еще не пробило, и я, чтобы скоротать время, боязливо потрогала его мелкие белые зубки. Из-за двери доносился голос Мод – тихий, но размеренный: наверное, она читала дяде вслух какую-нибудь книгу.

Когда часы пробили назначенный час, я постучалась. Высокий мужской голос за дверью прокричал: «Пусть войдет!»

Сначала я увидела Мод: она сидела за письменным столом, держа перед собой обеими руками раскрытую книгу. Перчатки были сняты и лежали, аккуратно сложенные, рядом с книгой. В ярком свете настольной лампы пальцы ее, прижимавшие желтые страницы, казались восковыми. Над головой ее я заметила окно. Стекло закрашено желтым. А вдоль стен тянулись ряды полок, и на каждой – книги, столько вы нигде не увидите, клянусь. Жуткое количество. Для одного человека это уж слишком – ну сколько он может прочесть? Я посмотрела на книги и внутренне содрогнулась. Мод закрыла книгу и встала из-за стола. Взяла белые перчатки и стала их натягивать.

Посмотрела направо, в дальний угол зала: мне, стоявшей рядом с приоткрытой дверью, не было видно, что там.

Кто-то спросил ворчливо:

– Ну что такое?

Я посильнее толкнула дверь и увидела еще одно цветное окно, снова ряды полок, снова книги и еще один большой письменный стол. Он был завален кипами бумаг, и на нем тоже стояла лампа с абажуром. За столом сидел мистер Лилли, тот самый дядя Мод, и я сейчас опишу его так, как я его тогда увидела, – и вы сами все поймете.

На нем была бархатная домашняя куртка, бархатная шапочка с огрызком красной нитки на том месте, где, вероятно, когда-то висела кисточка, в руке он держал перо, и если рука Мод казалась бледно-восковой, то эта была чуть ли не черной от туши – ну, как у обычных мужчин бывает от табака. Волосы его, напротив, были белыми. Подбородок гладко выбрит. Губы, сжатые в гузку, были тонкими и бесцветными, зато язык – длинный и острый, как мне удалось заметить, – был совсем черный, из-за того, должно быть, что, переворачивая листы, он часто облизывал пальцы.

У него слезились глаза, и он носил очки с зелеными стеклами.

Увидев меня, он сказал:

– Это еще кто такой, черт побери?

Мод все пыталась застегнуть пуговицу на перчатке.

– Это, дядюшка, моя новая горничная, – сказала она спокойно, – мисс Смит.

Мистер Лилли скосил на меня глаз.

– Мисс Смит, – произнес он, обращаясь не ко мне, а к своей племяннице. – А она, часом, не папистка, как прежняя?

– Не знаю, – отвечала Мод, – не спрашивала. Сьюзен, вы не папистка?

Я не знала, что это значит, но на всякий случай сказала:

– Нет, мисс, кажется, нет.

Мистер Лилли поднял руку и прикрыл ухо:

– Я не просил ее говорить. А она умеет молчать? Умеет вести себя тихо?

Мод улыбнулась:

– Умеет, дядюшка.

– Тогда почему она торчит здесь и мешает мне?

– Она за мной пришла.

– За вами? – удивился он. – А что, разве уже был звонок?

Он сунул руку в жилетный кармашек, достал старинные золотые часы с репетиром и, склонив голову и приоткрыв рот, стал слушать, как они ходят. Я посмотрела на Мод: та все еще возилась с пуговицей. Я шагнула к ней, думая помочь. Но старик, заметив мое движение, вдруг как подскочит да как заверещит, ну точно петрушка в балагане.

– Палец, девчонка! – завопил он, показывая черный язык. – Палец! Палец!

Он тыкал в меня указательным пальцем и потрясал пером, брызгая чернилами во все стороны (позже я заметила, что ковер под письменным столом почти черный, из чего следовало, что он махал пером довольно часто). Но в тот момент я была так ошарашена этими его воплями, что у меня душа ушла в пятки. «Наверное, он припадочный», – подумала я. Но не остановилась и сделала еще шаг вперед – он заорал громче, и наконец Мод подошла ко мне и взяла за рукав.

– Не бойтесь, – спокойно сказала она. – Он вот что имеет в виду. – И показала вниз.

И тут я увидела под ногами, между порогом и краем ковра, прибитую к полу медную дощечку в виде руки с указующим перстом.

– Дядя не хочет, чтобы прислуга смотрела на его книги, – пояснила Мод, – а то они испортятся. Дядя требует, чтобы никто из слуг, входящих в эту комнату, не заходил дальше этого знака.

И коснулась медной таблички носком туфельки. Лицо ее было бледно, как воск, а голос прозрачен, как вода.

– Она видела? – спросил дядя.

– Да, – ответила Мод и убрала ногу с таблички. – Видела и хорошо запомнит. В следующий раз будет знать – правда, Сью?

– Да, мисс, – ответила я, едва соображая, что и кому я должна отвечать и на кого смотреть, потому что это было для меня новостью: оказывается, книги могут испортиться оттого, что на них смотрят. Но я же в этом не разбиралась, откуда мне было знать? И, кроме того, старик был такой странный, он так меня напугал, что я теперь чему угодно готова была поверить.

– Да, мисс, – сказала я снова, а потом: – Да, сэр.

И сделала реверанс. Мистер Лилли фыркнул и покосился на меня из-за зеленых очков. Мод наконец застегнула перчатку, и мы повернулись, чтобы уйти.

– Велите ей вести себя тихо, Мод, – сказал он, когда она уже закрывала дверь.

– Хорошо, дядюшка, – скороговоркой ответила она.

В коридоре стало почему-то еще сумрачней, чем прежде. Она провела меня по галерее второго этажа, а потом повела на третий, где находились ее комнаты. Здесь нас уже поджидал завтрак, рядом на подносе стоял серебряный кофейник с горячим кофе, но, увидев, что ей прислала кухарка, Мод скривила губы.

– Яйца, – сказала она. – И опять всмятку. Что вы думаете о моем дядюшке, Сьюзен?

– Думаю, он очень умный человек, мисс.

– Да уж…

– И наверное, сочиняет большой толстый словарь?

Она задумалась на миг, потом кивнула:

– Ну да, словарь. Труд долгих лет жизни… Мы сейчас на букве Е.

И пристально посмотрела мне в глаза, словно желая увидеть, какое это произвело на меня впечатление.

– Подумать только! – сказала я.

Она отвела глаза, потом взяла ложечку и срезала верхушку с первого яйца. Потом, заглянув внутрь и увидев желто-белую жижу, снова скривилась и отодвинула яйцо.

– Съешьте это за меня, – велела она мне. – Все съешьте. А мне достаточно хлеба с маслом.

Всего там было три яйца. Уж не знаю, что она в них такого увидела, что ей так не понравилось. Она придвинула яйца ко мне и, пока я ела, сидела и смотрела на меня, отщипывая от булки и попивая кофе, как вдруг заметила маленькое пятнышко на перчатке:

– Это желток капнул, смотрите, прямо на палец. Какое мерзкое желтое пятно, и прямо на беленьком!

Она надула губы, видно, расстроилась, и так до конца завтрака и просидела грустная. Когда же пришла Маргарет забирать поднос, Мод встала и удалилась в спальню, а когда вернулась, перчатки на ней снова были безупречно белые: она взяла из ящика новую пару. Старые я потом нашла, когда подкладывала уголь в камин. Она засунула их за решетку, и от жара они съежились и стали совсем маленькие, хоть на куклу надевай.

Вообще, по-моему, она была, что называется, девушка со странностями. Но вовсе не психованная и уж тем более не тупица, что бы там ни говорил о ней Джентльмен. По крайней мере, я так считала. Мне она показалась одинокой, немного занудной и жутко тоскующей без компании – и ничего удивительного, в таком-то доме! Покончив с завтраком, мы подошли к окну. Небо было серым – к дождю, но ей тем не менее захотелось погулять.

– Ну, что мне надеть? – спросила она, и мы подошли к шкафчику и стали перебирать ее плащи, чепчики и ботинки. На это ушел, почитай, час. Думаю, она нарочно это затеяла – потянуть время. Когда я, зашнуровывая ей ботинок, запуталась в петельках, она нагнулась и положила руку сверху моей:

– Не спешите. Куда нам спешить? Нам ведь не к кому спешить, правда?

Она улыбнулась, но глаза ее при этом были печальными.

– Не к кому, мисс, – согласилась я.

В конце концов она надела светло-серый плащ, а поверх перчаток натянула митенки. С собой взяла небольшую кожаную сумочку, в которой умещались: носовой платок, бутылочка с водой и ножницы. Сумочку она вручила мне, не объяснив, для чего ей ножнички, и я подумала: наверно, чтобы срезать цветы. И повела вниз по парадной лестнице, а мистер Пей, услыхав, что мы идем, побежал вперед отпирать дверь.

– Добрый день, мисс Мод, – с низким поклоном приветствовал он ее, а потом добавил: – Добрый день, мисс Смит.

В холле было темно. Когда мы вышли наружу, лучи бледного солнца хлестнули по глазам, и мы замерли на пороге, щурясь и мигая.

Когда я в первый раз увидела дом, ночью да еще в тумане, он показался мне угрюмым и мрачным, но, может, вы думаете, при дневном свете он стал веселее? Вовсе нет, днем он выглядел еще хуже. Может, когда-то давным-давно это и был роскошный особняк, да только теперь печные трубы его заваливались, как пьяные, крыша позеленела от мха, птицы свили на ней гнезда. Весь дом опутывали засохшие плети дикого вьюнка, а там, где когда-то он полз и цеплялся за стену, расплывались бурые пятна. И под каждой стеной, как щетина, торчали сухие стебли скошенного плюща. Дверь парадного входа была большая, двустворчатая, но от

дождей дерево разбухло, так что открывалась лишь одна из двух половинок. Мод пришлось прижать рукой свой кринолин и бочком протискиваться, иначе бы ей вообще не выйти.

Чудно было смотреть, как она выбирается из застенка – точь-в-точь жемчужина, выскальзывающая из устричной раковины.

Но еще чуднее – видеть, как она туда забирается вновь: вот устричная створка раскрывается, впуская ее, а потом вновь захлопывается.

А в парке особо смотреть было не на что. Была там одна аллея, ведущая к дому. Под ногами поскрипывал гравий – он и вокруг дома был рассыпан. Еще там был участок, который почему-то называли «уголком лекарственных трав», где произрастала в основном крапива, и еще лесок с тропинками, заводящими в бурелом. У опушки стоял домишко без окон – Мод сказала, что это ледник.

– Давайте подойдем поближе и заглянем внутрь, – предлагала она, бывало, и надолго замирала перед дверью, глядя как зачарованная на исходящие паром куски льда, пока ее не начинала бить дрожь. Далее за ледником начиналась тропинка, которая вела к запертой красной часовне, стоявшей в окружении тисовых деревьев. Это было самое странное, самое тихое место на свете. Другого такого я не встречала. Здесь даже птицы не осмеливались петь. Мне не очень-то нравилось туда ходить, но Мод часто меня туда водила. Потому что рядом с часовней были могилы – там лежали все упокоившиеся ныне члены семьи Лилли, и здесь, отмеченная простой каменной плитой, была могила ее матери.

Она приходила туда и садилась – целый час могла просидеть, уставившись в одну точку. Ножницы ей, как оказалось, были нужны не для того, чтобы срезать цветы, а чтобы подравнивать траву вокруг плиты, а то место, где медными буквами было выложено имя ее матери, она дочиста протирала носовым платком.

Она терла и терла, до дрожи в руках, до испарины. Она не разрешала мне помогать. В самый первый день, когда я вызвалась помочь, она сказала:

– Это дочерний долг – следить за могилой матери. Прогуляйтесь пока и не смотрите за мной.

Ну что ж, я пошла бродить меж могил. Земля здесь была твердая, как железо, и звенела под ботинком. Я шагала и думала о собственной матери. У нее-то могилы нет, убийцам могил не положено. Их тела бросают в ров с негашеной известью.

Вы когда-нибудь сыпали солью на слизняка? Джон Врум так делал, и не раз, и давился от смеха, глядя, как слизняк пузырится. Как-то он сказал мне:

– Твоя мать так же пузырилась, и десять человек умерли от вони.

Больше он так не говорил. Потому что я взяла в кухне ножницы и приставила к его горлу. И сказала:

– Дурная кровь передается по наследству. Видишь?

У него стало такое лицо – вы бы видели!

Я подумала: какое лицо будет у Мод, если сказать ей, что за кровь течет в моих жилах?..

Но она не спросила. Только сидела, глядела на имя матери, высеченное в камне, а я тем временем топталась меж могил. В конце концов она вздохнула, огляделась по сторонам, провела рукой по глазам и надела капюшон.

– Какая здесь тоска! – сказала она. – Пойдемте-ка дальше.

И вывела меня из хоровода тисов – мы пошли назад, по дорожке, обсаженной кустарником, и, миновав опушку и домик-ледник, дошли до конца парка.

Далее, если пройти по тропинке вдоль стены, вы упирались в калитку. У Мод был ключ от нее. Выйдя за калитку, вы оказывались на берегу реки. Из дома реки не было видно. Здесь, у старой полусгнившей пристани, лежала вверх дном плоскодонка, на ней можно было посидеть. Речка была неширокая, вода мутная, течение едва заметно, зато рыба клевала превосходно. Весь берег покрывали камышовые заросли, высокие и густые.

У их кромки Мод замедлила шаг и боязливо поглядела туда, где мрачные кущи смыкались с водой. Наверное, опасалась змей. Потом вдруг вырвала из земли тростинку, сломала ее и села, прижимая к пухлым губам трубочку.

Я присела рядом с ней. День был безветренный, но холодный, и такая стояла тишина – ушам больно. Воздух был чист и прозрачен.

– Симпатичная речушка, – сказала я, просто так, из вежливости.

Мимо проплывала баржа. Мужчины, завидев нас, сняли шляпы. Я помахала им рукой.

– В Лондон идут, – заметила Мод, глядя им вслед.

– В Лондон?

Она кивнула.

Я тогда не знала – откуда мне знать? – что эта полоска воды и есть наша Темза. Я подумала, она имела в виду, что эта речушка потом впадает в другую реку. И все же при мысли о том, что когда-нибудь эта баржа окажется в городе – а может быть, даже проплывет под Лондонским мостом, – я не удержалась от вздоха. И долго провожала ее взглядом, пока она не скрылась за излучиной реки и не пропала из виду. Тарахтенье затихло, дым поднялся в серое небо и растаял. Воздух снова стал прозрачен. Мод сидела, все так же прижимая к губам тростинку, и взгляд ее был задумчив. Я набрала камушков и стала бросать их в воду. Она смотрела, как я это делаю, жмурясь при каждом всплеске. Потом повела меня назад к дому.

Мы с ней вернулись в гостиную. Она достала рукоделие – какую-то бесцветную, бесформенную тряпицу, уж не знаю, может, должна была выйти скатерка или еще что… Другого шитья в ее руках я никогда не видела. Она работала в перчатках и очень неумело, швы получались кривые, так что половину приходилось распарывать. Мука мученическая смотреть на такое. Мы уселись рядком у камина, где мирно потрескивал огонь, и время от времени перебрасывались словами – о чем говорили, не вспомню, – пока не стемнело. Служанка принесла свечи. Поднялся ветер, стекла в окне мерзко задребезжали. Я про себя помолилась: «Господи, сделай так, чтобы Джентльмен поскорее приехал! Еще неделю такой жизни – и я с тоски подохну». И зевнула во весь рот. Мод посмотрела на меня и тоже зевнула, а я – за ней. В конце концов она отложила рукоделие, подобрала ноги и, склонившись на ручку кресла, казалось, задремала.

Других дел у меня не было, и я так и просидела при ней, пока часы не пробили семь вечера. Услышав звон, она зевнула, протерла глаза и поднялась. В семь часов ей положено было переодеваться в другое платье – и перчатки тоже менять на шелковые, – чтобы поужинать вместе с дядей.

Два часа она находилась при нем. Что там происходило, я не видела, потому что меня туда не звали, я ела в кухне, со слугами. Они поведали мне, что после еды мистер Лилли любит сидеть в гостиной и слушать, как племянница читает ему вслух. Такое вот было у него развлечение, потому что гостей он, как мне сказали, редко принимает, а если и принимает, то таких же, как он, книгочеев из Оксфорда или из Лондона, и тогда он опять же развлекает гостей тем, что просит Мод почитать им вслух. Вот и все радости.

– И что же она, бедняжка, только и делает, что читает? – спросила я.

– Дядя ничего другого не разрешает, – ответила мне одна из горничных. – Так он о ней печется. Ни на шаг от себя не отпускает – боится, как бы с ней чего не случилось. Это ведь он придумал, чтобы она все время ходила в перчатках.

– Хватит! – прикрикнула миссис Стайлз. – А то мисс Мод услышит!..

И горничная больше ни слова не произнесла. А я сидела и представляла себе мистера Лилли, в алой шапочке и зеленых очках, – вот он достает золотые часы, вот тычет в меня чернильным пальцем и кажет черный язык, – потом стала думать про Мод, как она страдаль-

чески смотрит на вареное яйцо, как полирует материнское надгробие. Да, ничего себе, холит и лелеет девушку…

Мне казалось, я знаю о ней все. И разумеется, я ровно ничего о ней не знала. Я поела, прислушиваясь к разговору слуг, сама же говорила мало, а когда миссис Стайлз спросила, не желаю ли я угоститься пудингом – она приглашает к себе также и мистера Пея, – я подумала, что надо соглашаться. И вот я сижу в ее каморке и гляжу на портрет, выложенный из волос. Мистер Пей читает нам заметки из местной газеты, и после каждой истории – то у них бык повалил забор, то священник прочел интересную проповедь, – после каждой такой истории миссис Стайлз качает головой, приговаривая: «Ну надо же!» – а мистер Пей на это отвечает: «Вот видите, миссис Стайлз, мы по новостям от лондонских не отстаем, да-да!»

Издалека доносятся приглушенные взрывы смеха – это в кухне веселятся кухарка, судомойки, Уильям Инкер и мальчик Чарльз.

Потом начали бить большие часы и сразу же затрезвонил колокольчик: это означало, что мистер Лилли зовет мистера Пея, чтобы тот отвел его спать, а мисс Мод зовет меня – чтобы я ее уложила.

Я снова чуть не заблудилась на черной лестнице, но, несмотря на это, Мод встретила меня ласково:

– Это вы, Сьюзен? Вы куда расторопнее, чем Агнес! – И улыбнулась. – И красивее. Мне кажется, рыжих красавиц не бывает. А как по-вашему? То же самое с блондинками. Мне так хочется, чтобы у меня были черные волосы, Сьюзен!

За ужином она выпила вина, а я – пива. Думаю, обеим слегка ударило в голову. Она поставила меня перед большим серебристым зеркалом, что висело над камином, и притянула мою голову к себе, чтобы сравнить цвет волос.

– У вас темнее, – сказала она.

Потом мы отошли от камина – мне предстояло переодеть ее в ночную сорочку.

Это, доложу вам, вовсе не то же самое, что раздевать кухонный стул. Она стояла, дрожала мелкой дрожью и покрикивала:

– Быстрее! Я замерзну! Боже мой, скорее!

Потому что в спальне гуляли сквозняки, как и во всем доме, и, когда я дотрагивалась до нее холодными пальцами, она дергалась. Однако вскоре пальцы мои согрелись. Раздевать даму – нелегкая работа. Корсет был высокий, со стальной прокладкой, талия у нее, как я уже говорила ранее, была тонкая: именно о таких девичьих талиях врачи говорят: «Свидетельствует о чрезмерной болезненности…» Кринолин был сделан из пружин. В волосах, под сеткой, обнаружилось полдюжины шпилек да вдобавок серебряный гребень. Нижние юбки и сорочка были миткалевые. Однако дальше, под всей этой одежкой, она оказалась гладкой и мягкой, как масло. Даже, по-моему, чересчур мягкой. Я представила, какие на такой коже могут быть синяки. Она была как омар без панциря. Пока я ходила за ночной сорочкой, она стояла не шевелясь, в одних чулках, руки над головой, глаза закрыты. В какой-то миг я обернулась и посмотрела на нее. Она меня совсем не стеснялась. Я увидела грудь, живот, пушок и все остальное – пушок был коричневый, как у утки, – если не считать этого пушка, вся она была белая, как статуя в парке. Казалось, вот-вот засияет.

Но опять же это была не обычная бледность, она настораживала, и я вздохнула с облегчением, когда удалось наконец прикрыть ее наготу. Убрала платье в шкаф и плотно прижала створку. А она сидела и ждала, позевывая, когда я начну расчесывать ей волосы.

Волосы у нее были роскошные и очень длинные. Я расчесывала их, перебирала и мысленно прикидывала, сколько такие могут стоить.

– О чем вы думаете? – спросила она, глядя на меня в зеркало. – О своей прежней госпоже? Какие у нее были волосы, красивее моих?

– Да нет, жидкие были, – отвечала я. А потом мне стало жаль бедную леди Алису, и я добавила: – Зато она красиво ходила.

– А я красиво хожу?

– Да, мисс.

И это была правда. Ножка у нее была маленькая, лодыжки тонкие – как и талия. Она улыбнулась, как прежде, когда сравнивала цвет волос, и теперь решила сравнить наши ноги – и велела мне поставить ногу рядом.

– У вас почти такая же маленькая, – сказала она великодушно.

Потом улеглась в постель. Сказала, что не любит лежать в темноте. Рядом с подушкой у нее стояла тусклая лампадка с жестяным абажуром, как у старого сквалыги, по ее просьбе я зажгла ее от своей свечи, занавеси вокруг кровати она связывать не разрешила – велела лишь чуть-чуть задернуть их, чтобы ей было видно комнату.

– Вы ведь не станете закрывать дверь, не станете? – сказала она. – Агнес никогда не закрывала. Когда вас не было, Маргарет сидела тут на стуле, и мне это не понравилось. Я все боялась, что засну и во сне начну ее звать. Маргарет, когда дотрагивается, то щиплется. У вас, Сьюзен, тоже сильные руки, как у нее, только они у вас нежные.

Говоря так, она протянула руку и положила ее на мою – и я вздрогнула, почувствовав лайку на своей коже: оказалось, она успела сменить шелковые перчатки на белые. Потом она убрала руки под одеяло, я пригладила его сверху и спросила:

– Теперь все, мисс?

– Да, Сьюзен, – ответила она.

И повернула голову: ей не понравилось, что волосы попали под шею и щекочут ее: она откинула их назад, и длинные, как веревки, пряди зазмеились по подушке.

Когда я уносила свечу, ее словно волной накрыла темнота. Тусклый ночник хоть и горел, но толку от него было мало.

Дверь в свою комнату я оставила приоткрытой, и она подняла голову.

– Чуть пошире, – тихо попросила она, и я еще чуть-чуть приоткрыла дверь.

Потом провела ладонями по лицу. Итак, я в «Терновнике» всего лишь день, но каким же он оказался долгим! Руки мои ныли от тугих шнурков. Даже закрыв глаза, я видела крючки и петли. И сама разделась почти машинально – так намаялась с ее одежками.

В конце концов я села и задула свечу – и тут же услышала, как она шевельнулась. В доме стояла мертвая тишина: слышно было, как она приподнимает голову над подушкой, как ворочается в постели. Потом достает ключ, вставляет его в маленькую деревянную шкатулку. Когда щелкнул замочек, я встала. Я подумала: «Ну ладно, ты не умеешь вести себя тихо, но я-то умею. Я могу быть невидимкой, хотя ни ты, ни твой дядя об этом не подозревают». И, подкравшись к двери, заглянула в соседнюю комнату. Она сидела на кровати, держа на ладони портрет прекрасной дамы – своей матери. Мне было видно, как она подносит портрет к губам, целует и что-то тихо и печально бормочет, обращаясь к умершей. Потом со вздохом кладет медальон на место. Ключ от шкатулки она хранила в книге, что лежала на столике рядом с кроватью. Там-то я как раз и не догадалась поискать. Она закрыла шкатулку и бережно поставила ее на стол, провела по ней рукой, потом еще раз – потом юркнула за занавеси и затихла.

Я слишком умаялась за день, чтобы и дальше следить за ней. И пошла спать. В комнате моей темно – хоть глаз выколи. Я нашарила одеяло и простыню, кое-как натянула их на себя. И свернулась калачиком, холодная как лягушка, на узком ложе, на каком и положено спать всякой горничной.

…Не знаю, долго ли я спала. Не знаю, что за звук разбудил меня, только был он ужасен. Минуты две я сидела, тараща глаза, и все не могла понять, проснулась я или нет, до того было

темно, и, только посмотрев на дверь в спальню Мод, я заметила там слабый свет, из чего заключила, что это не сон и что все это наяву. Мне казалось, что разбудил меня грохот или глухой стук, а потом крик. Но сейчас было тихо. Я вытянула шею, прислушалась – сердце у меня тревожно забилось, – и вдруг крик повторился. Это кричала Мод – тонким, испуганным голосом. Звала свою прежнюю горничную:

– Агнес! О Агнес!

Что я ожидала увидеть, когда вошла к ней, не знаю, – может, разбитое окно и грабителя, который схватил ее и норовит отрезать ей волосы. Но окно, хоть и дребезжало по-прежнему, было целехонько, и рядом с ней никого не было, а она, натянув на себя все покрывала, просунулась меж занавесками кровати, спутанные волосы упали на лицо. Какое бледное и страшное стало у нее лицо! Округлившиеся глаза казались черными, как косточки у груши.

Она снова крикнула:

– Агнес!

– Это Сью, мисс, – ответила я.

Она сказала:

– Агнес, вы слышали, там что-то грохнуло? Дверь заперта?

– Дверь? – Я посмотрела: дверь была заперта. – Здесь кто-то есть?

– Мужчина? – сказала она.

– Мужчина? Грабитель?

– У двери? Не ходите туда, Агнес! Я боюсь, он вас схватит!

Она боится. Похоже, страх ее передался и мне.

– По-моему, никакого мужчины здесь нет, мисс, – сказала я бодрым голосом. – Дайте-ка я свечку зажгу.

Вам приходилось когда-нибудь зажигать свечу от ночника под жестяным абажуром? У меня никак не получалось уловить фитилек, а она все звала и звала свою Агнес. У меня так дрожали руки, что даже свечку ровно держать не могла.

Я сказала:

– Не надо кричать, мисс. Нет здесь никого. А если и есть, я позову мистера Пея – он придет и поймает его. – И взяла в руки ночник.

– Оставьте свет! – тотчас закричала она. – Умоляю, оставьте свет!

Я сказала, что только посвечу у двери – пусть сама убедится, что там никого нет, и, пока она рыдала и цеплялась за покрывала, я с дрожащим фитильком в руке подошла к двери, ведущей из спальни в гостиную, и – будто во сне – рывком отворила ее.

За дверью было темно. Гостиной не узнать: во всех углах громоздились какие-то смутные черные груды – как корзины с разбойниками в арабской пьесе «Али-Баба». Неужели я приехала из Боро в «Терновник» только затем, чтобы в конце концов меня зарезал какой-то вор?! А если вор попадется знакомый – ну, скажем, один из племянников мистера Иббза? Бывают же совпадения.

Так я стояла в темной комнате, настороженно озиралась, готовая в любую минуту, как только увижу вора, закричать: мол, не троньте меня, я своя! – но, конечно же, никого там не оказалось, в гостиной было тихо, как в Божьем храме. Убедившись в этом, я быстро подошла к двери в коридор и высунулась за дверь: в коридоре тоже тишина, слышно было лишь, как где-то в отдалении тикают часы да подрагивают оконные стекла. Но, доложу я вам, не очень-то приятно вот так стоять, в одной ночной рубашке, с чадящим фитилем в руке, посреди огромного спящего дома, где хотя и нет воров, но привидения наверняка водятся. Я захлопнула дверь, прошла через гостиную в спальню Мод, закрыла и эту дверь и, подойдя к кровати, поставила ночник у изголовья.

– Вы видели его? – спросила она. – Агнес, скажите честно, он там?

Я хотела было ответить, но осеклась. Потому что краем глаза заметила в углу, где стоял черный шкаф, нечто – длинное, белое, оно слабо мерцало и колыхалось на фоне черной дверцы… Ну, я ведь говорила вам, что у меня богатое воображение? Так вот, мне почудилось, что это мать Мод встала из могилы и явилась сюда – попугать меня. Сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди, я завизжала, и Мод завизжала тоже и схватилась за меня.

– Не смотрите на меня! – кричала она. А потом: – Не уходите! Не оставляйте меня одну!

А потом я разглядела, что это за белое пятно, и чуть не запрыгала от радости.

Потому что это был всего-навсего кринолин: я прижала его хозяйской туфлей, чтобы закрыть шкаф, но пружина ночью расправилась, вышибла дверцу, та ударила о стену – этот грохот и разбудил Мод. Теперь кринолин висел в шкафу на крючке и чуть заметно колыхался. От звука моих шагов пружины зазвенели.

В общем, когда я все это увидела, то чуть не расхохоталась, но, поглядев на Мод, которая все сидела, глядя дикими глазами, белая как мел, и судорожно цеплялась за меня, я подумала, что жестоко с моей стороны смеяться, когда человеку так плохо. Я зажала рот ладонями, постаралась успокоить дыхание и тут почувствовала, что зубы у меня выбивают дробь. Мне почему-то стало жутко холодно.

Я сказала:

– Ничего страшного, мисс. Там ничего нет. Вам привиделось.

– Привиделось, Агнес?

Она положила голову мне на грудь и затряслась. Я отвела прядь волос от ее лица и прижимала ее к себе, пока она не затихла.

– Ну вот, – сказала я. – Теперь вы сможете заснуть? Дайте-ка я подоткну вам одеяло вот так.

Я попыталась ее уложить, но она только сильнее вцепилась в меня.

– Не уходите, Агнес! – сказала она вновь.

– Меня зовут Сью, мисс, – поправила я. – У Агнес скарлатина, и ее отправили в Корк. Вспомните! А теперь вам надо лечь, иначе вы простудитесь и тоже заболеете.

Тогда она посмотрела на меня, и глаза ее, по-прежнему черные, казалось, чуть потеплели.

– Не уходите, Сью! – прошептала она. – Мне страшно.

Она дышала как младенец, и руки у нее были теплые. Лицо гладкое, как слоновая кость или алебастр. Еще пара-тройка недель – и, если наш план удастся, она будет лежать на другой кровати, в сумасшедшем доме. Кто ее тогда пожалеет?

И я отстранилась от нее, но только на миг, а потом перелезла через нее и легла рядом под одеяло. Обняла ее одной рукой, и она прижалась ко мне. Что мне оставалось делать? Я сильнее прижала ее к себе. Она была такая нежная. Не как миссис Саксби. Совсем не как миссис Саксби. Скорее как ребенок. Она все еще дрожала, а когда ее ресницы коснулись моего лица, мне стало щекотно, как будто перышком провели. Потом дрожь прекратилась, и она заснула.

– Хорошая девочка, – сказала я очень тихо, чтобы не разбудить ее.

На следующее утро я проснулась за минуту до нее. Она открыла глаза, увидела меня, смутилась, но попыталась это скрыть.

– Я просыпалась ночью? – спросила она, не глядя мне в глаза. – Я говорила глупости? Говорят, я во сне иногда несу всякую чушь – другие храпят, а я вот… – Она покраснела и улыбнулась. – Но как хорошо, что вы пришли и посидели со мной!

Я не стала рассказывать ей про кринолин. В восемь часов она отправилась к дядюшке, а в час я пошла забирать ее – на этот раз помня об указующем персте. Потом мы погуляли по парку, побывали у могил и у реки, потом она занималась рукоделием, потом дремала, потом

ее позвали ужинать, а я просидела у миссис Стайлз до половины десятого, когда пришла пора возвращаться и укладывать ее в постель. И снова было все как в первый вечер.

Она сказала:

– Доброй ночи! – и положила голову на подушку, а я в своей комнате стояла и прислушивалась, когда же щелкнет, открываясь, шкатулка, а потом, подкравшись к двери, смотрела, как она достает портрет, целует его и кладет обратно.

Но не прошло и двух минут после того, как я задула свечу, и из-за двери послышалось:

– Сью!

Она сказала, что не может заснуть. Что ей холодно. Попросила обнять, как вчера, и крепко держать, а то она снова чего-нибудь испугается во сне и проснется.

То же она говорила и на третий день, и на четвертый – и так каждую ночь.

– Вы не против? – спрашивала она.

Агнес никогда не была против, уверяла она меня.

– А вы разве никогда не спали вместе с леди Алисой, когда жили в Мейфэре?

Что я ей на это могла ответить? «Наверное, – думала я, – это естественно, чтобы хозяйка и служанка спали в одной постели, как простые девчонки».

С Мод это и впрямь получалось естественно. Больше она не кричала во сне. Мы спали рядом, как сестры. Да, совсем как сестры. Мне всегда хотелось, чтобы у меня была сестра.

И тут появился Джентльмен.

Глава четвертая

Он прибыл, наверное, недели через две после меня. Подумать только, всего две недели! – а время в «Терновнике» текло неторопливо, дни, похожие друг на друга как две капли воды, были такие размеренные и долгие, что один день там вполне мог считаться за два.

Однако я не скоро изучила особенности и привычки обитателей дома: понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к обществу других слуг, а им – привыкнуть ко мне. Поначалу я никак не могла взять в толк, почему я им не нравлюсь. Я обычно спускалась в кухню и здоровалась со всеми, кто там был. Например: «Добрый день, Маргарет. Привет, Чарльз!» (Это мальчик-слуга.) «Как поживаете, миссис Кекс?» (Это наша кухарка, я не шучу, ее на самом деле так звали, и никто и не думал над этим смеяться.) И Чарльз, бывало, глянет на меня испуганно, а миссис Кекс пробурчит в ответ: «Очень хорошо поживаю, благодарю вас».

Мне казалось, они смотрят на меня как на столичную штучку, словно своим присутствием я давала им понять, что есть такой город Лондон, где им никогда не побывать и ничего там не увидеть, потому что сидят они в этом богом забытом медвежьем углу безвылазно.

И вот в один прекрасный день миссис Стайлз отвела меня в сторонку и сказала:

– Надеюсь, вы не будете в обиде, мисс Смит, если я дам вам один совет? Не знаю, как было заведено у ваших прежних господ, но только здесь… – Любой разговор она начинала такими словами, я к этому уже привыкла. – Не знаю, как там было заведено у вас в Лондоне, но только здесь, в «Терновнике», мы блюдем различия…

Оказалось, миссис Кекс сочла себя оскорбленной до глубины души из-за того, что я здороваюсь со служанкой, состоящей при кухне, и с мальчишкой раньше, чем с ней. А Чарльз решил, что я насмехаюсь над ним, когда желаю доброго утра. Все это, конечно, чушь и выеденного яйца не стоит, но для них это было жизненно важно, а что вы хотите, если в будущем у вас никакого просвета – знай себе бегай с подносами да меси тесто. В общем, мне стало ясно: если я впредь хочу рассчитывать на их расположение, надо держать ухо востро. Я отнесла мальчишке плитку шоколада, которую захватила с собой еще из Боро, да так и не съела, Маргарет подарила кусок душистого мыла, а миссис Кекс преподнесла пару модных черных чулок, что раздобыл мне по просьбе Джентльмена Фил.

Я сказала, что, надеюсь, они не в обиде на меня. И если в последующие дни я сталкивалась с Чарльзом на лестнице, то демонстративно отворачивалась. С тех пор они ко мне стали относиться теплее.

Вот таковы слуги. Слуга говорит: «Все для господина», а сам думает: «Все для меня». Подобного лицемерия я на дух не выношу. В «Терновнике» слуги всяк по-своему плутовали, но ради таких мелочей, что нормальный вор устыдился бы, – например, надо было ухитриться снять жир из подливки мистера Лилли, чтобы потом продать по-тихому, через посыльного, в мясную лавку (так делала миссис Кекс). Или оторвать жемчужные пуговицы от сорочки Мод, спрятать, а хозяйке сказать, мол, сами оторвались и потерялись (так делала Маргарет). Распознать их уловки для меня не составило труда – уже через три дня я обо всех все знала, и тут я проявила себя как истинная дочь миссис Саксби. Взять, к примеру, мистера Пея: у него на носу была красная шишка – у нас в Боро это называется «пивной бутончик». И как бы вы думали, отчего она выросла, при таком-то распорядке? У него на цепочке висел ключ от погреба мистера Лилли. Так вот, этот ключ был отполирован до зеркального блеска! А когда после ужина у миссис Стайлз он нагружал поднос, чтобы нести на кухню, я своими глазами видела – а он-то полагал, что никто его в этот момент не замечает, – как он сливает остатки пива из разных стаканов в одну большую чашку и быстренько выпивает.

Я все это видела, но, конечно же, никому ничего не сказала. Я ведь приехала не для того, чтобы устраивать скандалы. Пусть хоть совсем сопьется – мне-то какое дело. К тому же большую часть времени я проводила с Мод. Я даже к ней по-своему привязалась. И хотя она была девушка капризная, но не чрезмерно, мне нетрудно было ей угодить. Мне всегда удавалась тонкая работа, и я даже стала находить удовольствие в том, чтобы следить за ее гардеробом, чистить булавки, гребенки и шкатулки. Дома я привыкла одевать детишек. И точно так же привыкла одевать хозяйку.

– Поднимите-ка руки, мисс, – бывало, говорила я. – А теперь ножку. Сюда наступите… А теперь вот сюда.

– Спасибо, Сью, – отвечала она умильно и порой закрывала глаза. – Как хорошо вы меня знаете, – говорила она. – Кажется, вам знакомы все складки моего тела.

Да, со временем мне все это стало знакомо. Я знала, что она любит, а чего терпеть не может. Знала, что она будет есть, а от чего откажется, и когда кухарка, например, в очередной раз прислала вареные яйца, я сходила к ней и велела приготовить суп.

– Бульон, – сказала я. – Как можно прозрачней. Договорились?

Кухарка скривилась.

– Миссис Стайлз это не понравится, – сказала она.

– Миссис Стайлз может его не есть, – отвечала я. – И миссис Стайлз не горничная мисс Мод. Я горничная.

И она действительно прислала нам бульон. Мод съела все подчистую.

– Чему вы улыбаетесь? – спросила она, когда тарелка опустела.

Я ответила, что вовсе не улыбаюсь. Она отложила ложку и, как всегда, озабоченно стала осматривать перчатки. Они опять забрызгались.

– Это всего лишь вода, – сказала я, увидев, что она расстроена. – Ничего страшного.

Она закусила губу. Посидела минуту, сложив руки на коленях, поглядывая на пальцы, и, казалось, с каждой минутой беспокойство ее росло. Наконец произнесла:

– Мне кажется, в воде был жир…

Легче было сходить в ее спальню и принести пару новых перчаток, чем сидеть и смотреть, как она убивается.

– Позвольте мне. – И я расстегнула пуговку на ее запястье.

Поначалу она не позволяла мне касаться ее обнаженных рук, со временем – после того как я пообещала, что буду осторожной, – разрешила. Когда у нее отрастали ногти, я стригла их специальными серебряными ножничками, сделанными в виде летящей птицы. Ногти у нее были мягкие, чистые и очень быстро отрастали, как у маленьких детей. Когда я щелкала ножницами, она вздрагивала. Кожа у нее на руках была гладкая, но, как и все остальное тело, слишком уж гладкая, так что невольно думалось, как бы ненароком не поцарапать, не ушибить. Я с облегчением вздыхала, когда она снова натягивала перчатки. Обрезки ногтей я собирала с подола и бросала в камин. Она стояла и смотрела, как они сгорают. То же происходило с волосами, когда я обирала их со щеток и гребешков, – она мрачно следила, как они, словно черви, извиваются на углях, потом вспыхивают и превращаются в золу. Иногда я становилась рядом с ней, и мы вместе смотрели.

Потому что в «Терновнике», в отличие от дома на Лэнт-стрит, посмотреть особо было не на что. Вот и приходилось наблюдать, как, например, поднимается дым из трубы или как плывут по небу облака. Каждый день мы ходили к реке – узнать, прибыла ли вода или ушла.

– Осенью река разливается, – сказала мне Мод, – и все камыши уходят под воду. Но это ничего. А еще по ночам над водой бывает белый туман, прямо к стенам дядюшкиного дома подбирается…

И зябко поежилась. Она всегда говорила «дядюшкин дом» и ни разу не сказала «мой». Земля покрылась коркой инея и похрустывала при каждом шаге, и Мод ни с того ни с сего сказала однажды:

– Подумать только, какие хрупкие эти травинки! Река скоро станет. Наверное, уже сейчас замерзает. Слышите, как она мучается? Ей хочется бежать дальше, но мороз не пускает, сковывает льдом. Видите, Сью? Там, за камышами?

И, нахмурив брови, стала вглядываться в даль. Я следила за выражением ее лица. И точно так же, как в случае с супом, сказала:

– Это всего лишь вода, мисс.

– Всего лишь вода?

– Бурая вода.

Она зажмурилась.

– Вы замерзнете, – сказала я. – Пойдемте домой. Мы уже долго гуляем.

И взяла ее под руку. Это вышло у меня машинально. Рука ее была как деревянная. Но на следующий день – или, может, еще через день – она уже сама взяла меня под руку, и рука была вполне живая. А потом уже мы стали запросто ходить под ручку… Или мне так показалось, не знаю… И лишь много позже я задалась этим вопросом и попыталась вспомнить, как все произошло. Но точно могу сказать лишь одно: что было время, когда мы ходили порознь, а потом настало время, когда ходили парой.

В конце концов, она была всего лишь девчонка, хоть и называлась «леди». Всего лишь девчонка, которая была лишена простых радостей жизни. Как-то, перебирая вещи в одном из ящиков стола, я обнаружила колоду карт. Она сказала, что, должно быть, это карты ее мамы. Она различала масти, но не более того – валетов, например, она называла кавалерами! – и я показала ей, как играть в самые простые игры, мы в Боро частенько в них играли: в «козла» и в «пьяницу». Сперва мы играли на спички и на щепочки, а когда в другом ящике обнаружили коробочку с фишками из перламутра в виде рыбок, ромбиков и полумесяцев, то стали играть на них. Перламутр был гладкий и прохладный на ощупь – то есть я хочу сказать, пощупать-то могла одна я, потому что Мод, конечно же, играла в перчатках. А когда она выкладывала карту, то клала ее на нижнюю ровненько, уголок к уголку. Глядя на нее, я и сама стала так делать.

За картами мы болтали. Ей нравились мои рассказы про Лондон.

– Он и правда такой большой? – удивлялась она. – И там есть театры? И эти… как их… модные дома?

– И рестораны. И всевозможные магазины. И парки, мисс.

– Парки, как у моего дядюшки?

– Ну вроде того, – отвечала я. – Только, разумеется, там полно людей. Вы как, ходите или пропускаете?

– Хожу. – И она выкладывала карту. – Так вы говорите, там полно людей?

– У меня больше. Вот. Так что у меня три рыбки – против ваших двух.

– Как вы хорошо играете!.. Так вы говорите, там полно народу?

– Конечно. Только там темно. Снимете?

– Темно? Правда? А мне говорили, Лондон весь в огнях. Там висят такие большие лампы – газовые, кажется?

– Да, газовые, и горят как бриллианты! – говорила я. – В театрах и больших залах. Там танцы, мисс, – танцуют ночи напролет…

– Танцуют, Сью?

– Танцуют, мисс. – Выражение ее лица изменилось. Я отложила колоду. – Вы, конечно, любите танцевать?

– Я… – Она покраснела и потупилась. – Меня этому не учили. А как вы думаете, – сказала она, заглядывая мне в глаза, – могу я, живя в Лондоне… то есть я хочу сказать, если бы я вдруг там оказалась… как вам кажется, я могу быть лондонской дамой и при этом не танцевать?

– Наверно… Но вы можете научиться! Найдете учителя танцев, и…

– Правда? – Она просияла, но потом покачала головой: – Ну, не знаю…

Я догадалась, о чем она думает. Она подумала о Джентльмене, о том, что он скажет, если узнает, что она не умеет танцевать. И обо всех тех девушках, которых он может встретить в Лондоне и которые, в отличие от нее, прекрасно танцуют.

По всему было видно, что она переживает. Выждав минуту-другую, я сжалилась.

– Следите за мной, – сказала я и встала. – Это очень просто, смотрите…

И показала ей пару движений из разных танцев. Потом заставила ее подняться и повторить их вместе со мной. Я держала ее за руки, а она стояла как истукан и испуганно смотрела под ноги. Туфельки ее вязли в турецком ковре. Я отвернула край ковра, и дело пошло на лад, она стала двигаться увереннее. Я показала ей жигу, а потом польку.

Я сказала:

– Ну вот, а теперь – полетели.

Она вцепилась в мое платье – я уж думала, порвется.

– Вот так, – поправляла я. – А теперь так. Я джентльмен, запомните. Конечно, с настоящим мужчиной было бы лучше…

Она снова споткнулась, и мы разлетелись в разные стороны и плюхнулись на разные стулья. Она схватилась за бок. Запыхалась, и щеки у нее разрумянились пуще прежнего. Лицо лоснилось от пота. Юбка топорщилась, как у голландской девушки, каких изображают на тарелках.

Она перехватила мой взгляд и улыбнулась, но испуг в ее глазах все еще не прошел.

– Я *буду* танцевать! – сказала она. – В Лондоне. Правда, Сью?

– Правда, мисс, – поддакнула я. И в ту минуту я действительно в это верила.

Я протянула ей руку, и мы сделали еще один круг. И лишь потом, когда мы остановились и ей стало холодно, когда она встала перед камином согреть замерзшие руки, – только тогда до меня дошло, что, конечно же, никогда ей не танцевать в Лондоне.

Потому что – хоть я и знала, какая участь ее ждет, знала почти наверняка и даже сама расставляла ей сети, – я смотрела на нее скорее как на героиню какой-нибудь сказки или пьесы. Мир, в котором она жила, был таким необычным, таким застывшим и замкнутым, что настоящий мир – мир нормальных людей, где ведется двойная игра, где я сижу над фаршированной свиной головой со стаканом флипа, а миссис Саксби и Джон Врум хохочут, пытаясь представить, что я буду делать со своей долей богатств, украденных Джентльменом, – этот знакомый мир казался отсюда куда более жестоким, но таким далеким, что жестокость эта уже не имела значения. Сначала я говорила себе: «Вот приедет Джентльмен, и я сделаю так-то» – или: «Когда он упрячет ее в сумасшедший дом, я сделаю то-то». Но, подумав так, я смотрела на нее, и мысли мои терялись, забывались, и все кончалось тем, что я принималась расчесывать ей волосы или поправлять пояс ее платья. Не то чтобы я ее жалела – во всяком случае, не тогда и не очень-то. Просто, наверное, мы с ней слишком много времени провели вместе, так что теперь лучше вовсе не думать о том, что ее ждет, чем знать и чувствовать себя при этом мерзавкой.

Конечно же, она ни о чем таком не подозревала… Она была вся в своих мечтах. Она любила поговорить, но чаще молчала и думала о своем. Я видела, как меняется при этом ее лицо. По ночам я лежала рядом с ней и прямо-таки чувствовала, как бродят в ее голове всякие мысли. Вот от нее идет жар, она прямо горит – стало быть, мысли ее о Джентльмене, скоро ли он вернется и помнит ли о ней. Я бы успокоила ее, что помнит, и еще как. Но она ни

разу не заговаривала о нем, ни разу не произнесла его имени. Только раз или два спросила, как бы невзначай, о моей старой тетушке, которая якобы была его няней, но лучше бы не спрашивала, потому что, рассказывая о тетушке, я представляла миссис Саксби и начинала тосковать по дому.

А потом настал день, когда мы узнали, что он возвращается. День как день, если не считать того, что Мод, проснувшись, потерла щеку и жалобно поморщилась. Может, это было, что называется, предчувствие. Но я поняла это намного позже. А тогда, увидев, как она хватается за щеку, я спросила:

– Что случилось?

– Зуб, – сказала она, – царапает изнутри.

– Дайте посмотрю.

Я подвела ее к окну, повернула лицо к свету и пальцем ощупала десну. Почти сразу нашла прорезающийся зуб.

– Да уж, он острее… – начала я.

– Чем змеиный, Сью? – перебила она.

– Чем иголка, хотела я сказать, мисс.

Я подошла к шкатулке для рукоделия и взяла наперсток. Серебряный наперсток, в пару к серебряным ножничкам.

Мод потрогала скулу.

– А вы знаете кого-нибудь, кого покусала змея? – спросила она.

Дурацкий вопрос. Но она часто перескакивала с одного на другое и говорила невпопад. Может, сельское уединение так на нее повлияло. Я ответила, что не знаю. Она посмотрела на меня, потом снова открыла рот, я надела на палец наперсток и потерла острый край зуба, чтобы он затупился. Я много раз видела, как миссис Саксби проделывала это с младенцами. Конечно, младенцы пищат и отбиваются. Мод же раскрыла рот, покорно откинув голову, и крепко зажмурилась, потом открыла глаза – щеки у нее пылали. Рука моя намокла от ее влажного дыхания. Я потерла наперстком, потом пощупала зуб большим пальцем. Она попыталась глотнуть. Ресницы ее дрогнули.

И в это самое время послышался стук в дверь. Мы обе вздрогнули. Я отступила на шаг. Это была одна из горничных. В руках она держала поднос, на нем лежало письмо.

– Для мисс Мод, – сказала она, сделав реверанс.

Я сразу догадалась по почерку, что это, должно быть, от Джентльмена. Сердце у меня оборвалось. Думаю, Мод почувствовала то же самое.

– Дайте мне, – попросила она. А потом: – И кстати, принесите шаль.

Краска схлынула с ее лица, хотя на одной щеке, там, где я сильно надавила, еще багровело пятно. Накидывая ей на плечи шаль, я почувствовала, что она дрожит.

Потом, пока я ходила по комнатам, подбирала разбросанные книги и диванные подушки, убирала на место наперсток и закрывала шкатулку для рукоделия, я все поглядывала на нее украдкой. Видела, как она вертит письмо в руках и теребит – ясное дело, не может разорвать конверт, ведь на руках перчатки. И вот, покосившись в мою сторону и стараясь казаться беззаботной – и тем самым ясно давая понять, насколько это для нее важно, – она стянула одну перчатку, надломила печать, вынула письмо из конверта и, держа его обнаженной рукой, стала читать.

Потом я услышала глубокий радостный вздох. Подобрала подушку и принялась выбивать из нее пыль.

– Хорошие новости, мисс? – спросила я. Мне казалось, я просто обязана поинтересоваться.

Она не сразу ответила. Потом улыбнулась:

– Очень хорошие. – И поправилась: – Для дядюшки, конечно. Это от мистера Риверса, из Лондона. И что же он пишет, как думаете? Он возвращается в «Терновник» завтра.

Улыбка на ее губах держалась весь день как приклеенная, а после часа, вернувшись от дядюшки, она не села шить, не пошла на прогулку и даже в карты не стала играть, а все ходила взад-вперед по комнате, то и дело останавливаясь перед зеркалом – то бровки пригладит, то губки потрогает, а со мной ни слова, будто меня и нет.

Я достала карты и села играть одна. Вспоминала Джентльмена, как он раскладывал королей и дам в кухне на Лэнт-стрит. Потом подумала о Неженке. Ее мать – она утонула – умела по картам предсказывать будущее. Я много раз видела, как она это делает.

Мод все еще в задумчивости стояла перед зеркалом, и я предложила:

– Не желаете ли узнать свое будущее, мисс? Я вам карты разложу.

При этих словах она оторвалась наконец от созерцания своего лица и произнесла:

– А мне казалось, только цыганки гадать умеют.

– Моя бабушка была цыганской баронессой, – сказала я. – Вы только не говорите Маргарет и миссис Стайлз.

В конце концов, может, и правда моя бабуля была цыганской баронессой, кто знает? Я собрала карты в колоду и протянула ей. Поколебавшись немного, она села рядом со мной, расправила на коленях свою громоздкую юбку-колокол и спросила:

– Что я должна делать?

Я сказала: закрыть глаза и посидеть так минутку, думая о самых дорогих ее сердцу предметах, что она с готовностью и исполнила. Потом велела ей взять колоду и, отсчитав первые семь карт, положить их рубашкой вверх, – кажется, мать Неженки именно так и делала, а может, надо было взять девять карт, я точно не запомнила.

Пристально посмотрев ей в глаза, я произнесла сурово:

– Итак, вы действительно хотите знать свою судьбу?

– Сью, вы меня пугаете! – отвечала она.

Я повторила:

– Так вы действительно хотите знать свою судьбу? Что карты скажут, то и надо исполнять. Горе тому, кто попросит карты указать ему путь, а сам сделает по-своему. Обещаете ли вы покориться судьбе, которую они предскажут?

– Обещаю, – тихо сказала она.

– Хорошо. Вот она, ваша жизнь, вся как на ладони. Давайте посмотрим, что было прежде. Эти карты показывают ваше прошлое.

Я открыла первые две карты. Это была дама червей и тройка пик. Я их, конечно же, узнала, потому что, пока она сидела зажмурившись, я быстро перебрала колоду – так бы всякий поступил на моем месте.

Я посмотрела на карты долгим взглядом и сказала, нахмурившись:

– Хм-хм-м… Карты говорят о печали. Вот у нас добрая и красивая леди – видите? – а вот разлука и первые страдания.

Она прижала руку к сердцу.

– Продолжайте, – сказала она, а у самой лицо белое как мел.

– Давайте посмотрим, – продолжала я, – на следующие три карты. Они показывают ваше настоящее.

И быстренько их раскрыла.

– Бубновый король! – воскликнула я. – Строгий пожилой джентльмен. Пятерка треф: рот на замке. Кавалер пик…

Но продолжать не спешила. Она склонилась ко мне.

– Что это значит? – спросила тихо. – Этот кавалер?

Я сказала, что это благородный юноша с добрым сердцем, и она с таким наивным удивлением посмотрела на меня, что я ее чуть не пожалела.

– Мне страшно! Не переворачивайте больше, не надо!

– Но, мисс, я обязана продолжать. Иначе счастье отвернется от вас. Смотрите, эти карты показывают ваше будущее.

И открыла первую. Шестерка пик.

– Дальняя дорога! – воскликнула я. – Может быть, путешествие с мистером Лилли? Или свадебное путешествие…

Она ничего не сказала на это, только сидела и смотрела на карты, которые я ей открыла.

– Покажите последнюю, – попросила она шепотом.

Я показала. Она первая увидела.

– Дама бубен, – пролепетала она и нахмурилась. – Что это?

Я и сама не знала. Я рассчитывала открыть двойку червей – влюбленные сердца, но, должно быть, напутала, и карта осталась в колоде.

– Бубновая дама, – сказала я наконец. – Несметные богатства, наверное.

– Несметные богатства?

Она отодвинулась от меня и посмотрела вокруг – на выцветший ковер, на черные стены. Я собрала карты и перемешала колоду. Она пригладила юбку и поднялась из-за стола.

– Что-то не верится, – сказала она, – что ваша бабушка была цыганкой. Слишком светлое у вас лицо. Нет, не верю. И мне не понравилось предсказание. Забава для слуг.

Отошла от меня и снова встала перед зеркалом. Я думала, что она скажет мне что-нибудь более приятное, но напрасно надеялась. А на полу под стулом я заметила двойку червей. Карта упала на пол – и она наступила на нее каблуком, отчего край карты замялся.

С тех пор я всегда узнавала эту карту, когда мы с ней в последующие дни садились играть. В тот день, однако, она велела мне отложить карты: мол, от одного вида их ее тошнит, и вообще ей все надоело. Она легла в постель и попросила принести ей чашку воды. А раздеваясь, я заметила, как она достала какой-то флакончик и накапала в чашку три капли. Это была какая-то микстура для сна. Раньше я не замечала, чтобы она принимала микстуру. После этого она стала зевать. А когда я на следующий день проснулась, она не спала, лежала, зажав губами прядь волос, и рассматривала фигуры на балдахине.

– Посильнее расчешите мне волосы, – попросила она, когда я начала ее одевать. – Изо всех сил, так, чтобы блестели. Ой, какие бледные у меня щеки! Не могли бы вы их пощипать, Сью? Ничего, если будут синяки. Лучше ходить с синими щеками, чем с бледными, как у мертвеца!

Глаза ее потемнели – должно быть, от снотворных капель. Она озабоченно морщила лоб. Мне не понравилось, что она заговорила о синяках. Я сказала:

– Стойте смирно, мисс, а то я вообще не смогу вас одеть. Вот так-то лучше. Итак, какое платье желаете надеть?

– Серое?

– Серое – не нарядно. Лучше голубое…

Голубое очень шло к ее светлым волосам. Она стояла перед зеркалом и смотрела, как я его застегиваю. И с каждой новой застегнутой пуговицей лицо ее становилось все довольнее. И когда я застегнула самую верхнюю, она посмотрела на меня. На мое коричневое шерстяное платье.

– Ваше платье, Сью, какое-то затрапезное, не правда ли? Мне кажется, вам пора переменить его.

– Переменить? Но другого у меня нет, – ответила я.

– Как это – другого нет? Ужас какой. А мне оно уже надоело. Что вы носили, когда служили у доброй леди Алисы? Разве вам не досталось от нее каких-нибудь платьев?

Я почувствовала – и, полагаю, тут я была абсолютно права, – что Джентльмен недоглядел, дав мне с собой всего лишь одно платье.

– Видите ли, дело в том, что леди Алиса, конечно, дама ангельской доброты, только вот скуповата. Она забрала мои платья обратно – чтобы отдать новой служанке, в Индии.

Мод потупилась: видимо, ей стало неловко. Потом спросила:

– Что, в Лондоне все дамы так обращаются со своими горничными?

– Только скупые, мисс, – отвечала я.

Тогда она сказала:

– А мне из моих вещей ничего не жалко. Пойдите и возьмите себе другое платье, чтобы было в чем показаться днем. И может быть, еще одно – чтобы переодеться, когда… ну, скажем, когда к нам заглянет гость… – Она раскрыла шкаф и нырнула за створку. – Кажется, мы одного роста. Вот три или четыре платья, гляньте, я их совсем не ношу и спокойно без них обойдусь. Вы любите длинные юбки, я знаю. А мой дядюшка не разрешает мне ходить в длинных – он уверен, что они вредят здоровью. Но к вам, понятное дело, это не относится. Нужно лишь немного отпустить подшивку. Надеюсь, вы сумеете?

Еще бы! Я ведь привыкла дома распарывать швы, да и сама при желании могла прошить как по линеечке.

Она показала мне платье. Странное оно было: из оранжевого бархата, с бахромой, а юбка колоколом. Как будто, когда его сшивали, в мастерскую влетел ураган и раздул все детали.

– Примерьте его, Сьюзен, давайте! Я вам помогу. – Она подошла ближе и стала раздевать меня. – Видите, я тоже могу, не хуже вас. Теперь я – ваша горничная, а вы – госпожа!

И усмехнулась, и, пока расстегивала на мне платье, все как-то нервно посмеивалась.

– Ну-ка, посмотрим в зеркало, – сказала она наконец. – Точно сестры!

Она стянула с меня коричневое платье, надела через голову оранжевое и подтолкнула меня к зеркалу, а сама стала возиться с крючками.

– Вдохните! – командовала она. – Поглубже вдохните! Платье довольно тесное, зато у вас будет фигура, как у леди!

Что и говорить, у самой у нее талия была в рюмочку, и она была повыше меня. Да и волосы мои потемнее. И похожи мы были не на родных сестер, а на пугала огородные. Юбка моя не закрывала ног. Если бы сейчас какой-нибудь мальчишка из Боро увидел меня, я бы со стыда сгорела.

Но мальчишек из Боро поблизости не наблюдалось, да и девчонок тоже. Так что никто меня не видел. А бархат был все-таки очень хороший. Я стояла, перебирая бахрому на юбке, а Мод в это время сбегала к шкатулке с украшениями и выудила оттуда брошь, которую и приколола торжественно мне на грудь, а потом, склонив голову, отступила на шаг – посмотреть, что получилось. И тут в дверь гостиной постучали.

– Это Маргарет, – сказала она, покраснев до ушей. И крикнула: – Входите, Маргарет, я в спальне!

Маргарет вошла, сделала реверанс и, обращаясь ко мне, сказала:

– Я пришла забрать поднос, ми… Ой! Мисс Смит! Это вы тут? А я приняла вас за госпожу… – И покраснела, а Мод, укрывшись за пологом кровати, смеялась, закрыв рот ладошкой, совсем как маленькая. Прямо покатывалась со смеху, и темные глаза ее сияли.

– Вы только представьте, что мистер Риверс тоже ошибется и перепутает нас? – сказала она мне, когда за Маргарет закрылась дверь. – Что нам тогда делать?

И снова расхохоталась. Я глянула на себя в зеркало и улыбнулась.

Было же во мне что-то, из-за чего меня приняли за леди?

Лучшего моя мать и желать не могла.

В конце концов, я ведь намереваюсь прибрать к рукам все ее наряды и украшения? Ну, начала чуть раньше. Только и всего. Когда она отправилась к дяде, я сняла оранжевое платье, села и отпорола подпушку, а также чуть распустила лиф. Не стану же я себя калечить, даже ради осиной талии.

– …Правда, мы теперь красивые? – спросила Мод, когда я зашла за ней в библиотеку.

Она оглядела меня с головы до пят, потом огладила на себе юбку.

– Ой, какая пыльная! – вскричала она. – Это с дядюшкиных полок насыпалось! Это все книги, гадкие книги! – Казалось, она вот-вот заплачет.

Я стряхнула пыль, и мне вдруг захотелось сказать ей, что она зря переживает. Да появись она хоть в рубище и с лицом как у трубочиста, для Джентльмена она всегда будет самой желанной, пока в банке лежат пятнадцать тысяч с пометкой: «Мисс Мод Лилли».

Представьте, каково мне было – смотреть на нее, и знать все то, что я знала, и делать вид, что ничего не знаю. Будь на ее месте другая какая девчонка, все это было бы даже забавно. Я бы сказала: «Вам нездоровится, мисс? Принести вам что-нибудь? Хотите, я принесу вам зеркало, чтобы вы на себя посмотрели?» А она бы ответила: «Нездоровится? С чего вы взяли? Я просто озябла и гуляю, чтобы согреться». Или так: «Зеркало, Сью? К чему мне зеркало?» – «Мне кажется, вы смотритесь на свое отражение чаще, чем положено». – «А почему, как вы думаете, я это делаю?» – «Не могу знать, мисс».

Сказали, что его поезд прибывает в Марлоу в четыре часа дня и что Уильям Инкер отряжен встретить его, так же как встречал меня. В три часа Мод решила сесть с шитьем у окна, потому что там светлее. Конечно, к тому времени стало смеркаться – какой уж там свет! – но я промолчала. Там, у дребезжащего окна с волглыми песчаными мешочками, стояла низкая скамеечка, накрытая подушкой, во всей комнате места холоднее не сыщешь, но она просидела там чуть ли не полтора часа, обернувшись шалью, стуча зубами от холода и то и дело поглядывая на подъездную аллею.

Я подумала: «Если это не любовь, тогда я – голландский матрос, а если такова любовь, тогда все влюбленные – глупцы, и, слава богу, я не из их числа».

Наконец она прижала руку к груди и вскрикнула. За окном мелькнул огонек – фонарь на двуколке Уильяма Инкера. Она вскочила, бросилась прочь от окна, подбежала к камину и замерла, в волнении сжимая руки. Потом послышался цокот копыт по гравийной дорожке.

– Это мистер Риверс, мисс? – спросила я.

– Мистер Риверс? – переспросила она. – А что, уже так поздно? Да, наверное. Как же дядюшка обрадуется!

Дядюшка вышел его встретить. Она засуетилась:

– Наверное, он позовет меня поприветствовать мистера Риверса. Как сидит на мне юбка? Может, зря я не надела серое?

Но мистер Лилли ее не позвал. В комнатах под нами послышались мужские голоса, со скрипом закрылась парадная дверь, но лишь через час горничная пришла с сообщением, что прибыл мистер Риверс.

– Мистера Риверса устроили в его прежней комнате?

– Да, мисс.

– Мистер Риверс, должно быть, устал с дороги?

Мистер Риверс послал сказать, что он не очень устал с дороги и надеется увидеть мисс Лилли, а также ее дядюшку за ужином. Прежде этого времени он не осмеливается тревожить мисс Лилли.

– Понимаю, – сказала она, услышав эти слова. И закусила губу. – Пожалуйста, передайте мистеру Риверсу, что он не причинит госпоже никакого неудобства, если зайдет к ней в гостиную еще до ужина…

И продолжала в том же духе, запинаясь и краснея. В конце концов горничная все поняла и вышла. Она отсутствовала примерно четверть часа. Когда же вернулась, за ней следом шел Джентльмен.

Он шагнул в комнату и сначала вроде как не заметил меня. Взгляд его был устремлен на Мод.

Он сказал:

– Мисс Лилли, как великодушно с вашей стороны принять здесь усталого путника в пятнах дорожной грязи… Как это на вас похоже!

Голос его был нежен. А что до пятен – лично я не заметила ни одного. Думаю, он успел сходить в свою комнату и по-быстрому переодеться. Волосы его были приглажены, усы аккуратно расчесаны; и на сей раз у него было лишь одно скромное колечко – на мизинце, сами же руки были чистые и ухоженные.

Он казался тем, кем и хотел казаться: красивым порядочным джентльменом. Когда же он наконец обратился ко мне, я от неожиданности сделала реверанс и чуть не покраснела.

– А это Сьюзен Смит! – произнес он, оглядывая мое бархатное платье и растягивая губы в улыбке. – Но я чуть не принял ее за леди, клянусь вам!

Он шагнул ко мне, взял меня за руку, и Мод тоже подошла ко мне.

Он сказал:

– Надеюсь, вам понравилось здесь, в «Терновнике», Сью. Надеюсь, на новом месте вы показали себя как хорошая служанка.

Я ответила:

– Я тоже на это надеюсь, сэр.

– Она очень хорошая девушка, – сказала Мод. – Очень-очень хорошая.

Она произнесла это скороговоркой, словно ей приятно было, что он обратил на меня внимание: так отвечают обычно, когда незнакомец на улице похвалит вдруг вашу собачку.

Джентльмен крепко сжал мне руку, потом выпустил – она безвольно упала. Он сказал:

– Конечно, она и должна быть хорошей, всякая девушка обязана быть хорошей, когда у нее перед глазами такой пример для подражания, как вы, мисс Лилли.

Ее лицо, которое уже почти приобрело естественный цвет, снова запылало.

– Вы так добры, – сказала она.

Он покачал головой и закусил губу.

– Любой джентльмен просто обязан быть добрым, – проговорил он, понизив голос, – рядом с вами.

Теперь и его щеки зарозовели – не хуже, чем у нее. Думаю, он для этого специально поднатужился. Он не сводил с нее глаз, и в конце концов она улыбнулась ему. А потом рассмеялась.

И тогда я впервые подумала, что, должно быть, он прав. Она и правда была красивая, нежная такая и хрупкая – я поняла это, когда увидела, как она стоит перед ним и смотрит ему в глаза.

Вот дурачки. Большие часы пробили положенный час, они вздрогнули и словно очнулись. Джентльмен сказал, что отнял у нее много времени.

– Надеюсь, я увижу вас за ужином, вас и вашего дядюшку?

– Да, и моего дядюшку, – тихо сказала она.

Он отвесил ей низкий поклон и направился к двери, потом, уже шагнув за порог, кажется, вспомнил о моем существовании и устроил что-то вроде пантомимы, хлопая по карманам в поисках монет. Достал шиллинг и поманил меня, чтобы дать мне награду.

– Это вам, Сью, – сказал он. Взял мою ладонь и вложил в нее шиллинг. Монета была фальшивой. – Все хорошо? – добавил он тихо, так, чтобы Мод не услышала.

Я ответила:

– О, благодарю вас, сэр. – При этом сделала реверанс и подмигнула.

Да уж, делать эти два дела одновременно оказалось труднее, чем я предполагала, так что никому не посоветую: когда подмигиваешь, очень трудно сохранить равновесие в реверансе, а приседая, подмигивания незаметно.

Но, похоже, Джентльмен мук моих не оценил. Он улыбнулся довольной улыбкой, еще раз поклонился и вышел. Мод, взглянув на меня, молча прошла в свою комнату и закрыла за собой дверь – уж не знаю, что она там делала. Я сидела и ждала, пока она не позовет, и она позвала спустя полчаса – надо было помочь ей переодеться к ужину.

А пока я была в комнате одна, сидела и от нечего делать подбрасывала на ладони шиллинг. «Ну и ладно, – подумала я, – фальшивые монеты блестят не хуже, чем настоящие».

Но подумала с неудовольствием, сама не знаю почему.

В тот вечер она час или два после ужина провела в гостиной в компании дядюшки и Джентльмена – читала им вслух. В гостиную меня, конечно, не приглашали, а узнавала я, что она делает без меня, от мистера Пея или от миссис Стайлз – они вскользь упоминали об этом за ужином. Вечера я обычно проводила в кухне и потом в кладовке миссис Стайлз, какая же там была тоска! В тот вечер, однако, все было иначе. Спустившись в кухню, я обнаружила там Маргарет, орудующую двумя вилками: она поджаривала большой кусок окорока, а миссис Кекс поливала его медом. «Окорок в меду, – пояснила Маргарет, причмокивая, – любимое кушанье мистера Риверса». «Готовить для мистера Риверса, – сказала миссис Кекс, – одно удовольствие».

Вместо обычных шерстяных чулок на ней были черные шелковые, что я подарила. Горничные надели новые чепцы, с рюшечками. А Чарльз, поваренок, причесался и даже сделал пробор, прямой и ровный, как стрела. Он сидел на табурете перед очагом, начищал сапог Джентльмена и насвистывал.

Он был того же возраста, что и Джон Врум, но только не смуглый, а светленький.

Он сказал:

– Мистер Риверс говорит, что в Лондоне показывают слонов. Он говорит, их держат в специальных загонах в тамошних парках, как овец, и любой мальчишка может заплатить шесть пенсов и покататься на слоне. Что скажете, миссис Стайлз?

– Да неужели?! – воскликнула миссис Стайлз.

На ворот своего платья она приколола брошь. Это была траурная брошь, с черными волосами.

«Слоны!» – хмыкнула я. Я видела, что Джентльмен тут как петух в курятнике, и все они трепещут перед ним. Они говорили, что он очень красив. Что не всякий герцог может похвастать таким же обхождением, кто-кто, а он знает, как вести себя со слугами. Говорили, как повезло мисс Мод, что такой умный молодой человек, как он, вновь решил посетить этот дом. Если бы я сейчас встала и выложила им всю правду – что они все простофили, что мистер Риверс – исчадие ада, что он хочет жениться на Мод, украсть ее денежки и до самой смерти держать ее под замком, – если бы я встала и выложила им все это, они бы мне не поверили. Сказали бы, что я спятила.

Такие люди всегда готовы поверить благородным джентльменам, а не служанкам вроде меня.

И конечно же, ничего такого я им не рассказала, держала свои мысли при себе. За чаем миссис Стайлз сидела на удивление тихо и только теребила брошь. Мистер Пей унес газету с собой в уборную. Ему пришлось подать мистеру Лилли за ужином два сорта доброго вина, и, пожалуй, он единственный не был рад приезду Джентльмена.

По крайней мере, мне казалось, что я рада. «Ты же рада, – говорила я себе, – просто этого не осознаешь. Ты почувствуешь это, когда окажешься с ним один на один». Я надеялась, мы найдем способ поговорить с глазу на глаз, ну, может, не сразу, а через день-другой. Однако прошло целых две недели, прежде чем мы встретились. Ибо, конечно же, мне не положено было одной, без Мод, появляться в парадных помещениях. Я никогда не видела его комнаты, а он не заглядывал в мою. Кроме того, дни в «Терновнике» были расписаны по минутам, все делалось по раз и навсегда заведенному порядку, как в часовом механизме, и никаких изменений не предполагалось. Мы просыпались под бой часов, после этого все начинали перемещаться из комнаты в комнату, каждый по своей дорожке, пока вечерний звон не зазывал нас обратно в постель – спать. Я представляла себе, что в полу для каждого из нас проложен желобок, и мы скользим по нему, как фигурки в заводной шкатулке. А где-нибудь сбоку дома приделана ручка, которую вращает какая-нибудь гигантская невидимая рука. Порой, когда за окном сгущалась тьма или наплывал туман, я представляла себе эту ручку, и мне казалось, я даже слышу, как она, вращаясь, скрипит. И мне становилось страшно: что, если ее вдруг перестанут крутить?

Вот что делает с человеком сельское житье.

С приездом Джентльмена механизм словно сильно встряхнули. Рычаги заскрипели, фигурки покачнулись, и прочертились новые желобки, а потом движение продолжилось, тихо и гладко, как прежде, только добавилось новых сцен. Мод теперь не ходила к дядюшке читать ему вслух, пока он занимался. Она оставалась в своих комнатах. Мы с ней шили, играли в карты или шли гулять к реке или к тисовым деревьям – смотреть на могилы.

А что касается Джентльмена, то он вставал в семь и завтракал, лежа в постели. Еду ему приносил Чарльз. В восемь он приступал к работе с гравюрами мистера Лилли. Мистер Лилли сам присутствовал при этом и давал советы. Над своими картинками он трясся не меньше, чем над книжками, и даже выделил Джентльмену особую комнату для занятий, правда она оказалась еще темнее и теснее, чем библиотека. Полагаю, гравюры были старые и жутко ценные. Я их ни разу не видела. И никто не видел. У мистера Лилли и у Джентльмена были ключи, они запирались там, а когда уходили, закрывали комнату на замок.

Работали они до часу дня, потом им приносили второй завтрак. Мы с Мод завтракали в одиночестве. Молча. Она порой вообще не притрагивалась к пище, сидела и ждала чего-то. Потом, в четверть второго, собирала рисовальные принадлежности – краски и карандаши, бумагу и картонки, деревянный угольник – и складывала их в определенном порядке, чтобы держать наготове. Мне не разрешалось помогать. Если кисть падала на пол и я поднимала ее, она снова все сгребала в кучу – бумагу, карандаши, краски, угольник – и принималась раскладывать заново.

Я поняла, что мне к этим вещам лучше не прикасаться. Можно только смотреть. А потом, когда часы били два пополудни, мы обе начинали прислушиваться. Ровно через минуту входил Джентльмен, чтобы преподать ей очередной урок.

Вначале занятия проходили в гостиной. Он клал на стол яблоко, грушу, рядом ставил кувшин с водой, а потом стоял и кивал, пока она зарисовывала все это на картонке. Кисточкой она махала так же умело, как лопатой, но Джентльмен брал ее мазню и, держа на вытянутой руке, кивал или, прищурившись, изрекал:

– Говорю во всеуслышание, мисс Лилли, у вас определенно выработался стиль!

Или:

– Прошел всего лишь месяц, а какой прогресс в линиях!

– Вы правда так считаете, мистер Риверс? – спрашивала она, заливаясь краской до самых ушей. – А по-моему, груша слишком плоская. Может, мне еще поработать над перспективой?

– Перспектива, конечно, пока хромает, – отвечал он ей на это. – Но ваш талант, мисс Лилли, важнее техники. Вы видите самую суть. Мне страшно рядом с вами стоять! Боюсь, от вашего взора не укроется то, что я так долго и тщательно пытался скрывать.

Так или примерно так он говорил, сперва громко и уверенно, но постепенно голос его становился все тише, все доверительнее, он даже начинал запинаться и придыхать, а она делалась похожей на куклу из воска, которую поставили слишком близко от огня. И принималась с новым усердием срисовывать фрукт, но вместо груши на сей раз получался банан. Тогда Джентльмен говорил, что света маловато или что кисть никуда не годится.

– Если бы я мог свозить вас в Лондон, мисс Лилли, показать мою мастерскую!

Это уже была сказка, которую он сочинил про себя: богемная жизнь в Челси, в собственной мастерской…

Он сказал, что знаком со многими интереснейшими художниками.

– И художницами? – спросила Мод.

– Конечно, – отвечал он. – Разумеется, не все обязаны разделять мое мнение, у людей ведь разные вкусы. Посмотрите сюда: эту линию надо провести тверже, увереннее.

И он подходил к ней и клал свою руку поверх ее руки. Она оборачивалась к нему:

– Не скажете ли мне, что вы имеете в виду? Вы можете говорить откровенно. Я не ребенок, мистер Риверс!

– Вы – нет, – отвечал он тихим голосом, глядя ей прямо в глаза. – В конце концов, – продолжал он, – убеждения мои достаточно скромны. В том, что касается женского пола и основ миропорядка. Но есть нечто, мисс Лилли, чем должен обладать только ваш пол.

Она насторожилась:

– Что же это, мистер Риверс?

– Это свобода, – ответил он тихо, – свобода.

Она застыла, потом качнулась. Стул под ней скрипнул, от этого звука она вздрогнула и отдернула руку. Подняла глаза к зеркалу, заметила, что я смотрю на нее, и вспыхнула. Джентльмен тогда тоже стал смотреть на нее в зеркало – она окончательно смутилась и потупилась. Он перевел взгляд с нее на меня, потом опять на нее. Потом выпрямился и погладил усы.

Она тронула кисточкой натюрморт и вскрикнула: «Ой!» Капля краски стекала с груши, как слеза. Джентльмен успокоил ее, что ничего страшного, что она и так сегодня изрядно потрудилась. Он подошел к столу, взял настоящую грушу и протер ее. У Мод среди карандашей и кисточек лежал маленький перочинный ножик, он взял его и разрезал грушу на три сочащиеся дольки. Одну отдал ей, другую взял себе, а третью, стряхнув с нее капли, протянул мне.

– Кажется, почти совсем поспела, – сказал он и подмигнул мне.

Он куснул свою дольку. Капельки сока блестели в его бороде, как росинки. Он рассеянно облизнул пальцы, я последовала его примеру. Мод рискнула запачкать свои перчатки и откусывала потихоньку, задумчиво глядя в пустоту.

Каждый думал о своем: о тайне. О настоящей тайне, не о пустяках каких-нибудь. Слишком многое было поставлено на карту. Когда я, оглядываясь назад, пытаюсь разобраться, кто что знал и чего не знал тогда и кто кого обманывал, я вынуждена бросить это дело – потому что голова идет кругом.

В конце концов он сказал, что пора учиться писать с натуры. Я сразу смекнула, к чему он клонит, – к тому, чтобы водить ее в парк, в самые глухие места, и там учить уму-разуму. Думаю, она тоже догадалась.

– Как вам кажется, сегодня будет дождь? – спросила она озабоченно, стоя у окна и глядя на тучки.

Был конец февраля, на дворе холод собачий. Но, помнится, я говорила, что с приездом мистера Риверса в доме все оживилось, так что даже природа, казалось, сменила гнев на милость. Ветер стих, и окна перестали дребезжать. Небо, прежде серое, прояснилось, засияло синевой, лужайки стали зелеными, как бильярдное сукно.

По утрам, когда мы гуляли с Мод вдвоем, я шла рядом с ней. Сейчас, конечно же, с ней рядом шел Джентльмен. Он иногда предлагал опереться на его руку, она хоть и не сразу, но соглашалась. Думаю, после того как она походила под ручку со мной, ей было легче на это решиться. Правда, шагала она как статуя, но он все-таки придумал способ приблизиться. Он все ниже и ниже склонял к ней свою голову, так что уже почти касался ее лица. А то делал вид, что отряхивает пыль с ее воротника. Сначала меж ними оставалось некое свободное пространство, но оно стремительно таяло, почти совсем исчезая, когда они соприкасались рукавами или край ее юбки обметал его брючину. Я все примечала, потому что шла за ними следом. Несла коробку с красками и кисточками, деревянный угольник и табурет. Иногда они уходили далеко от меня и, кажется, вовсе обо мне забывали. Потом, вспомнив о моем существовании, Мод оборачивалась ко мне:

– Как вы добры, Сью! Вы не устали? Мистер Риверс говорит, еще четверть мили – и все.

Мистер Риверс всегда так говорил. Он не спеша вел ее по парку, объясняя, что ищет уголок поживописнее, а сам все увереннее прижимал ее к себе, все жарче нашептывал, – а я тащилась следом со всем их барахлом.

Конечно, без меня они бы вообще никуда не выбрались. Предполагалось, что я слежу за тем, чтобы Джентльмен вел себя как подобает.

Я и следила. А также следила за ней. Иногда она смотрела на него, но чаще – себе под ноги, и то цветок какой приметит, то листик, то птичку – и радуется… И когда такое случалось, он оглядывался на меня и улыбался мне хитрой улыбкой, но, когда она взглядывала на него, лицо его снова становилось невозмутимым.

Глядя на них, всякий бы сказал, что он любит ее.

Глядя на них, всякий сказал бы, что она его любит.

Но еще сказал бы, что она боится – боится своего чувства. Поэтому он должен был соблюдать осторожность, действовать не спеша. Он ни разу не дотронулся до нее, разве что подставлял локоток на прогулке да направлял ее руку, когда она рисовала. Он склонялся над ней – посмотреть, как она подбирает краски, его дыхание смешивалось с ее дыханием, и прядь его волос касалась ее щеки… Но, придвинься он ближе, она бы отдернулась.

Перчаток она не снимала.

Наконец он выбрал удачное место у реки, и она начала писать пейзаж, каждый день пририсовывая все новые камышинки. По вечерам она спускалась в гостиную – почитать вслух ему и мистеру Лилли. Перед сном капризничала, порой капала в чашку снотворные капли, порой вздрагивала во сне.

Когда это случалось, я обнимала ее за плечи, и она замирала.

Я успокаивала ее – ради Джентльмена. Потом нужно будет поддерживать ее во взвинченном состоянии, но пока что моя задача – успокаивать ее, красиво одевать, ухаживать за ней. Я мыла ей волосы уксусом и расчесывала до блеска. Джентльмен входил в ее комнату, смотрел на нее, кланялся, а потом говорил: «Мисс Лилли, с каждым днем вы все прекраснее!» – и я понимала, что это чистая правда. Но понимала и то, что этот комплимент предназначался не столько ей – потому что она ничего не сделала, – сколько мне, потому что я все это сотворила.

О подобных мелочах я сама догадывалась. Говорить в открытую он не мог, зато устраивал настоящую пантомиму, поводя глазами, улыбаясь заговорщицки. Мы ждали, когда удастся побеседовать с глазу на глаз, но случая все не представлялось, и я уже почти отчаялась, как вдруг Мод, в своей невинности, сама нам эту встречу и устроила.

Просто как-то утром она увидела его в окно. Она стояла, прижавшись лбом к оконному стеклу, глядела во двор и вдруг произнесла:

– Вон мистер Риверс гуляет по лужайке.

Я подошла к ней посмотреть – действительно, он расхаживал по травке и курил сигарету. Было очень рано, солнце едва поднялось, и по лужайке тянулись длиннющие тени.

– Правда, он высокий? – спросила я, искоса поглядывая на Мод.

Та кивнула. От ее дыхания стекло запотело, и она протерла его перчаткой. Потом вскрикнула: «Ой!», как будто с ним что случилось – упал, например.

– Ой! Кажется, у него сигарета погасла. Бедный мистер Риверс!

Он внимательно смотрел на черный кончик своей сигареты, даже подул на нее. Потом похлопал по брючным карманам: искал спичку. Мод еще раз для верности протерла стекло.

– А теперь, – сказала она, – он не может зажечь ее! У него спичек нет? Не может быть! А ведь уже било полчаса, минут двадцать назад. Ему скоро к дядюшке идти. Нет, у него нет спичек – в карманах нет…

Она посмотрела на меня, заламывая руки, как будто у нее сердце разрывалось от горя.

Я сказала:

– От этого не умирают, мисс.

– Но бедный мистер Риверс, – не унималась она. – О Сью, если вы поторопитесь, вы можете отнести ему спичку. Смотрите, он прячет сигарету. Как он, должно быть, страдает!

У нас спичек не водилось. Маргарет всегда носила их с собой в переднике. Когда я напомнила об этом Мод, она сказала:

– Тогда возьмите свечу! Что угодно возьмите! Хоть уголек из камина. Ой, а можно побыстрее? Только прошу, не говорите ему, что я вас послала!

И можете себе представить? Я послушалась. Сбежала вниз на два лестничных пролета, зажав в руке каминные щипцы с горящей головешкой – для того лишь, чтобы кому-то было чем прикурить! Можете себе представить, чтобы я это сделала? Ну да, ведь я теперь служанка, не имею права отказываться. Джентльмен увидел, что я иду к нему по траве, разглядел, что я несу, и рассмеялся.

Я сказала:

– Все нормально. Она послала меня передать вам это, чтобы вы зажгли сигарету. Сделайте вид, что вам приятно, она за вами наблюдает. Но если хотите, можете и о нас поговорить.

Он даже головы не повернул в мою сторону, только поднял глаза к ее окну.

– Хорошая девочка, – хмыкнул он.

– Слишком хорошая для вас, как я понимаю.

Он улыбнулся. Но так, как господа улыбаются слугам: снисходительно. Я представила, как Мод глядит на нас сверху вниз, туманя взволнованным дыханием холодное стекло.

Он спокойно поинтересовался:

– Как наши дела, Сью?

– Неплохо, – ответила я.

– Думаешь, она любит меня?

– Думаю, да. Любит.

Он достал серебряный портсигар и вынул новую сигарету.

– Но сама она тебе об этом не говорила?

– Это и не обязательно.

И наклонился над головешкой.

– Она тебе вполне доверяет?

– Вынуждена. Больше у нее никого нет.

Он затянулся, выпустил дым. В холодном воздухе повисли синие пятна дыма.

– Она наша, – сказал он.

Отступив на шаг, он выразительно посмотрел на меня, и я поняла: выронила уголек на траву, и он нагнулся, чтобы помочь мне его поднять.

– Что еще? – спросил он.

Быстрой скороговоркой я поведала ему про снотворные капли и про то, что она боится своих снов. Он слушал с улыбкой, неловко хватал щипцами кусок угля, так что тот все время срывался, потом наконец ухватил, поднял и передал щипцы мне, жестом показав, что нужно держать их крепче.

– Капли и сны – это здорово, – тихо сказал он. – Это нам потом пригодится, позже. А сейчас ты знаешь, в чем твоя задача? Не спускать с нее глаз. Войти к ней в доверие. Она – наш маленький драгоценный камушек, Сьюки. Скоро я вытащу ее из оправы и обменяю на деньги. А держать нужно вот так. – Он вдруг заговорил громче: из парадного вышел мистер Пей – заметил, видно, открытую дверь и выглянул посмотреть, что случилось. – Вот так, чтобы уголек не упал и, не дай бог, не прожег ковер мисс Лилли…

Я сделала реверанс, и он пошел прочь, а потом, когда мистер Пей встал погреться на солнышке и, сняв парик, поскреб макушку, шепнул мне на прощание:

– На тебя дома делали ставки. Миссис Саксби поставила пять фунтов на твой успех. Мне велено поцеловать тебя – за нее.

Изобразив губами беззвучный поцелуй, он сунул в рот сигарету и опять принялся пускать синий дым. Потом поклонился. Пряди волос упали на воротник. Поднял холеную белую руку, чтобы заправить прядь за ухо.

Я заметила, что мистер Пей с крыльца пристально смотрит на него – еще пристальней, чем смотрели мальчишки из Боро, – словно прикидывал, что лучше: посмеяться над ним или дать пинка. Но Джентльмен притворился, что не замечает. Он подставил лицо солнышку и встал так, чтобы Мод из своего укрытия могла его получше разглядеть.

…С тех пор каждое утро она вставала у окна и смотрела, как он прохаживается внизу и курит. Она упиралась лбом в стекло, и, когда отходила, над бровью оставалась отметина – ярко-розовый кружок на белой коже. Такие пятна бывают на щеках от лихорадки. И еще я заметила, что с каждым днем пятно становится все краснее.

Теперь она следила за Джентльменом, а я – за ними обоими, и все втроем ждали, когда же лихорадка отступит.

Мне казалось, что это займет две недели, ну, может, три. Но две недели прошли, а мы все еще топтались на месте. Потом еще две, но все оставалось по-прежнему. Она умела ждать, и дом продолжал жить по-заведенному. Она лишь чуть сдвинула свою дорожку поближе к нему, а он чуть подправил свою, поближе к ней, – но только и всего. И мы с ним ждали, когда представление разладится.

Я должна была завоевать ее доверие, чтобы потом помочь ей бежать. Тысячу раз я закидывала удочку – например, заговаривала о том, какой добрый джентльмен мистер Риверс, как он красив, и какие изысканные у него манеры, и как он, похоже, нравится ее дядюшке, да и ей самой, и как она сама, похоже, нравится ему, и если бы какая юная дама подумывала о замужестве, то мистер Риверс – чем не пара? В общем, я тысячи раз обиняками пыталась вывести ее на откровенный разговор, но она словно не слышала моих намеков и, кажется, не собиралась изливать передо мной душу. Природа тем временем снова насупилась, а потом вдруг стало теплее. Наступил март. Его сменил апрель. К маю все картинки мистера Лилли будут оправлены, и Джентльмену придется покинуть этот дом. А она все еще не сказала своего слова, и он ослабил напор, чтобы не спугнуть неверным движением.

Я, честно говоря, утомилась ждать. И Джентльмен стал нервничать. Мы все были на взводе, как караульные на часах: Мод все время ходила как неприкаянная и, когда били часы, вздрагивала, а глядя на нее, и я вздрагивала. Когда в назначенное время за ней должен был зайти Джентльмен, я своими глазами видела, как она начинала метаться, прислушиваясь к его шагам, – а заслышав стук в дверь, бывало, вскочит или вскрикнет, как-то раз даже чашку уронила и разбила. А ночью лежала не смыкая глаз, словно в оцепенении, или ворочалась и что-то бормотала во сне.

Любовь, ясное дело! Ничего подобного я отродясь не видела. В Боро подобные дела совсем иначе делались. Я вспоминала, как обычно ведет себя девчонка, если ей нравится ее ухажер.

Я попыталась представить, как я бы сама себя повела, если бы на меня обратил внимание мужчина вроде Джентльмена. И подумала, может, отвести ее в сторонку и поговорить как девчонка с девчонкой, подсказать, что ли…

Но все же решила этого не делать, боясь показаться грубой и невоспитанной… Что выглядит довольно странно, если учесть, что потом случилось.

…Но прежде должно было произойти еще кое-что. Гроза наконец разразилась. Куклы столкнулись, и наше терпение было с лихвой вознаграждено.

Она позволила ему себя поцеловать.

Не в губы, а даже еще получше.

Я знаю об этом, потому что собственными глазами видела.

Это случилось у реки, в первый апрельский день. Он выдался на редкость теплым. Солнце сияло вовсю, но небо хмурилось – ждали грозы.

Поверх платья она надела жакет и плащ, и ей было жарко. Она подозвала меня и велела снять с нее плащ, а затем и жакет. Она сидела и срисовывала камыши, а Джентльмен стоял рядом и снисходительно поглядывал на ее мазню. Солнце слепило глаза и мешало ей рисовать: она то и дело прикрывала их ладонью и щурилась. Перчатки ее были все в краске, теперь и лицо запачкалось.

Воздух был густой, влажный и по-летнему теплый, но земля все еще не прогрелась, оставаясь по-зимнему сырой и холодной. Нагретый камыш источал странный запах. Мы услышали необычный звук – будто кто-то напильником водил по железу, – и Джентльмен сказал, что это лягушка такая. Вокруг ползали длинноногие пауки и какие-то жуки. И еще там был куст с целой россыпью тугих, набухших, пушистых бутончиков.

Я примостилась под кустом, в тени ограды, на перевернутой вверх дном лодке: Джентльмен специально для меня перетащил ее на это место. Так что я оказалась довольно далеко от них – дальше отсадить меня он не осмелился. Я занималась тем, что отгоняла пауков от корзинки с печеньем. Такая была у меня работа, пока Мод рисовала, а Джентльмен помогал и направлял ее неуверенную кисть своей крепкой рукой.

Так она рисовала себе и рисовала, а палящее солнце опускалось все ниже, на сером небосклоне появилась алая рябь, и воздух, кажется, стал еще гуще. И я заснула. Я спала и видела во сне Лэнт-стрит: вот мистер Иббз обжег руку о жаровню и закричал. От крика я проснулась. Вскочила с деревянного сиденья и в первую секунду не поняла, где нахожусь. Потом огляделась. Мод и Джентльмена нигде не было видно.

Вот ее табуретка, вот ее картинка с натуры. А вот кисти (одна валяется под мольбертом) и краски. Я подошла и подобрала упавшую кисточку. Подумала, что, наверно, Джентльмен увел ее домой и мне теперь придется одной надрываться – тащить на себе все рисовальные принадлежности. Но чтобы она отважилась пойти с ним одна, без сопровождения, – в это верилось с трудом. Мне стало даже немного боязно за нее. Да, почти как настоящая служанка, я стала беспокоиться о своей госпоже.

А потом услышала ее голос – она что-то говорила, но тихо, слов не разобрать. Я пошла на голос – и увидела их.

Они были недалеко – только прошли чуть дальше вдоль реки, до поворота. Они меня не заметили, даже головы не повернули. Должно быть, долго бродили рука об руку вдоль камышовых зарослей. И должно быть, за это время он с ней объяснился наконец. Объяснился без меня, так что я ничего не слышала, – интересно, какие такие слова он произнес, что она теперь так и льнет к нему? Голову клонит ему на плечо. Юбка сзади задрана чуть не до колен. И при всем при том она на него не смотрит. Руки висят, как у тряпичной куклы. Он, прижавшись губами к ее волосам, что-то горячо нашептывает.

И пока я так стояла и смотрела, он взял ее безвольную руку и медленно-медленно стал отворачивать край перчатки, а потом поцеловал в ладонь.

И по этому жесту я догадалась, что он овладел ею. Кажется, он вздохнул. И она, кажется, тоже вздохнула – потом подалась к нему, вздрогнула, юбка задралась еще выше, так, что стали видны чулки и белая плоть бедра.

Воздух стал густым, как патока. Платье у меня взмокло под мышками и в локтях. Чугунная чушка и та бы вспотела, окажись она в таком пекле да еще во всем шерстяном. Каменные глазницы и те бы повылезли из орбит, когда бы такое увидели. Я не в силах была отвернуться. От этой картины – белая-белая рука, черная-черная борода, перчатка отвернута до половины, юбка топорщится – я словно оцепенела. Громче прежнего квакали лягушки. Река лениво облизывала тростник. Я не сводила с них глаз, а он склонил голову и снова нежно ее поцеловал.

Мне бы обрадоваться. Но я не обрадовалась. А почему-то сразу представила, как жесткие усы корябают нежную кожу. У нее такие гладкие пальцы, такие мягкие белые ногти. Только сегодня утром я их подстригала. Одевала ее, причесывала. Заботилась о ней, наряжала – и все ради этой вот минуты. Все для него. Сейчас, рядом с ним, черноволосым, облаченным во все темное, она казалась такой бледненькой, маленькой и нежной, что я испугалась: вот-вот хрупнет. Подумала: вдруг он ее проглотит, как серый волк? Или зашибет?

Я отвернулась. Дневной жар, густой воздух, тяжкий запах камыша – все это показалось мне вдруг невыносимым. Я повернулась и тихо побрела назад, к недописанному этюду. Через минуту громыхнуло, а еще через минуту послышался шелест юбок, и из-за угла каменной ограды показались Мод и Джентльмен: они шли под ручку быстрым шагом, перчатки на ней застегнуты как полагается, глаза долу. Он клонит к ней голову и придерживает за ручку.

Джентльмен первым заметил меня:

– Сью! Мы не хотели вас будить. Решили прогуляться по берегу и загляделись на реку. Солнце уже скрылось, и, кажется, дождь собирается. Есть у вас плащ для вашей госпожи?

Я не произнесла ни слова. Мод тоже молчала и упорно смотрела себе под ноги. Я накинула на нее плащ, потом взяла холст и краски, табурет и корзинку и поплелась следом за ними к калитке, а потом – к дому. Мистер Пей распахнул перед нами дверь. И только он ее закрыл, как грянул гром. И на землю закапали темные крупные дождевые капли.

– Как раз вовремя! – сказал Джентльмен, пристально глядя на Мод, с неохотой выпуская ее руку.

Руку, которую он целовал! Наверное, на ней еще оставался след его поцелуя – я заметила, как она украдкой прижимает руку к груди, словно баюкает.

Глава пятая

Весь вечер лил дождь. Потоки мутной воды текли мимо дверей подвала, заливая кухню и кладовые. Нам пришлось поторопиться с ужином, потому что мистер Пей и Чарльз собрались выносить мешки. Я стояла рядом с миссис Стайлз на черной лестнице у окна и смотрела на струи дождя и на вспышки молний.

Миссис Стайлз зябко повела плечами и сказала задумчиво:

– Плохо тем, кто сейчас в море!

Я раньше, чем обычно, поднялась в комнаты Мод и села, не зажигая света, так что когда она вошла, то поначалу меня не заметила – встала посреди гостиной и закрыла руками лицо. А когда, при очередной вспышке молнии, увидела меня, вздрогнула от неожиданности.

– Это вы? – спросила.

Глаза ее казались огромными. Она провела вечер в компании дядюшки и Джентльмена. «Ну сейчас она мне все расскажет», – подумала я. Но она только посмотрела на меня испуганно, потом грянул гром – и она убежала в спальню. Я пошла за ней следом. И пока я ее раздевала, она стояла безвольно, как в объятиях Джентльмена, только руку со следами поцелуя держала на отлете – берегла. Легла в постель и тихо лежала, лишь время от времени спрашивала:

– Вы слышите, как поливает? – И чуть погодя: – Кажется, гроза уходит…

Я представила себе подвал, залитый водой. Подумала о моряках в бескрайнем море. Подумала о Боро. Под дождем кровли лондонских домов громыхают. Я представила себе, как миссис Саксби лежит в постели, прислушиваясь к шуму дождя, и думает обо мне.

«Три тысячи фунтов! – сказала она. – *Ох ты мать честная!»*

Мод оторвала голову от подушки, видно, собиралась с духом. Я закрыла глаза. «Ну вот, сейчас начнет», – подумала я.

Но она так ничего и не сказала.

Когда я проснулась, дождь перестал и в доме было тихо. Мод лежала бледная как молоко: принесли завтрак, но она не притронулась к еде. Говорила спокойно, причем обо всяких пустяках. Так влюбленные себя не ведут. Впрочем, я надеялась, что вскоре она не выдержит и заговорит о своем возлюбленном. Наверное, ее переполняют чувства.

Она смотрела, как Джентльмен прохаживается под окнами и курит, но так и раньше бывало, а позже, когда он направился к мистеру Лилли, заявила, что пойдет на прогулку – одна, без него. Солнце почти не проглядывало, небо снова заволокло тучами, и земля была в свинцовых лужицах. Воздух был так пронзительно чист и свеж, что у меня голова закружилась. Но мы, как прежде, направились к леднику, потом – к часовне с могилами. Она присела у материнской могилы. Серое надгробие намокло и потемнело от воды. Траву вокруг прибило дождем. Рядом с нами без страха похаживали большие черные птицы – клевали червяков, наверное. Я стала за ними наблюдать. И видимо, тяжко вздохнула, потому что Мод, все еще хмурясь, посмотрела на меня и спросила участливо:

– Вам грустно, Сью?

Я покачала головой.

– Не отпирайтесь, – настаивала она. – Я во всем виновата. Я водила вас сюда, в это тоскливое место, и думала лишь о себе. Но вы знаете, каково это – узнать материнскую любовь и потом ее потерять.

Я отвернулась.

– Ничего. Это не важно.

Она сказала:

– Какая вы сильная…

Я вспомнила о своей матери, умершей на эшафоте, и вдруг мне захотелось – никогда мне этого не хотелось, – чтобы она была обычной женщиной и чтобы умерла, как обычно умирают.

Словно подслушав мои мысли, Мод вдруг тихо сказала:

– А как – ничего, что я спрашиваю? – как умерла ваша мать?

Я сразу и не нашлась. Потом сказала, что она проглотила булавку и задохнулась.

Я правда знала одну женщину, которая умерла таким образом. Мод, услышав мой ответ, охнула. Потом глянула на материнскую могилу.

– А представьте себе, – тихо произнесла она, – что бы вы чувствовали, если бы сами дали ей эту булавку?

Странный вопрос, но, разумеется, я к тому времени привыкла к ее странной манере вести беседу. Я ответила, что очень бы мучилась.

– Правда? – оживилась она. – Видите ли, я не просто так поинтересовалась. Потому что я самим своим рождением убила маму. Я так же виновата в ее смерти, как если бы зарезала ее собственной рукой!

Она посмотрела на свои перчатки – кончики пальцев окрасились от глины.

– Чушь какая. Кто вам такое сказал? Ему должно быть стыдно.

– Никто не сказал. Я сама так думаю.

– Тем хуже, потому что вы умная и сами должны понимать. Разве можно нарочно не рождаться?!

– А я бы хотела – нарочно! – крикнула она.

Черная птица взлетела из-за могилы, громко захлопав крыльями, – звук был такой, словно вытряхивают ковер, вывешенный из окна. Мы, разом повернув головы, стали смотреть, как она летит, а когда я обернулась к мисс, в глазах у нее стояли слезы.

Я подумала: «Ну и чего ты плачешь? Ты любишь, ты любима». И попыталась напомнить ей.

– Мистер Риверс… – начала я.

Но при упоминании о нем она лишь повела плечами.

– Посмотрите на небо, – быстро проговорила она. Небо над нами стало темно-свинцовым. – Кажется, опять будет гроза. А вот и дождь, смотрите!

И закрыла глаза, подставляя лицо под первые капли, и через пару минут уже не понять было, дождь ли струится по ее щекам или слезы. Я шагнула к ней и взяла ее за руку:

– Накиньте плащ.

Дождь полил со страшной силой. Я подняла ей капюшон, застегнула, укутала, как маленькую, – она стояла не шелохнувшись, и я подумала: если бы я не спохватилась, она бы так и сидела на могилке и, наверное, промокла бы насквозь. Я довела ее до часовни. Дверь была заперта, на тяжелой цепи – замок, но над входом был небольшой дощатый навес, по счастью не дырявый. Дождь тяжко лупил по доскам, так, что они дрожали. Подолы наших платьев намокли и отяжелели. Мы стояли бок о бок, прижавшись к двери, а дождь бил в землю своими прозрачными стрелами. Тысяча стрел – на одно несчастное сердце.

– Мистер Риверс просил моей руки, Сью, – вдруг призналась она.

Сказала это самым обыденным тоном – так отвечают затверженный урок, и, хотя я так долго ждала этих слов, ответ мой прозвучал довольно уныло:

– О мисс Мод, я рада как не знаю кто!

Капля дождя прозвенела меж нами.

– Правда? – сказала она. Локоны ее прилипли к мокрым щекам. – Тогда, – грустно сказала она, – мне очень жаль. Потому что я еще ему не ответила. Не могу же я… Дядюшка

мой… Он просто так меня не отпустит. Придется ждать целых четыре года, пока мне не исполнится двадцать один. Ведь это жестоко – просить мистера Риверса так долго ждать?!

Конечно, мы предполагали, что она так подумает. И даже хотели, чтобы она так думала, потому что так она скорее согласится убежать и тайно повенчаться. Я очень осторожно спросила:

– А вы точно знаете насчет дядюшки?

Она кивнула:

– Он не отпустит меня, пока у него есть книги, которые надо читать и изучать; а они-то никуда не денутся! Кроме того, он гордый. Конечно, мистер Риверс джентльмен по рождению, но…

– Но ваш дядя считает его недостаточно шикарным?

Она прикусила губу.

– Знал бы он, что мистер Риверс просит моей руки, он бы отказал ему от дома. Но ведь рано или поздно ему все равно придется уехать, когда работа будет окончена! Он уедет… – Голос ее задрожал. – И я его больше не увижу! И смею ли я надеяться на его верность, если придется ждать столько лет?!

Она утирала слезы, как маленькая. Плечи ее сотрясались от рыданий. В общем, жалкое зрелище, да и только.

– Не плачьте, – сказала я, убирая с ее мокрой щеки прилипшую прядку. – Правда, мисс, не надо плакать. Неужели вы думаете, что мистер Риверс откажется от вас? Да разве он посмеет? Вы для него – всё. И дядя ваш, как только это увидит, сразу переменится.

– Счастье мое для него ровно ничего не значит. Он думает лишь о книгах! И я для него все равно что книга. Ко мне нельзя прикасаться, меня нельзя любить. Меня надо держать здесь, в этой книжной пыли, вечно!

Никогда еще я не слышала от нее таких гневных речей.

Я сказала:

– Дядюшка ваш любит вас, я уверена. А мистер Риверс… – Слова встали у меня поперек горла, пришлось прокашляться. – Мистер Риверс тоже любит.

– Вы правда так считаете, Сью? А то вчера он был так резок, ну, у реки, когда вы спали. Он рассказывал мне про Лондон – про свой дом, про свою мастерскую, – что ему очень хочется привезти меня туда, но не как ученицу, а как жену. Он говорит, что только об этом и мечтает. Говорит, что не выдержит долгого ожидания и умрет! Как думаете, Сью, он это всерьез?

Она ждала, что я отвечу. А я твердила себе: «Он не врет, не врет, он и вправду любит ее – из-за ее денег. И наверное, если бы он потерял ее сейчас, он бы точно умер».

И сказала:

– Я уверена, он не шутит.

Она уставилась в пол:

– Но что же тогда ему делать?

– Поговорить с дядюшкой.

– Но это невозможно!

– Тогда, – проговорила я, изо всех сил сдерживая дыхание, – тогда надо найти другой выход.

Она ни слова не произнесла в ответ, лишь головой кивнула.

– Вы должны это сделать.

Опять молчок.

– Есть ли у вас, – продолжала я, – возможность найти другой выход?..

Она подняла на меня заплаканные глаза, смахнула последние слезинки. Быстро огляделась по сторонам, придвинулась ко мне и зашептала:

– Вы никому не скажете, Сью?

– О чем, мисс?

Она помедлила.

– Пообещайте мне, что не скажете. Поклянитесь!

– Клянусь! – сказала я. – Клянусь! – А сама подумала: «Ну давай же наконец, выкладывай!» – потому что жаль мне ее стало, бедняжку: так мучается, боясь выдать свой секрет, и не знает, что для меня-то это уже давно не тайна.

И вот наконец она не выдержала.

– Мистер Риверс, – сказала она тихо и почти уже не волнуясь, – говорит, мы должны бежать под покровом ночи.

– Бежать! – ахнула я.

– Говорит, мы должны тайно обвенчаться. Говорит, дядя может потребовать меня назад, но ему это не удастся, раз я буду… замужем.

Говоря эти слова, она вдруг побледнела – кровь отхлынула от ее лица. И такая она стала серая – прямо как плита с материнской могилы.

– Делайте, как сердце подскажет, мисс, – сказала я.

– А я вот не уверена. Да, до конца не уверена…

– Но подумайте, каково это будет: любить – и потерять любимого!

Она посмотрела на меня как-то странно.

Я спросила:

– Вы ведь его любите?

Она отвела взгляд, потом странно улыбнулась и не ответила. А чуть погодя сказала:

– Я не знаю.

– Не знаете? Как это – не знаете? Прислушайтесь к себе: разве сердце ваше не бьется как сумасшедшее, едва вдалеке послышатся его шаги? И вас не бросает в дрожь от одного звука его голоса? А когда он берет вас за руку, разве вы не готовы лишиться чувств? И разве не снится он вам по ночам?

Она закусила губу.

– И что же? Из этого следует, что я его люблю?

– Ну разумеется! Что еще это может означать?

Она ничего не сказала. Закрыла глаза, сжала руки, и я заметила, как она украдкой трогает то место у запястья, которого он вчера касался губами. И лишь теперь я поняла: она не поглаживает место поцелуя, а изо всех сил оттирает след! Словно это не поцелуй, а ожог, зудящая рана, и она пытается соскрести его след, забыть о нем.

Она его не любит, а боится!

У меня дыхание перехватило.

– Как же быть? – спросила я тихо, шепотом.

– Как быть? – Она поежилась. – Я нужна ему. Он попросил моей руки. Он хочет, чтобы я принадлежала ему.

– Но вы можете сказать «нет».

Она округлила глаза, словно не веря, что я произнесла это. Я и сама такого от себя не ожидала.

– Сказать ему «нет»? – медленно повторила она. – «Нет»? И смотреть из окна, как он уезжает? А может быть, я в этот момент буду в дядюшкиной библиотеке, а там окна закрашены, и тогда я вообще не увижу, как он уезжает. Навеки. А потом, потом… О Сью, думаете, я не знаю, какая жизнь меня здесь ожидает? И не глупо ли надеяться, что здесь появится еще кто-то, кому я буду так же нужна, как ему? Разве у меня есть выбор?

И так она на меня посмотрела – в упор, что я вздрогнула. Не зная, что сказать, я отвела взгляд и стала зачем-то рассматривать потрескавшуюся деревянную дверь часовни и ржа-

вую цепь с навесным замком. Навесные замки – самые простые. Хуже всего такие, в которых рабочие детали с предохранителем. Вот их-то чертовски трудно взломать. Мистер Иббз показывал мне, как это делается. Закрыв глаза, я стала представлять его лицо, а потом – лицо миссис Саксби. *Три тысячи фунтов!..*

И, глубоко вздохнув, я сказала:

– Выходите за него, мисс. Не ждите, пока дядя разрешит. Мистер Риверс вас любит, и пусть себе любит, кому от этого хуже? Со временем и вы его полюбите. А пока бегите с ним и делайте, как он скажет.

В первый момент мне показалось, что ее разочаровал мой ответ – словно она надеялась услышать от меня что-то другое, и в глазах ее мелькнул ужас, но это было мимолетное ощущение.

– Я так и сделаю, – сказала она. – Но я не могу бежать одна. Как я буду там – одна, без прислуги? Вы должны поехать со мной. Нет, вы должны обещать. Обещайте, что поедете со мной в Лондон!

Я сказала, что согласна. Она хихикнула и вот только что печалилась и чуть не плакала, а теперь – нате вам, сияет от счастья! Она стала рассказывать про дом, о котором ей наплел Джентльмен, и о лондонских модных нарядах (как я буду помогать ей их выбирать), и о том, какая у нее будет карета… Сказала, что накупит мне красивых платьев. Сказала, что будет называть меня не служанкой, а компаньонкой. Сказала, что у меня тогда будет собственная горничная.

– Потому что, знаете ли, я буду очень богата, – простодушно сказала она, – когда выйду замуж.

Еще раз передернув плечами, она широко улыбнулась, схватила меня за руку и притянула к себе. Щека ее была прохладной и гладкой, как жемчуг. На волосах сверкали капли дождя. Я решила, что она плачет. Но не посмела отстраниться, чтобы получше рассмотреть. Мне не хотелось, чтобы она видела мое лицо. Думаю, взгляд мой в тот момент был страшен.

…В тот день после обеда она, как обычно, выложила краски и холсты, но кисти и краски так и остались сухими. Джентльмен, войдя, быстрыми шагами подошел к ней и замер, словно хотел обнять, но не осмеливался. Он назвал ее не «мисс Лилли», а просто: «Мод». Он произнес это тихо и страстно – и она напряглась, застыла и чуть погодя кивнула. Тогда он схватил ее руку и рухнул перед ней на колени – на мой взгляд, это было уже чересчур, да и она, казалось, глядит недоуменно.

– Нет, только не здесь! – воскликнула она и кивнула в мою сторону, а он, заметив ее взгляд, произнес:

– Но перед Сью мы можем не таиться. Ты ведь ей рассказала? Она все знает?

И, сделав над собой видимое усилие, повернул ко мне голову, словно ему доставляло невыносимые муки смотреть на что-либо, кроме нее…

– Ах, Сью, – сказал он, – если вы питаете добрые чувства к своей хозяйке, то покажите это сейчас! Если вы способны благосклонно отнестись к влюбленной паре, то сделайте это для нас!

И многозначительно посмотрел мне в глаза. Я ответила ему точно таким же взглядом.

– Она обещала помочь нам, – пролепетала Мод. – Но, мистер Риверс…

– О Мод! – перебил он. – Вы меня обижаете!

Она опустила голову.

– Ну Ричард, – поправилась она.

– Так-то лучше.

Он все еще стоял на коленях, заглядывая ей в лицо. Она коснулась его щеки. Он поцеловал ее руку, она тотчас же руку отдернула.

– Сью будет помогать нам как может, – сказала она. – Но мы должны соблюдать осторожность, Ричард.

Он с улыбкой покачал головой. Потом сказал:

– А я, по-вашему, сейчас не осторожен? – Поднявшись с колен, он отступил на шаг. – А знаете ли вы, – продолжал он, – каким осторожным сделала меня любовь? Вот, видите мои руки? Меж ними соткана тончайшая паутина. Из самых заветных желаний. А в самой середине – паучок, цвета рубина. Этот паучок – вы. И вот я беру вас – нежно, осторожно, и никаких банок! – так что вы даже ничего и не заметите.

Говоря эти слова, он сложил ладони чашей, а когда она заглянула в них, расправил пальцы и засмеялся.

Я отвернулась. Когда же снова посмотрела на этих двоих, то увидела, как он, сжав ладонями ее руки, нежно прижимает их к сердцу. Она, похоже, успокоилась. Они сели рядком и стали шептаться – слов было не разобрать.

И я вспомнила все, что она говорила у надгробий, и как отчаянно терла руку… И я подумала: «Но это было тогда. Теперь все другое. Как его не любить, такого красивого и ласкового?»

Я подумала: «Конечно, она любит его». Я видела, как он, нагнувшись, коснулся ее плечом – она вся зарделась. «Такого трудно не полюбить», – подумала я.

Потом он поднял голову, и настал мой черед краснеть.

Он сказал:

– Вы знаете свои обязанности, Сью. От вашего взора ничто не укроется. Нам это будет весьма и весьма кстати – со временем. Но сегодня – сегодня попытайтесь припомнить: нет ли у вас каких-нибудь неотложных дел? Не нужно ли вам сходить куда-нибудь?

И показал глазами на дверь спальни Мод.

– Там для вас шиллинг, – сказал он, – если вы удалитесь.

Я чуть не послушалась его и не ушла. До того я была замучена ролью прислуги. И в этот момент я увидела Мод. Краска схлынула с ее лица. Она сказала:

– Но что, если Маргарет или кто еще из девушек вдруг окажется у двери?

– С какой стати? – удивился Джентльмен. – Да если бы и так, что они услышат? Мы будем вести себя тихо-тихо. И они уйдут. – Он улыбнулся мне. – Будьте милосердны, Сью, – произнес он с напускной застенчивостью. – Сжальтесь над любящими сердцами. Был же у вас когда-нибудь возлюбленный?

Я уже готова была уйти, если бы он этого не сказал. А тут вдруг подумала: за кого он меня держит? Вольно ж ему строить из себя благородного господина, ему-то, мошеннику из мошенников! С кольцом-медяшкой на пальце и с полными карманами фальшивых монет. Я знаю Мод, знаю много ее секретов – гораздо больше, чем знает он. Я сплю рядом с ней на ее собственной постели. Благодаря моим стараниям меня она любит как сестру, а его – боится. Я бы запросто настроила ее против него, если бы только захотела! Хватит с него и того, что она согласилась за него выйти, в конце-то концов. Хватит и того, что он целует ее, когда ему вздумается. Я не допущу, чтобы ею понукали и огорчали понапрасну. Я подумала: «Иди ты к черту, я все равно получу свои три тысячи!»

И сказала:

– Боюсь, я не могу сейчас оставить мисс Лилли. Ее дядя не одобрил бы этого. А если дойдет до ушей миссис Стайлз, тогда я и вовсе потеряю место.

Он глянул на меня исподлобья. Мод же и не посмотрела в мою сторону. Но я знала, что она благодарна мне в душе.

– В конце концов, Ричард, – нежно проговорила она, – мы не можем требовать от Сью слишком многого. У нас скоро будет время побыть наедине, не правда ли?

– Хотелось бы надеяться, – ответил он. И повел ее к камину, а я пошла и села у окна с вышиванием, стараясь не смотреть в их сторону, – пусть себе любезничают без помех. До меня доносился его сдавленный шепот, я слышала его прерывистое дыхание, его смешки. Но Мод, похоже, молчала. А когда он, перед самым уходом, поднес ее руку к губам, чтобы поцеловать, ее сотрясала такая сильная дрожь, что мне сразу пришли на память все подобные случаи, когда она вот так же дрожала, и я подумала: «Нет, определенно это не любовь!» И как только дверь за ним затворилась, она подскочила к зеркалу, как часто бывало, и стала внимательно вглядываться в свое отражение. Постояв так с минуту, она вдруг резко отвернулась. Очень медленно и тихо она перешла от зеркала к дивану, потом к креслу, а от кресла к окну – так перемещалась она по комнате, пока не оказалась рядом со мной. Склонилась надо мной, чтобы посмотреть, как я вышиваю, и ее волосы, в бархатной сетке, коснулись моей головы.

– У вас так ровно получается, – сказала, хотя именно сейчас было как раз наоборот. Я слишком затягивала нить, и стежки выходили неровные.

Но она стояла и больше ничего не говорила. Только вздохнула пару раз. Наверное, хотела что-то сказать мне, но не решилась. В конце концов она отошла.

И вот наша ловушка, о которой я так легкомысленно говорила и которую так усердно помогала устанавливать, наконец готова. Оставалось лишь чуть-чуть подождать – и она захлопнется. Джентльмен был нанят на должность секретаря мистера Лилли до конца апреля и намеревался соблюсти оговоренный срок. («Чтобы старик не мог меня обвинить в том, что я самолично разорвал контракт, – со смехом объяснял он мне, – когда выяснится, что я кое-что другое порвал».) Он заранее наметил день, когда должен будет уехать, – вечером в самый последний день месяца, но, вместо того чтобы сесть на поезд и отбыть в Лондон, он, потянув время, вернется в дом, когда стемнеет, и заберет нас с Мод. Он должен умыкнуть ее по-тихому, чтобы никто ничего не заметил, и потом быстро повенчаться с ней, пока дядюшка не забил тревогу и не начал требовать ее назад. Он все продумал. Он не мог увезти ее в пролетке, потому что его остановят у ворот. Он придумал подогнать лодку и спуститься с невестой вниз по течению реки до какой-нибудь церквушки, где никто ее в глаза не видел и не узнает в ней племянницу мистера Лилли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.